

Бахитов С. Б.
S. B. Bakhitov

ОТЧУЖДЕНИЕ ТРУДА В ЗЕРКАЛЕ ПСИХОАНАЛИЗА Э. ФРОММА

ESTRANGEMENT OF LABOUR IN MIRROR OF PSYCHO-ANALYSIS OF E.FROMM

Бахитов Станислав Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин СурГПУ, (Россия, Сургут); 628406, РФ, Тюменская обл., ХМАО, г. Сургут, ул. 30 лет Победы, д. 60, кв. 185; 89678835024. E-mail: baxitova@mail.ru

Bakhitov Stanislav Borisovich, candidate of historical sciences, lecturer, lecturer of cathedra of social and humanitarian disciplines SurSPU, Russia, Surgut (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 628406, Russia, Tumen region, HMAO, Surgut, st. 30 years of Victory 60, fl. 185; 89678835024. E-mail: baxitova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается попытка синтеза марксистской и психоаналитической концепций американским психоаналитиком Э. Фроммом для описания ситуации, возникшей в XX веке, когда появились новые формы отчуждения, основанные на навязывании ложных потребностей. Именно консьюмеризм становится важнейшей опорой существующего порядка. Исследование эволюции отчуждения, по мнению автора, позволяет объединить марксизм и историю ментальностей на основе материализма, так как само отчуждение есть одновременно экономический, политический и ментальный феномен.

Summary. In this article we can see the application of Marxian conception of estrangement for the description of the conditions of work and life in XX century in writings of E. Fromm. If in Marxian conception the estrangement in capitalistic society expressed in the increasing of poverty, then in Fromm's conception the estrangement was based on the increase of the wrong requirements. New form of the estrangement was happened a consumerism. The author of this article considers, what the investigation of dialectical history of the estrangement is useful way for the rapprochement of Marxism and mental conceptions of history on the base of materialism, because the problem of estrangement is the problem of political, economical and spiritual history simultaneously.

Ключевые слова: отчуждение, ложные потребности, консьюмеризм, социальный характер.

Key words: estrangement, wrong requirements, consumerism, social character.

УДК 930.1.1

Проблема отчуждения труда, впервые поставленная Г. В. Ф. Гегелем, приобретает особое значение у молодого К. Маркса. В условиях капитализма деятельностное саморазвитие, по мнению К. Маркса, превращается в свою противоположность – в самоотчуждение [5, 91]. Важнейшим элементом отчуждения становится разделение труда в условиях промышленной революции: «По мере развития этого разделения труда, с одной стороны, и накопления капиталов, с другой, рабочий все в большей и большей степени попадает в полную зависимость от работы, и притом от определенной, весьма односторонней, машинообразной работы. Наряду с духовным и физическим принижением его до роли машины, с превращением человека в абстрактную деятельность и в желудок, он попадает все в большую и большую зависимость от всех колебаний рыночной цены, от применения капиталов и прихоти богачей» [5, 50].

Экономическо-философские рукописи (Парижские рукописи) писались в 1844 г., когда промышленная революция в континентальной Европе еще только начиналась, неся обнищание большей части рабочего класса и разорение массе ремесленников. Но с середины XIX в. ситуация меняется сначала в Англии, а затем и в других наиболее промышленно раз-

витых странах Запада заработная плата (в норме) начинает расти быстрее, чем цены [1, 673-678]. Как писал отечественный историк Ю. И. Семенов, во второй половине XX в. обеспеченного положения добилось большинство рабочего класса, этот класс в странах ядра мир-системы в большинстве своем перестал быть пролетариатом в буквальном смысле этого слова, что привело к потере им революционности [7, 516].

Но исчезло ли отчуждение? Положение рабочих сблизилось с положением служащих и интеллигенции, но все они вместе оказались под контролем капиталистической и государственной бюрократии, что, думается, позволяет нам говорить о новом классе пролетариата, выделяемом именно по признаку отчуждения труда. В стимулировании к труду и контроле за поведением во вне рабочее время этого нового класса все большую роль начинают играть СМИ, особенно реклама, создающая новые искусственные потребности престижного типа во имя сохранения капитализма [7, 516]. Одним из первых новую ситуацию отчуждения попытался осмыслить германо-американский психоаналитик Герберт Маркузе, оказавший значительное влияние на бунтующую молодежь Запада в конце 1960-х гг. По мнению Б. Ю. Кагарлицкого, антибуржуазный молодежный протест 1960-х гг. можно понять, только учитывая важные изменения в странах Запада после 1945 г. Среди них образовательная революция, предоставившая высшее образование значительной части молодежи, но одновременно породившая проблему перепроизводства интеллектуалов. Следует учесть также, что новое поколение, не прошедшее войны, не видело ничего выдающегося в комфортных условиях жизни. «Новые левые» выступили и против буржуазии, и против «старых левых». Западное общество воспринималось ими как тотально коррумпированное, подчиненное логике потребления и лишаящего человека возможности самореализации производства [4, 114-125]. Кумиром этой молодежи и стал Г. Маркузе, писавший, что современная элита правит путем манипулирования сознанием и бессознательным, стимулирования избыточного производства и потребления, навязывания ложных потребностей [6, 270-275].

Надо заметить, что Г. Маркузе был не первым, кто обратился к проблеме потребления как средства контроля элиты над обществом. Впервые эта проблема была поставлена основателем американского институционализма Торстейном Вебленом в работе «Теория праздного класса». Этот класс, согласно Т. Веблену, появляется в эпоху варварства вместе с частной собственностью и рабством [3, 73-77]. С переходом к эпохе варварства доблестная деятельность все более связывается с захватом чужого имущества и рабов [3, 68]. В конечном счете для высшего класса становится обязательным воздержание от производительного труда [3, 84]. С развитием праздного класса формируется и его демонстративное потребление [3, 109]. В современном Т. Веблену капиталистическом обществе (работа была написана в 1899 г.) бизнесмен вынужден заниматься производственной деятельностью, а праздность и потребление переключаются на его жену. С развитием экономики и урбанизации значение показной праздности падает, а показного потребления – растет вместе с увеличением числа социальных контактов индивида и подвижности населения [3, 118-123]. Требования показного потребления распространяются на большую часть общества. Увеличение доходов ведет к увеличению демонстративных расходов под угрозой обвинения в скупости [3, 134-135]. В результате завистнического соперничества, когда возрастающая эффективность производства позволяет уменьшить затраты труда, они не уменьшаются, усилия направляются на достижение более высокого уровня демонстративного потребления, который вполне может соседствовать со сравнительной убогостью повседневной жизни. Отсюда, кстати, проистекает стремление скрыть эту жизнь от посторонних. С потребностями престижного потребления Т. Веблен связывает и низкий уровень рождаемости в тех социальных слоях, для которых престижные расходы особенно настоятельны, например, среди ученых, вынужденных контактировать с представителями более богатых классов [3, 140-142].

Однако, согласно Г. Маркузе, всеобщая механизация труда открывает возможность новой человеческой действительности – а именно, жизни в свободное время на основе удовлетворения первостепенных потребностей. Отказ от прибыльной расточительности и кон-

троль рождаемости увеличили бы общественное богатство, предназначенное для распределения, а конец перманентной мобилизации сократил бы общественную потребность в отказе от удовлетворения индивидуальных потребностей. Новую социальную силу, способную изменить мир, Г. Маркузе видит в аутсайдерах, остающихся за бортом демократического процесса [6, 483-514].

Идеи Герберта Маркузе нашли наибольший отклик у молодежи, еще несвязанной социальными обязательствами, особенно у студентов, став идеологической основой студенческих выступлений 1968 г. Позднее, как отмечает Б. Ю. Кагарлицкий, сам Маркузе в книге «Контрреволюция и бунт» пересмотрел свои взгляды, придя к выводу, что молодежный протест в одиночестве бессилён, он должен запустить большой мотор рабочей революции [4, 139-140].

После 1968 г., однако, на Западе происходит затухание революционного импульса. Герои прошлого либо умерли, либо перестали вызывать уважение. Причина этого, согласно Б. Ю. Кагарлицкому, заключается в мир-системном характере современного капитализма. «Рабочая аристократия» Запада боялась потерять свое потребительское благополучие. И хотя далеко не все западные трудящиеся относились к «рабочей аристократии», в целом господствовала идеология потребления. Часть бывших бунтарей превратилась в новых бюрократов. Что касается рядовой интеллигенции, то в ее поправении, видимо, сказалось осознание того факта, что возможности роста общества потребления ограничены ресурсной базой. Если все будут потреблять на уровне граждан США, то наступит экологическая катастрофа [4, 199-214]. Потребление оказалось важнее отчуждения.

Здесь, видимо, скрывается главная причина неудачи политического проекта Г. Маркузе. Синтез марксистской концепции отчуждения с фрейдистской теорией бессознательного позволил ему описать ситуацию принуждения в современном западном обществе, но не позволил найти выход. Этот выход нельзя найти, если не учитывать мир-системного характера современного капитализма, противоречий между ядром и периферией системы, ядром и полупериферией (ныне – Россия и Китай), внутри периферии и полупериферии [2]. Именно здесь, вероятно, и возникнут импульсы, дестабилизирующие мир-систему. Но когда Г. Маркузе писал своего «Одномерного человека», основные труды по мир-системному анализу, принадлежащие Ф. Броделю и И. Валлерстайну, еще не были написаны и опубликованы. Еще одним важным источником дестабилизации являются противоречия между обществом и природой, которые, по К. Марксу, есть отражение характера общественных отношений [5, 118]. Особенно следует отметить истощение ресурсов. Ныне борьба за ресурсы становится одним из мощнейших факторов дестабилизации. Увы, дестабилизация не обязательно ведет к формированию новой этики.

После 1968 г. наиболее серьезным исследованием проблемы капиталистического отчуждения в рамках психоанализа стала работа Эриха Фромма «Иметь или Быть» (1976 г.). Основой соединения марксизма и психоанализа для Э. Фромма выступает социальный характер, являющийся результатом взаимодействия между индивидуальной психикой и социально-экономической формацией [8, 507]. Еще в работе «Человек для себя» (1947 г.) Э. Фромм писал, что характер можно определить как относительно перманентную форму, служащую проводником человеческой энергии в процессе ассимиляции мира вещей и социализации. Характер дает основу для приспособления индивида к обществу. Тот факт, что большинство членов некоего социального класса или культуры обладают сходством значимых элементов характера, позволяет говорить об участии в формировании характера социальных и культурных моделей. Далее Э. Фромм выделяет такие типы социального характера, как рецептивный, склонный искать «источник всех благ» вовне, эксплуататорский, ориентированный на получение желаемого от других силой или хитростью, стяжательский, рыночный и плодотворный [8, 60-102]. В реальности, конечно, у человека сочетаются различные виды перечисленных выше ориентаций, можно говорить лишь о преобладании той или иной у индивида или у общества [8, 103]. Рецептивная ориентация, согласно Э. Фромму, характерна для об-

ществ, где за одной группой закреплено право эксплуатировать другую, эксплуататорский характер заставляет вспомнить о феодалах, пиратах и магнатах-грабителях XIX в., стяжательская ориентация существовала бок о бок с эксплуататорской в XVIII-XIX вв. [8, 76-77].

Современный ему социальный характер западного человека Э. Фромм называет «рыночной личностью», подчеркивая, что человек этого типа самого себя воспринимает как товар, видит свою ценность не в своей «потребительской», а в «меновая стоимости» [8, 521]. Самооценка индивида прямо зависит от его меновой ценности, что ориентирует его в первую очередь на выгодное позиционирование своей персоны. В результате человек этого типа не имеет своего эго, каким располагал любой индивид в XIX в. Члены общества превратились в безликие инструменты, их главная ценность теперь – в причастности к огромному концерну или другой бюрократической машине. Рыночная личность не умеет любить или ненавидеть, т. к. эти чувства мешают ей функционировать в алгоритме «мегамашины». Она ничего не принимает близко к сердцу в силу поверхностности оценок себя и других. Единственный вопрос, который она себе задает: достаточно ли хорошо я работаю, чтобы делать карьеру? В вещах для нее важны мода, престиж и комфорт. При этом сменить можно все: одежду, мебель, друзей, жен, любовниц, партнеров по бизнесу. Разум заменяется манипулятивным интеллектом (инструментальным мышлением). На языке психиатров такой тип называют шизоидным [8, 522-525]. Таким образом, рыночная личность – это предельный результат отчуждения труда, говоря словами К. Маркса, отчужденная личность [8, 525]. Бюрократизация капитализма лишь усиливает эффект отчуждения.

В формировании рыночного характера свою роль играет и система образования. В работе «Революция надежды» (1968 г.) Э. Фромм констатирует, что образование стало инструментом общественного преуспевания или в лучшем случае сведено к использованию знаний для практического приложения, к «добыванию пищи» [8, 330]. В книге «Иметь или Быть» он выделяет два типа студентов: ориентированных на обладание знанием и на бытие. Первые, слушая лекции, воспринимают слова, улавливают логические связи и общий смысл, делают максимально подробные записи, но не думают о содержании, о своем отношении к материалу. Мысли, не укладывающиеся в привычную систему, вызывают у них страх. Вторые, приходя на лекции, уже имеют представление о теме, которая будет обсуждаться. Они не просто слушают, но и воспринимают и реагируют активно и творчески [8, 409-410]. К сожалению, система образования больше ориентирована на первый тип. Как пишет Э. Фромм, многие колледжи предлагают студентам гигантский бутерброд, от которого студент может откусить кусочек то в одном, то в другом месте, что якобы стимулирует к свободному выбору темы [8, 421]. Думается, здесь невольно вспоминается современная реформа вузов по болонской системе. На место смысла пришли информация и навыки.

В «Революции надежды» Э. Фромм пишет, что у современного человека не осталось других целей, кроме все большего производства и потребления, люди выполняют решения, принимаемые за них электронными машинами [8, 219]. В обществе распространяется или пассивное ожидание, основанное на ощущении безнадежности, или псевдорадикальный авантюризм, ярким представителем которого Э. Фромм считал Г. Маркузе, называя его отчужденным интеллектуалом, представляющим свое личное отчаяние в виде радикализма [8, 225-227]. В работе «Иметь или Быть» Э. Фромм обвиняет Г. Маркузе (с которым у него много общего) в том, что тот поддерживает инфантилизм радикальной молодежи, не сумевшей заменить «свободу от...» на «свободу для...» [8, 452].

Противоположностью рыночной самопродаже для Э. Фромма (как и для К. Маркса) является творчество, понимаемое как активное, неотчужденное приложение своих способностей к имеющимся объектам. Однако, отмечает Э. Фромм, современный ему мир (как капиталистический, так и (особенно со времен Н. С. Хрущева) социалистический) ориентирован не на творчество, а на потребление [8, 531-533]. Необходим новый плодотворный социальный характер, ориентированный не на обладание, а на бытие. Э. Фромм выделяет несколько базовых принципов гуманистического переустройства общества и человека: производство

должно служить человеку, а не экономической системе; отношения между человеком и природой должны строиться не на эксплуатации, а на кооперации; взаимный антагонизм повсюду должен быть заменен отношениями солидарности; высшей целью всех социальных преобразований должно быть человеческое благо и предотвращение человеческих страданий; не максимальное потребление, а лишь разумное служит здоровью и благополучию человека; каждый человек должен быть заинтересован в активной общественной деятельности и вовлечен в нее [8, 534].

Новый человек, по Э. Фромму, должен быть готов отказаться от всех форм обладания в пользу бытия, быть уверенным в собственных силах и активным, внимательным к людям и сосредоточенным, должен уметь радоваться возможности служить людям и любить жизнь во всех ее проявлениях, развивать в себе способность жить без идолопоклонства, способность к критическому мышлению, к преодолению собственного нарциссизма, к познанию себя [8, 543-545]. Новому человеку должно соответствовать новое общество, сочетающее планирование в экономике с высокой степенью децентрализации, ориентированное не на бесконечный экономический рост, а на избирательное развитие отдельных областей, мотивирующее к труду не на основе материальной выгоды, а на основе удовлетворенности работой, исключающее возможность использования научных исследований во вред человечеству, обеспечивающее человеку счастье и избавляющее его от погони за «наслаждениями», создающее гарантии индивидуальной безопасности граждан и их независимости от бюрократической машины, формирующее условия для «личной инициативы» граждан во всех сферах жизни [8, 546-547].

Первым шагом здесь Э. Фромм считает сокращение производства до уровня «здорового и разумного потребления». Добиться этого можно лишь на добровольной основе, если люди сами захотят изменить свой образ жизни. А это возможно только тогда, когда людям будет предложена более привлекательная модель потребления. Главную роль здесь должны сыграть правительство, ученые и массовое движение потребителей. Но даже хорошо организованное движение покупателей будет бессильно перед современным всевластием корпораций. Выход заключается в ограничении права акционеров и руководителей корпораций на установление характера и норм производства, в осуществлении подлинной демократии в принятии экономических и политических решений на основе активного участия людей в общественных делах и в развитии «своих» предприятий, в усилении роли местного самоуправления при предоставлении полноценной информации и децентрализации экономической и политической власти [8, 549-558]. Необходимо, согласно Э. Фромму, запретить в коммерческой рекламе и политической пропаганде любые методы «промывания мозгов», установить гарантированный нижний уровень годового дохода, обеспечивающий определенную свободу индивида, освободить женщин от патриархальной зависимости, создать действенную систему распространения объективной информации, создать экспертный и консультативный совет по вопросам культуры, работающий как для правительства, так и для граждан, а также отделить фундаментальные научные исследования от их реализации в промышленности и обороне с помощью специальной контрольной комиссии, регулирующей их использование, провести ядерное разоружение [8, 561-570].

Возможность для реализации этой программы видится Э. Фромму в том, что все большее число людей осознает необходимость новой экологической и социальной этики, все больше растет недовольство населения общественным строем [8, 571]. При этом, по мнению Э. Фромма, отчужденному, рыночному характеру легче меняться, чем характеру накопительскому, яростно сражающемуся за свою собственность и свое эго [8, 573]. Рабочий класс потерял монополию на революционность. Сегодня, согласно Э. Фромму, перспектива создания нового общества привлекает всех тех, кто страдает от отчуждения, занят наемным трудом и не имеет крупной собственности, т. е. большинство населения [8, 574].

Некоторые предложения Э. Фромма позднее были частично реализованы на Западе благодаря массовым альтернативным движениям, большинство же остались благими поже-

ланиями. Решить проблемы, выделенные Э. Фроммом, без решения вопросов о собственности и власти оказалось невозможно. Как и Г. Маркузе, Э. Фромм рассматривал в первую очередь западное общество и не смог найти на Западе силы, способные изменить мир. Не видно их пока и за пределами ядра мир-системы. Это, однако, означает не вечность мир-системы капитализма, а то, что ее кризис происходит объективно, не будучи осознан субъективно. Но результат будет во многом зависеть от субъективных «проектов будущего» участников процесса. И здесь мы подходим к определению главной заслуги Э. Фромма. Она в том, что в условиях кризиса радикализма 1960-х гг. были поставлены вопросы, актуальные до сих пор. Эрих Фромм предпринял одну из самых впечатляющих попыток синтеза марксизма и социального психоанализа на основе диалектики взаимодействия социального характера и базовых социальных структур, однако он наметил лишь самые общие черты такого синтеза. И важнейшей проблемой здесь является проблема отчуждения личности, основанного на отчуждении труда.

Что касается престижного потребления, то оно старше капитализма и вряд ли исчезнет вместе с ним. Но именно капитализм доводит его до предела. Ныне капиталистическая мир-система уже достигла пределов роста и начинает вползать в эпоху длительного кризиса, что ударит по трудящимся и ядра, и периферии [2, 361-370]. Социализм советского образца, как мы хорошо знаем, тоже далеко не всегда стимулировал творчество (но по иным, нежели при капитализме, причинам – в силу законов коммунальности). Кризис мир-системы все более переходит в острую фазу пресловутой «борьбы цивилизаций». Необходимы новое осмысление социальной действительности и новые социальные действия. Изменения социального характера и социальных структур должны идти одновременно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. В 3 т. Т. 3. Время мира / Фернан Бродель; пер. с фр. Л. Е. Куббеля. – 2-е изд. – М.: Весь Мир, 2007. – 752 с.
2. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн; пер. с англ. П. М. Кудюкина; под общ. ред. канд. полит. наук Б. Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.
3. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.
4. Кагарлицкий, Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения / Б. Ю. Кагарлицкий. – М.: Алгоритм, 2005. – 480 с.
5. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – Т. 42. – 2-изд. – С. 41 – 174.
6. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина; сост., предисл. В. Ю. Кузнецова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 526 с.
7. Семенов, Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней) / Ю. И. Семенов. – М.: Современные тетради, 2003. – 776 с.
8. Фромм, Э. Человек для себя. Революция надежды. Иметь или Быть / Эрих Фромм; пер. с англ. и нем. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. – 602 с.

Журавлёв П. В.
P. V. Zhuravlyov

**ПРОЕКТ ЛЕНСКО-БАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ОДИН ИЗ МОМЕНТОВ
ДИСКУССИИ О СТАТУСЕ И ЗНАЧЕНИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ**

**The PROJECT OF THE LENO-BAIKAL AREA AS ONE OF THE MOMENTS
OF DISCUSSION ABOUT THE STATUS AND VALUE OF THE FAR EAST
FROM THE POINT OF VIEW OF THE CENTRAL AND REGIONAL ELITE**

Журавлёв Павел Владимирович – аспирант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Россия, Владивосток). 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Октябрьский, д. 42, кв. 38; (4217) 54-25-17; 89622861733; 89241142402. E-mail: AcademHistoryStyle@yandex.ru
Zhuravlyov Paul Vladimirovich – the post-graduate student of Institute of history, archeology and ethnography of people of Far East ДВО the Russian Academy of Science (Russia, Vladivostok); 681000, Komsomolsk-on-Amur, the prosp. Ocyabrskiy, the house 42, an apartment 38; (4217) 54-25-17; 89622861733; 89241142402. E-mail: AcademHistoryStyle@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы административно-территориального переустройства Дальневосточного региона в контексте идей экономического районирования 1920-х годов. Анализируется проект образования Ленско-Байкальской области как одного из компонентов этого переустройства. В связи с этим характеризуются воззрения центральной и региональной элит на место и роль Дальнего Востока в экономике СССР и во взаимоотношениях Советского Союза со странами АТР.

Summary. In clause questions of an administrative-territorial reorganization of Far East region in a context of ideas of economic division into districts of 1920th years are considered. The project of formation of the Leno-Baikal area as one of components of this reorganization is analyzed. In this connection views of the central and regional elites on a place and a role of the Far East in economy of the USSR and in mutual relations of Soviet Union with the countries ATR are characterized.

Ключевые слова: Дальний Восток, административно-территориальное устройство, районирование, Ленско-Байкальская область, Центр и регионы.

Key words: the Far East, the administrative-territorial device, division into districts, the Leno-Baikal area, the Center and regions.

УДК 947.084.3/6(571.5/6)

В начале 1920-х гг., с завершением Гражданской войны на территории бывшей Российской империи, перед новой властью встал вопрос об оптимизации административно-территориального устройства. По ряду причин оно перестало соответствовать требованиям времени и намечаемым большевиками перспективам развития страны.

Теоретические предпосылки нового районирования были сформулированы ещё в плане ГОЭЛРО, утверждённом в декабре 1920 г. на VIII съезде Советов, а более детально разработаны в 1921 – 1922 гг. специалистами Госплана [1, 369].

Идея экономического районирования территории страны в целях развития её ресурсной и производственной базы предполагала адекватные этому районированию административно-территориальное деление и структуру органов власти на всех уровнях [10, 169-170]. Как отмечалось в посвящённом данной проблеме докладе Госплана III сессии ВЦИК (1922 г.), «административное деление должно быть коренным образом переработано на экономическом базисе в соответствии с данными экономического районирования» [10, 170].

В соответствии с этим предполагалось реорганизовать прежнее деление по схеме «губерния – уезд – волость» в новое, построенное по схеме «область – округ – районная волость (район)» [10, 171-172; 8, 105]. Область при этом рассматривалась как «производственно-экономический комбинат», обладающий экономической самодостаточностью и возможностью самостоятельно управлять местным хозяйством. Центру же оставалась регулятивно-нормативная функция [1, 370; 10, 172].

В азиатской части СССР (кроме Средней Азии) планировалось образовать шесть областей: Западно-Сибирскую, Кузнецко-Алтайскую, Енисейскую, Ленско-Ангарскую (позднее Ленско-Байкальскую), Якутскую и Дальневосточную [8, 104; 2, 93-94].

Именно в вопросе о Ленско-Байкальской области (ЛБО) выявились две диаметрально противоположных точки зрения относительно перспектив экономического развития и места в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) русского Дальнего Востока.

Сам проект ЛБО появился на свет благодаря деятельности нескольких выдающихся специалистов в области экономической географии – И. Г. Александрова, Н. Н. Баранского и Н. Н. Колосовского. В своих работах, вышедших главным образом в 1920-е гг., они сформулировали ряд важнейших положений, касающихся районирования Прибайкалья и Забайкалья. Так, по мнению Н. Н. Колосовского, Ленско-Байкальский регион должен был стать «основным для Сибири центром тяжёлой индустрии» [4, 93-94], а также играть роль связующего звена между общесоюзной и дальневосточной экономикой [3, 32-33].

Территория проектируемой ЛБО должна была охватывать Иркутскую и Забайкальскую губернии, а также Бурят-Монгольскую АССР (см. прим. 1). Центр области предполагался в Иркутске [9, 4-5].

Причины выделения ЛБО заключались, по оценке специалистов Госплана, во-первых, в наличии на данной территории значительных энергетических и сырьевых ресурсов [4, 93-94; 3, 32-33; 7, 271] и, во-вторых, в её большом колонизационном потенциале (количество пригодной для освоения и заселения земли определялось в 12 млн десятин) (см. прим. 2).

Однако проект административного переустройства затрагивал не только Байкальский регион. Он напрямую касался и Дальнего Востока.

Как же виделось Центру будущее Дальневосточного региона и его место в общесоюзной экономике?

Во-первых, Дальний Восток рассматривался специалистами Госплана как «более Тихоокеанская страна, чем органическая часть территории СССР». ЛБО виделась «мостом к Дальнему Востоку», его «хозяйственно-стратегической тыловой базой», «основным хозяйственным, политическим и стратегическим плацдармом» Союза в АТР (см. прим. 3).

Во-вторых, констатировался экспортно-сырьевой характер дальневосточной экономики, и прогнозировалось сохранение этого характера в течение длительного времени (см. прим. 4). А с учётом больших демографических и экономических ресурсов стран-соседей (Японии и Китая) и наличия в их руках более удобных и дешёвых транспортных коммуникаций перспективы укрепления и роста дальневосточной индустрии признавались и вовсе эфемерными.

Даже в конце 1920-х гг., при составлении первого пятилетнего плана, открыто говорилось, что «промышленная специализация этого района определяется его отдалённостью от экономического центра СССР и его связями с экономикой стран Великого океана и носит ярко выраженный экспортный характер» [7, 273].

В Госплане считали, что «Дальний Восток самостоятельно не может служить опорной базой Союза в Восточной Азии». Ею могла быть лишь ЛБО.

В-третьих, меры, предлагаемые Госпланом и направленные на развитие Дальневосточного региона, носили пассивный характер и заключались в максимизации извлекаемой от использования ресурсов региона прибыли, а также в наращивании его военного потенциала. Среди них можно указать на создание нового флота на Тихом океане, ставку на развитие Камчатки путём превращения Петропавловска-Камчатского в хозяйственную и оборонную

базу СССР в АТР, образование треста для эксплуатации богатств полуострова и, наконец, на колонизацию региона (см. прим. 5).

В-четвёртых, американское проникновение в Китай, по мнению Госплана, создавало серьёзную угрозу позициям СССР в АТР и опасность экономического закабаления Сибири американскими корпорациями. Единственное средство нейтрализации данной опасности заключалось в следующем: «Нужно образовать здесь [в Ленско-Байкальском регионе. – *Авт.*] промышленность и втянуть в товарный оборот Монголию, Якутию и Дальний Восток. Из Владивостока или Хабаровска руководить всем этим делом невозможно. Из Новониколаевска также нет возможности, только Иркутск правильно географически расположен для того, чтобы из этого центра руководить этой огромной хозяйственно-политической задачей, опираясь на организованное хозяйство Ленско-Байкальского края» (см. прим. 6).

Таким образом, центр активной экономической политики Москва планировала переместить в Прибайкалье. Дальний Восток оставался в данном случае ареной политики пассивной, ориентированной скорее на ответ на вызовы стран-соседей.

Разумеется, подобная трактовка концепции развития Дальнего Востока не могла устроить региональную элиту. Она в лице Дальневосточного революционного комитета (Дальревкома), управлявшего Дальневосточной областью в 1922 – 1926 гг., подготовила и направила в Центр специальный доклад, посвящённый проблеме районирования региона и его месту в хозяйстве СССР и его политике в АТР.

В этом докладе отмечались «схематичность и нереальность для ближайшего периода времени проблемы создания Ленско-Байкальского края как мощного промышленного комбината на базе значительных энергетических ресурсов края». Дальний Восток признавался экономическим и политическим аванпостом СССР в АТР. В противовес позиции Госплана Дальревком настаивал на преобладании индустриального компонента в дальневосточном хозяйстве [6, 71-74].

По мнению докладчиков, «общая пессимистическая оценка дальневосточных хозяйственных проблем основана на коренных недоразумениях и на недостаточном осознании той сложной хозяйственной и политической обстановки, которая создаётся на Дальнем Востоке». Перспективы развития промышленности в Байкальском регионе на основе значительных энергетических ресурсов были охарактеризованы как «совершенно условные» (см. прим. 7).

В настоящий момент, отмечали авторы доклада, солидный экономический фундамент для образования ЛБО отсутствует, поскольку местная обрабатывающая промышленность слаба, налицо недостаток хлеба и мяса, которые придётся ввозить из соседних районов, внешнеторговые связи Иркутска развиты недостаточно, а использовать в ближайшее время гидроэнергетические ресурсы Байкальского региона невозможно. Ввиду этого электроэнергетика будет базироваться на тепловых электростанциях, что нивелирует указываемые Госпланом её преимущества по сравнению с электроэнергетикой соседних районов – Дальнего Востока и Кузбасса (см. прим. 8).

Слабо аргументированной представлялась докладчикам и цифра площади планируемой колонизации (12 млн десятин). Они указывали на то, что бюджет ЛБО будет иметь дефицит в 1,5 млн р. (см. прим. 9).

В отношении настоящего и будущего Дальневосточного региона авторы доклада заняли чёткую и недвусмысленную позицию: «мы полагаем, что в первую очередь в пределах объединённого Дальневосточного края должна проводиться интенсивная, энергичная, активная политика развёртывания производительных сил края, сочетаемая с большим планом колонизации и планом капитального строительства. Только в этом залог нашего дальнейшего обладания Дальневосточным краем СССР. Никаких колебаний и сомнений в этом отношении допущено быть не может» (см. прим. 10).

Что касается предложений Госплана по развитию Дальнего Востока, то далеко не все из них вызвали согласие Дальревкома. Так, проект Центра по созданию опорной военной

базы в Петропавловске-Камчатском был отвергнут «ввиду невозможности и бесполезности создания таковой» (см. прим. 11).

Сама идея разделения единой в географическом, транспортном и экономическом смыслах территории на две области (ЛБО и ДВО) с отнесением Забайкалья к ЛБО, с точки зрения Дальревкома, порочна. Это приведёт к образованию двух маломощных (экономически и демографически) областей: в ЛБО будут проживать 1,2 млн чел., а в ДВО – чуть больше 1 млн чел., в то время как Сибирский край будет иметь 8 млн чел., а Уральская область – 7 млн чел. (см. прим. 12).

В целом, проект ЛБО вызвал бурные дискуссии. На заседании Госплана 2 июня 1925 г. проект выделения ЛБО в составе Иркутской и Забайкальской губерний и Бурят-Монгольской АССР был одобрен. Комиссия же ВЦИК по районированию признала этот шаг «несвоевременным».

Споры по данному вопросу тянулись практически до самого последнего момента: ещё 4 января 1926 г., в день образования нового Дальневосточного края (по схеме «округ – район»; в него входило и Забайкалье), на заседании Президиума ВЦИК Госпланы СССР и РСФСР отстаивали своё предложение отложить на год проведение районирования на Дальнем Востоке, чтобы сформировать ЛБО с включением в неё Забайкалья [5, 4].

Что касается мест, то все практически единодушно высказались за образование ДВО в том виде, в каком её предусматривал Дальревком. Особенно активными здесь оказались местные партийные и советские органы Забайкалья, которое планировалось Центром к передаче в состав ЛБО (см. прим. 13).

В итоге победу одержала точка зрения Дальревкома. Это знаменовало собой определённый поворот в воззрениях Центра на регион. Хотя он не перестал служить средством обеспечения валютного притока в СССР путём продажи за рубеж сырья и снабжения индустриализации необходимыми ресурсами, тем не менее центральная элита обратила на Дальний Восток своё внимание и занялась проведением здесь активной экономической политики, направленной на создание «форпоста Страны Советов на Тихом океане». Это в немалой степени сказалось и на темпах развития региона, и на уровне жизни проживающего здесь населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI – XX века / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников. – М.: Наука, 2004. – 600 с.
2. Александров, И. Г. О районировании / И. Г. Александров // Вопросы экономического районирования СССР. Сборник материалов и статей (1917 – 1929 гг.); под общ. ред. акад. Г. М. Кржижановского. – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 87-96.
3. Колосовский, Н. Н. Основы экономического районирования / Н. Н. Колосовский. – М.: Госполитиздат, 1958. – 200 с.
4. Колосовский, Н. Н. Теория экономического районирования / Н. Н. Колосовский. – М.: Мысль, 1969. – 336 с.
5. Лагутин, А. Н. История районирования Сибири и Дальнего Востока / А. Н. Лагутин // Тихоокеанская звезда. – 1926. – 20 февраля. – С. 4.
6. Районирование Дальневосточного края. Доклад Дальревкома Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету (Материалы по административно-хозяйственному районированию ДВ Края). Книга III. – Хабаровск: б. и., 1925. – 198 с.
7. Районный разрез плана // Вопросы экономического районирования СССР. Сборник материалов и статей (1917 – 1929 гг.); под общ. ред. акад. Г. М. Кржижановского. – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 262-303.
8. Тезисы, выработанные комиссией при ВЦИК по вопросу об экономическом районировании // Вопросы экономического районирования СССР. Сборник материалов и статей (1917 – 1929 гг.); под общ. ред. акад. Г. М. Кржижановского. – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 102-108.

9. Целищев, М. И. Основы районирования (методы Госплана) / М. И. Целищев // Сборник материалов по районированию Дальнего Востока; под ред. М. И. Целищева. – Чита: Изд-во журнала «Экономическая жизнь», 1924. – С. 1-9.

10. Экономическое районирование России. Доклад Госплана III сессии ВЦИК // Вопросы экономического районирования СССР. Сборник материалов и статей (1917 – 1929 гг.); под общ. ред. акад. Г. М. Кржижановского. – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 109-174.

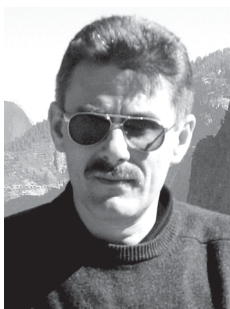
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 353. Оп. 3. Д. 3. Л. 1об.
2. Там же. Лл. 7 – 8об.
3. Там же. Лл. 3, 12, 13.
4. Там же. Л. 12.
5. Там же. Л. 12об.
6. Там же. Л. 15об.
7. Там же. Лл. 4об., 15об.
8. Там же. Л. 9об.
9. Там же. Лл. 7 – 8об.
10. Там же. Л. 15об.
11. Там же. Л. 13.
12. Там же. Лл. 20об. – 21.
13. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. П-81. Оп. 1. Д. 1279. Лл. 2 – 3об., 18, 19; Там же. Д. 959. Л. 260.

Ковалев С. В.
S. V. Kovalev

ИСТОКИ БРИТАНСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА В ВОСТОЧНОЙ АРАВИИ (1600 – 1773)

THE BEGINNING OF THE BRITISH COLONIAL PENETRATION TO THE EASTERN ARABIA (1600 – 1773)

Ковалев Сергей Владимирович – докторант кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва); 119571, Москва, пр. Вернадского, 88; 8 (495) 438-04-08. E-mail: ksv@inbox.ru.

Mr. Sergey V. Kovalev – doctoral candidate of Department of the Modern and Contemporary History of Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow); 119571, Moscow, 88 Vernadskogo Av.; 8 (495) 438-04-08. E-mail: ksv@inbox.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены методы британского колониализма в «малых монархиях» Восточной Аравии на раннем этапе их становления.

Summary. In this paper we consider the British colonial methods in the Eastern Arabia area during the early stage of their development.

Ключевые слова: «малые монархии» Аравии, экспансия, эксплуатация, пиратство, Ост-Индская компания.

Key words: Arabian kingdoms, expansion, exploitation, piracy, Ost-Indian company.

УДК 94

Для района Персидского залива начало нового периода мирового развития совпало с постепенным утверждением здесь господства Англии. Диктату Англии в той или иной мере подчинились все страны, прилегавшие к Персидскому заливу, в том числе малые государства (эмираты, шейхства) Восточной Аравии: Кувейт, Бахрейн, Катар и Договорный Оман, а также соседствующие с ними Маскат и Оман.

Со временем малые монархии Восточной Аравии стали считаться британскими протекторатами. Это означало, что в вопросах внешней политики они были обязаны подчиняться воле государства-«протектора» – Англии. Фактически же эмираты были подвластны «протектору» не только в области внешней политики. Их правители вынуждены были принимать от него различных советников по всем прочим вопросам, не имели какой бы то ни было самостоятельности. Последнее обстоятельство британские власти старались скрыть или хотя бы завуалировать. Чаще всего они обходили молчанием вопрос о международном статусе государств Восточной Аравии, а когда молчание почему-либо становилось неуместным, неизменно заявляли, «что считают местных шейхов и эмиров дружественными правителями, находящимися в особых отношениях с правительством Великобритании» [1, 9].

Колониальная практика начала XX в., в общем, не исключала возможности существования «особых отношений» между империалистическими державами и странами Востока. Осуществленный к тому времени раздел мира, как известно, не ограничился распределением колоний; он допускал существование ряда переходных форм зависимости.

Таким образом, говоря о существовании «особых отношений» между Англией и шейхствами Восточной Аравии, британские власти всего лишь подстраивались к существовавшей колониальной практике.

Критический подход к формуле «особых отношений» порождает необходимость проанализировать весь процесс формирования и становления этих отношений, т.е. весь процесс закабаления Англией обществ Восточной Аравии.

В истории проникновения Англии в район Персидского залива, утверждения британской гегемонии в этом районе и закабаления шейхств Восточной Аравии прослеживается несколько отличающихся по характеру периодов (1600 – 1773; 1773 – 1858; 1858 – 1873; 1873 – 1916 гг.).

Первый период (1600 – 1773 гг.) стал объектом исследования в данной статье. Это была эпоха самостоятельной, практически ничем не ограниченной экспансии британской Ост-Индской компании; последняя особенно активизировала свою деятельность после Семилетней войны (1756 – 1763 гг.), когда превратилась «из торговой державы в державу военную и территориальную» [1, 10].

Экспансионизм Ост-Индской компании. В этом не было ничего удивительного: экспансионизм популяризировался и поощрялся официальным Лондоном. «При создании империи не может быть понятий «справедливо» или «преступно», – вещал впоследствии один из идеологов джингоизма (термин для обозначения крайне шовинистических воззрений – С. К.). – Если все нации так или иначе начинают грабежом, то это значит, что пираты являются лучшими создателями империй. К счастью, струя, порождающая пиратов, еще не иссякла у нас» [2, 5-6].

Для Ост-Индской компании не существовало никаких ограничений в выборе средств для достижения цели – поддержания ежегодной чистой прибыли на уровне 300 % [3, 239, 242]. В результате в бассейне Индийского океана повсеместно развевался «Юнион Джек», процветали пиратство и каперство, широко практиковалась работорговля. Базировавшиеся в Индии флотилии Ост-Индской компании организовывали систематические налеты не только на купеческие суда и фактории конкурировавших европейских держав, но и на торговые суда и прибрежные населенные пункты всех прилегавших к Индийскому океану стран Азии и Африки, в том числе стран Персидского залива.

Периодически в различных частях Индийского океана вспыхивали вооруженные столкновения, в ходе которых захватывались или разрушались фактории и прибрежные населенные пункты, уничтожались окрестные плантации и поля, захватывались или топились десятки торговых судов, гибли или угонялись в рабство тысячи людей. Всё это осуществлялось во имя новых территориальных приобретений и утверждения господства на основных морских торговых путях. Грабительский и разрушительный характер деятельности британской Ост-Индской компании отметил еще в XVIII в. Адам Смит, констатировавший, что «правление компании купцов является, пожалуй, наихудшей формой правления для любых стран» [4, 216].

Частые вооруженные столкновения происходили в районе Персидского залива. Там Ост-Индская компания усиливала широкую торгово-колониальную экспансию в восточных вилайетах Османской империи и в юго-западных провинциях Ирана. К эмиратам Восточной Аравии компания в рассматриваемый период относилась пока ещё равнодушно, поэтому тем большей неожиданностью для британских капитанов-пиратов было сопротивление, оказанное им арабскими племенами Восточной Аравии [1, 11].

Самый сильный отпор попыткам Ост-Индской компании проникнуть в район Персидского залива дал Оман, который в XVIII в. был сильным и для региона крупным государством. Его власть распространялась не только на значительную часть Юго-Восточной Аравии, но и на южное и юго-западное побережье Ирана, и восточное побережье Африки (включая острова Занзибар, Пемба и др.). В союзе с Оманом выступали арабские племена, населявшие Восточную Аравию; последние были заинтересованы в сохранении контроля над

местной навигацией, в развитии собственной морской торговли, в продолжении эксплуатации природных богатств прибрежных водных районов. В силу ряда обстоятельств особую стойкость в борьбе проявили жители юго-восточной части аравийского побережья Персидского залива; недаром капитаны-пираты Ост-Индской компании на долгие годы нарекли этот район Аравии «Пиратским берегом» [5, 162].

В конце концов, проиграв ряд морских сражений у берегов Аравии, Ост-Индская компания так и не сумела закрепиться в районе Персидского залива. Появление там любого ее корабля неизменно было сопряжено с большим риском; учрежденная ею торговая фактория в Бендер-Бушире (Иран) столкнулась со множеством трудностей и влачила жалкое существование; вторая фактория, в Басре (в то время принадлежавшей Османской империи), в силу тех же трудностей вовсе бездействовала, а попытка ее перевода в Кувейт ничего не дала; задуманная торгово-колониальная экспансия в восточных вилайетах Османской империи и юго-западных областях Ирана зачахла в зародыше (одной из причин этого были более удачливые действия конкурировавшей голландской Ост-Индской компании) [5, 186].

И все же в истории проникновения Англии в район Персидского залива, утверждения там британского господства и закабаления шейхств Восточной Аравии период, охватывавший 1600 – 1773 гг., сыграл немаловажную роль.

Неудача, постигшая в конце этого периода британскую Ост-Индскую компанию, не была, разумеется, окончательной; потраченные компанией силы и средства не пропали впустую. Об этом свидетельствуют многие факты, в частности, то обстоятельство, что торговая фактория в Бендер-Бушире все же уцелела; более того, со временем она превратилась в главное британское торговое представительство в этом регионе; в этом качестве она просуществовала более ста лет и в организационном и функциональном отношении явилась предтечей британской политической администрации Персидского залива [5, 260].

Но главное заключалось в том, что неудача, постигшая британскую Ост-Индскую компанию в борьбе за Персидский залив, в сочетании с неудачами ее политики в Индии послужила хорошим уроком для английского правительства. Она вскрыла отрицательные и просто слабые стороны политики, проводимой им на Востоке, заставила вдохновителей экспансионизма унять свой пыл и частично пересмотреть свои позиции. Эта политика легла в основу следующего периода британской колониальной политики в Восточной Аравии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодянский, В. Л. Восточная Аравия. История, география, население, экономика / В. Л. Бодянский. – М.: Наука, 1986. – 341 с.
2. Griffiths, G. Men Who Have Make the Empire / G. Griffiths. – L., 1883.
3. Тревельян, Д. М. Социальная история Англии / Д. М. Тревеньян. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 608 с.
4. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М.: Эксмо, 1962. – 960 с.
5. Willson, A. T. The Persian Gulf. A Historical Sketch from the Earliest Times to the Beginning of the Twentieth Century / A. T. Willson. – L., 1954.

Родригес А. М.
A. M. Rodrigues

РУСЬ И МИР ИСЛАМА: ПЕРВЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ

RUSSIA AND THE WORLD OF ISLAM: THE FIRST HISTORICAL CONTACTS

Родригес Александр Мануэльевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Московского государственного педагогического университета (Россия, Москва); 119992, г. Москва, Малая Пироговская ул., 1. E-mail: rodrigues@mail.mipt.ru

Mr. Alexandr M. Rodrigues – Doctor of History, Professor, Department of Modern and Contemporary History, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia); 1, M. Pirogovskaya str., Moscow, Russia, 119992. E-mail: rodrigues@mail.mipt.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль кочевых обществ Восточной Европы в установлении первых контактов между Древней Русью и миром ислама.

Summary. This paper describes the role of the nomads societies of Eastern Europe in the establishment of the first connections between ancient Russia and the World of Islam.

Ключевые слова: Русь, ислам, Хазария, Болгария, война, мир, торговля культурный синтез.

Key words: Russia, Khazaria, Bulgaria, war, peace, trade, culturing, synthesis.

УДК 94

Впервые с мусульманами славяне, судя по всему, столкнулись в лице хазар, среди которых приверженцы ислама жили, особенно с 737 г., наряду с иудеями, христианами и язычниками. Здесь отметим, что, по мнению ряда историков, особенно С. Ф. Платонова, среди простого народа Хазарии мусульман было больше, чем представителей других религий. Однако мусульмане не определяли лицо хазарского общества, тем более после переворота Обадии в 809 г., когда верхушка хазарского общества приняла иудаизм. До 922 г. то же можно было сказать о зависевших от Хазарского каганата булгарах, родственных хазарам (арабские авторы Ибн Хаукаль и Истахри писали, что язык болгар подобен языку хазар). С главным мусульманским народом того времени – арабами – славяне востока Европы общались мало, в основном на территории Хазарии, где встречались арабские и славянские купцы. О беглом и малоинформативном характере этих встреч можно судить хотя бы по тому, что крупнейший арабский историк, географ и путешественник конца IX – начала X в. Абу-ль-Хасан-аль-Масуди, один из наиболее внимательных и знающих интеллектуалов Аббасидского халифата, мало что мог написать о славянах и русах, в основном базируясь на рассказах посещавших Хазарию торговцев и не имея в своем распоряжении ни одного документа или достоверного свидетельства самих славян [1, 205].

Однако пока Хазария существовала как сильное государство, она была объективно не только проводником влияния Арабского халифата на восточных славян, но и (в союзе с Византией) преградой на пути экспансии халифата в Восточную Европу. Славяне участвовали в войнах хазар с арабами. Эти войны шли с переменным успехом, но несомненно, что именно удачи хазар в войнах с арабами спасли славянские племена, в VIII – IX вв. еще разъединенные и только приступившие к созданию своей государственности, от таких арабских завоевателей, как первый покоритель Кавказа Джеррах ибн Абдаллах, победитель хазар в 737 г. Мерван ибн Мухаммед, пленивший около 20 тысяч славян, а также известных полководцев Сайда ибн Амра аль-Харраши, Абд ар-Рахмана и Сальмана ибн Рабиа, не раз пытавшихся продвинуться из Закавказья на север. Впоследствии, уже во времена Киевской Руси, славяне

непосредственно сталкивались с арабами. В частности, в 946 г. древние русичи встречались с послами халифа при византийском дворе в Константинополе, несли службу в военном флоте Византии, который был направлен на захваченный арабами остров Крит в 949 г., то есть во время правления в Киеве первой русской христианки княгини Ольги. Они же сражались в войсках византийского императора Никифора Фоки против арабов на Кипре, Крите и Сицилии в 963 – 964 гг.

Как бы то ни было какого-либо четкого представления об исламе у славян Киевской Руси сложиться не могло почти до конца X в., так как контакты их с отдельными мусульманами из хазарской или арабской среды были крайне редки и поверхностны. По-настоящему Русь ознакомилась с исламом, столкнувшись с волжско-камскими булгарами, официально принявшими ислам в 922 г. Последствия победоносного похода князя Владимира на Булгарию в 985 г. убедили Киев в необходимости налаживания контактов с болгарскими мусульманами. И это было сделано и в экономической, и в духовной сфере. Поэтому не вызывает удивления, что в 987 г. послы от камских булгар, узнав, что князь Владимир решил сменить веру, стали первыми проповедниками ислама в Киеве. В летописи их проповедь звучала следующим образом: «Веруем богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, вина не пить, по смерти же, говорит, можно творить блуд с женами. Дает Магомет каждому по семидесяти прекрасных жен, и изберет из них одну красивейшую, и воплотит в ней красоту всех». Как отмечает летописец, «Владимир же слушал... и сладко было ему слушать». Известный своим женолюбием князь, у которого было 12 детей от четырех жен, а сверх того наложниц «300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 на Берестове», тем не менее ислам не принял. Но он всерьез об этом подумывал, в частности, направив для ознакомления с этой религией посольство в Хорезм. Такие же посольства затем были направлены к «немцам» и «в Греческую землю» [2, 78, 80, 95-97].

Впрочем, проблема выбора новой веры была гораздо сложнее и диктовалась, прежде всего, сугубо политической ориентацией Киевской Руси. Через Каспий и Волгу тогда шло мощное влияние на Булгарию и Русь лидировавшей в то время в мире арабо-исламской цивилизации. Через Хорезм и вообще Среднюю Азию она также влияла на непосредственно соприкасавшихся с Русью кыпчаков (половцев) и огузов (торков). Русь, судя по всему, хотела избежать любого давления извне, поэтому князь Владимир отклонил предложение не только мусульман, но также немецких миссионеров и хазарских иудаистов, согласившись принять лишь православие по византийскому обряду [3, 29].

Впоследствии, после обращения булгар в ислам и исламизации значительной части жителей Хазарии, стали еще интенсивней связи Руси с Хорезмом. И Русь, и Булгария поставляли в Хорезм воск и мед, меха пушных зверей, а также рабов, захватываемых при набегах на соседей. Караваны мусульманских торговых судов, плывшие по Волге через территорию Булгарии, свидетельствовали о том, что к X в. существовал интенсивный взаимообмен Руси и Булгарии с Хорезмом и вообще мусульманским Востоком. Через землю булгар мусульманские купцы иногда проезжали во Владимиро-Суздальское княжество, а некоторые даже попадали в Прибалтику и к «морю мрака» (Северному Ледовитому океану). Сталкивались они именно с русскими купцами, о чем говорит именование ими Оки «рекой Рус», в то время как Волга именовалась Итиль – по названию стоявшей на ней столице хазар. Иногда русские купцы встречали в Булгарии большие караваны арабов, прибывавших из столицы халифата. В частности, направленное сюда в 921 – 922 гг. посольство аббасидского халифа Муктадира насчитывало 5 тыс. чел. (членов посольства, священнослужителей, слуг, купцов, ремесленников и воинов охраны), использовавших 3 тыс. вьючных животных [3, 31].

По мнению академика В. В. Бартольда, мусульманский мир IX – X вв. «был гораздо теснее связан с Россией и Византией, чем с Западной Европой» [4, 133]. В целом так было и в последующие века. И хотя печенеги, половцы, татары обычно принимали ислам уже после того, как вступали в соприкосновение с Русью, последующая традиция нередко придавала этим контактам с самого начала характер отношений между христианством и исламом. Это-

му есть объяснение: различия религиозные в средние века, да и в новое время, воспринимались обычно (а некоторыми и сейчас воспринимаются) как своего рода концентрация различий духовных, этических, юридических в образе жизни и мировоззрении. На их фоне отношения этнонациональные, экономические, языковые и прочие отходили на второй план. Но то обстоятельство, что соседи Руси, впоследствии ставшие мусульманами, были известны древним русичам задолго до этого, облегчило и тем, и другим взаимопонимание и взаимодействие, в целом смягчив неизбежный в подобных случаях межрелигиозный антагонизм.

Между Русью и Булгарией были и династические связи: князь Андрей Боголюбский (1111 – 1174 гг.) был женат на болгарке, местью которой (Андрей не раз разорял Булгарию) Тверская летопись объясняет гибель князя.

Таким образом, Русь еще в доордынский период имела контакты с миром ислама и приобрела значительный опыт не только стычек и конфликтов с мусульманами, но и взаимодействия и взаимопонимания, экономического и культурного взаимообмена, а главное – человеческих связей, в ряде случаев доходивших до этнического смешения и взаимоассимиляции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ал Мас'уди. – М.: 2002.
2. Повести временных лет (Лаврентьевская летопись). – Арзамас: Арзамасский гос. пед. ин-т, 1993.
3. Ланда, Р. Г. Россия и мир российского ислама / Р. Г. Ланда. – М.: ИД «Медина», 2011.
4. Бартольд, В. В. «Ислам» и «Культура мусульманства» / В. В. Бартольд. – М.: Огни, 1922.

Пань Хэн, Хэ Баохай
Pan Heng, He Baohai

**УЧЕБНЫЙ ПЛАН КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ КОМПОНЕНТ ПОДГОТОВКИ
СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ**

**ACADEMIC PLAN AS AN INTEGRAL COMPONENT OF TEACHING FOREIGN LAN-
GUAGES TO STUDENTS OF ENGINEERING**

Пань Хэн – профессор кафедры русского языка Чанчуньского инженерно-технического института (КНР, провинция Цилинь, г. Чанчунь); 130012, Чанчунь, ул. Куан Пинь, 395; 86-15943072717. E-mail: ph641017@hotmail.com.

Mr. Pan Heng – Professor, Department of Russian Language, Changchun Engineering Institute; China, Jilin province, Changchun, 130012, 395 Kuangpin Str., telephone: 86-15943072717. E-mail: ph641017@hotmail.com.

Хэ Баохай – профессор кафедры энергетики Чанчуньского инженерно-технического института (КНР, провинция Цилинь, г. Чанчунь); 130012, Чанчунь, ул. Куан Пинь 395.

Ms. He Baohai – Professor, Department of Power Engineering, Changchun Engineering Institute; China, Jilin province, Changchun, 130012, 395 Kuangpin Str.

Аннотация. В статье рассматривается проблема учебного плана иностранного языка как неотъемлемый компонент подготовки специалистов, которая приобретает особую актуальность в связи с возрастающей ролью иноязычного общения в профессиональной деятельности современных специалистов в техническом университете. Данная статья анализирует курс иностранного языка в китайской аудитории.

Summary. The paper focuses on the importance of a foreign language academic plan as an integral part of teaching future graduate specialists, which is of particular importance today due to the ever increasing role of foreign language communication in the professional activity of specialists at a technical university. The paper offers an analysis of a foreign language course designed for a Chinese student audience.

Ключевые слова: учебный курс иностранного языка, профессиональная деятельность, коммуникация.

Key-words: foreign language course, academic course, professional activity, communication.

УДК 008

В современных условиях вуза учебный план иностранного языка рассматривается как неотъемлемый компонент подготовки специалистов. Основная цель этого курса – подготовка студентов к использованию языка в будущей профессиональной деятельности. Сегодня в китайской аудитории технических университетов уделяется большое внимание системе подготовки по иностранным языкам, поэтому необходимы различные разработки курсов преподавания иностранного языка, инновационные методики, повышающие эффективность такого преподавания.

Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования в Китае определяет надлежащий уровень освоения иностранного языка для китайских студентов, утверждая магистральной целью нацеленность на реализацию будущей профессиональной деятельности выпускников. В этой связи перед высшим учебным заведением стоит важная задача вооружения будущего специалиста навыками и умениями профессиональной коммуникации на иностранном языке [1, 1].

Инновационной идеей высшего образования современного Китая стала работа по формированию у студентов способности иноязычного общения в профессиональных, деловых, научных сферах с учётом особенностей профессионального мышления. Отсюда необхо-

димось обучения иностранному языку, чтобы межкультурные контакты осуществлялись на высоком уровне, общение с иностранными специалистами проходило с большей эффективностью. При этом владение профессионально-ориентированным иностранным языком, несомненно, будет способствовать развитию личностных качеств обучающихся, совершенствовать их коммуникативные навыки.

Формирование научно-методической базы преподавания иностранных языков в техническом вузе Китая связано с рядом аспектов. Рассмотрим их по порядку.

Новое понимание курса иностранного языка

В настоящее время особую актуальность приобретает профессионально-ориентированный подход к обучению иностранному языку в технических вузах. Под профессионально ориентированным обучением понимают обучение, основанное на учете потребностей студентов в изучении иностранного языка, диктуемых особенностями будущей профессии или специальности, которые, в свою очередь, требуют его изучения [1, 2]. Термин «профессионально ориентированное обучение» употребляется для обозначения процесса преподавания иностранного языка в неязыковом вузе, ориентированного на чтение литературы по специальности, изучение профессиональной лексики и терминологии, а в последнее время и на общение в сфере профессиональной деятельности.

Курс иностранного языка включает в себя содержание образовательных программ, учебники и пособия, методики преподавания иностранного языка, а также дополнительные учебные мероприятия. По государственному образовательному стандарту высшего учебного образования КНР [5] учебный балл иностранного языка должен быть не менее 16. Цель программы курса иностранного языка – подготовка обучающихся по принципу профессиональной направленности учебного материала [1, 1]. Для достижения этой цели необходимо последовательно решить ряд первостепенных задач: изучить комплекс специальных тем для развития устной речи; освоить словарь-минимум по соответствующей специальности; создать необходимые пособия для активизации грамматического и лексического материала обучающихся [3, 61].

В последние годы в этом направлении проводится активная работа: анкетирование преподавателей и студентов; апробация спроектированного учебного курса; статистическая обработка материалов исследований; анализ результатов опытно-экспериментальной деятельности.

Конкретная методика преподавания иностранного языка

Мы убеждены, что ядром системы обучения является развитие и совершенствование когнитивных процессов студенческой аудитории. Для этого преподаватель иностранного языка должен уделять пристальное внимание усвоению максимального количества профессиональных терминов, развитию умения работы с устными и письменными профессионально ориентированными текстами, формированию способностей использования знаний, полученных на занятиях по иностранному языку, в будущей профессиональной деятельности [3, 123]. Последний аспект – практическая реализация полученного теоретического объёма знаний – представляется особо важным. Поэтому на кафедре русского языка Чанчуньского инженерно-технического института проводится комплекс научно-исследовательских работ, включающий как экспериментальные разработки, так и научно-теоретические обобщения.

1) **Содержание иностранного языка.** Традиционные программы обучения иностранному языку в китайских высших учебных заведениях всегда были ориентированы на самые общие знания изучаемого языка, наибольшее внимание в них уделялось отбору лингвистического и грамматического материала. Однако требования сегодняшнего дня изменились: в глобальном пространстве современного мира от специалиста требуется постоянное повышение квалификационного уровня, а значит, владение информацией, которая издаётся и на иностранном языке. Выпускник вуза должен свободно уметь читать и правильно понимать материалы по своей специальности.

Для эффективного решения практических задач по развитию системы иностранной подготовки студентов сегодня проводят научно-исследовательскую работу по разработке учебного курса иностранного языка.

В результате анализа существующих учебных планов было выяснено, что содержание образовательных программ и способы обучения иностранным языкам пока не в полной мере соответствуют требованиям. Существует необходимость в выработке и внедрении стратегических решений, касающихся всей системы языкового образования в техническом университете: непрерывное изучение иностранных языков в будущей работе должно получать постоянную поддержку и содействие во всех образовательных системах; необходимо сделать доступными для всех обучающихся эффективные средства изучения иностранных языков, которые обеспечат не только усвоение языковых знаний, но и приобщат студентов к культуре стран изучаемых языков, отразят межкультурные связи русской и китайской культур, будут способствовать «диалогу культур». Словом, главная задача, стоящая перед преподавателями, обучающими русскому языку, – сформировать профессионально-ориентированную коммуникативную компетенцию студентов вуза.

«Основой образовательной программы XXI века становится инновационное обучение иностранным языкам, осуществляемое в соответствии с принципами гуманизации и гуманитаризации высшего профессионального образования, принципами личностно-ориентированной педагогики» – это основные требования государственного стандарта для преподавания иностранного языка. Следовательно, задачей университетского образования будет преодоление противоречий:

- между изменившимися требованиями государства и общества к иноязычной компетенции будущих специалистов в современных условиях и тем, как социальный заказ решается в процессе обучения в вузе;
- между постоянно возрастающим объемом информации, усложнением содержания образования и временем, отведенным для их усвоения, а также недостаточной готовностью студентов освоить эту информацию;
- между системой знаний национально-культурных особенностей и реалией страны изучаемого языка.

Очевидно, что данные проблемы возможно решить, только опираясь на совершенствование содержания обучения: интенсивное обучение иностранным языкам в техническом вузе, обеспечивающее эффективность в соответствии с современными требованиями к образованию. Заложив прочную основу на этапе базового курса (1, 2 и 3-й семестры), преподаватель может вводить студента в курс по специальности (4-й и 5-й семестры). На этом этапе изучаются типичные конструкции и варианты для профессионально ориентированных текстов, студенты знакомятся с профессиональной терминологией, развивают навыки перевода, умения построения устного и письменного профессионально ориентированного дискурса. В процессе общения восполняется недостаточность знаний языка, а также речевого и социального опыта общения на иностранном языке.

Рассматривая иностранный язык как средство формирования профессиональной направленности будущего специалиста, профессор Ся Цзимэй (Чжуншаньский университет, профессор английского языка) отмечает, что при изучении профессионально-ориентированного языкового материала необходимо приучить студентов овладеть языком специальных знаний [3, 56]. Другими словами, знания языка должны быть применены на практике, только тогда они будут совершенствоваться. Например, необходимы чёткая формулировка целей иноязычной речевой деятельности при овладении знаниями по специальности, удовлетворенность обучаемых при решении частных задач направленности этой деятельности, формирование у обучаемых умения творчески подходить к решению частных задач при помощи иностранного языка. В условиях прикладного содержания обучения иностранному языку студенческая аудитория быстрее овладевает материалом, активнее на занятиях.

Важной компонентой процесса обучения является наличие учебников, учебных пособий и дополнительных материалов. В техническом вузе выпускают учебники и пособия по специальности. Например, используют уже пятое переиздание английского языка в техническом вузе. В период между переизданиями вводились новые разделы по развитию навыков устной речи в ситуациях общения по специальности. Теперь наиболее часто используют популярный учебник английского языка «Прикладной английский язык (для всех специальностей) в техническом вузе».

2) **Совершенствование методики формирования у студентов умений и навыков.** Самая популярная методика преподавания английского языка в технической аудитории состояла в том, что преподаватель лекционно излагает основной учебный материал, а студенты слушают и записывают в тетради. Такая пассивная роль студенческой аудитории не могла отвечать требованиям коммуникативно-ориентированного и профессионально-направленного характера обучения. Теперь содержание обучения иностранного языка изменилось. Этот объёмный курс иностранного языка, рассчитанный на 328 аудиторных часов, 2,5 года обучения, требует введения инновационных методов обучения, изменения самой структуры преподавательской деятельности.

В 80-х годах прошлого века под влиянием теории «сочетания языка и содержания преподавания» в китайской технической аудитории практиковали новую коммуникативную методику, в основе которой было создание различных жанров монологических текстов: сообщение информации профессионального характера, выступление с докладом, расширенные высказывания в ходе дискуссии, обсуждения как с предварительной подготовкой, так и без нее. Коммуникативная методика изучения иностранных языков, дающая возможность общаться уже с первого занятия, отлично зарекомендовала себя в деле обучения иностранным языкам. Аудиторные занятия проходили в непринуждённой атмосфере общего диалога, свободного общения. Задача педагога в этом случае состояла в том, чтобы помочь студенту самостоятельно решать образовательные задачи, направить его к самостоятельному принятию решения, научить его творчески мыслить. Развитие творческого мышления в процессе обучения состоит в обеспечении возможностей творческого усвоения знаний во всё более трудных проблемных ситуациях и заданиях, которые призваны прежде всего научить учащегося анализу, обобщению, абстрагированию, воображению. Подобная система творческих знаний может составить основу системы учебных игр, которые используются в учебном процессе в качестве задания, содержащего учебную задачу, решение которой обеспечит достижение определённой учебной цели.

Наблюдая за деятельностью студентов, преподаватели разнообразят формы учебного процесса, включают нетрадиционные методы обучения. В результате анализа эффективности преподавания иностранных языков был выявлен ряд насущных проблем, требующих безотлагательного решения, среди которых:

- оптимизация учебного процесса;
- активизация учебной деятельности;
- создание условий для творческого самовыражения учащихся, развития их личностных возможностей, навыков межкультурной и профессиональной коммуникации;
- методы и информационные технологии, обеспечивающие использование интерактивных методик.

Методы опытно-экспериментальной работы создают благоприятный психологический климат в аудитории. Использование различных технических средств обучения, привлечение возможностей Интернета позволяет не только разнообразить формы обучения, но и повысить результативность обучения, особенно при запоминании терминологического минимума, овладении категориальным аппаратом изучаемой дисциплины.

Он-лайн общение студентов и преподавателей, система вопросов и ответов, размещённых на сайте вуза, балльно-рейтинговая система контроля – всё это соответствует прин-

ципу профессиональной направленности учебного материала при обучении иностранному языку в неязыковом вузе.

На протяжении всего проводимого эксперимента преподаватели кафедры изучают научные основы систематизации учебных умений и навыков, обучают студентов умениям планировать свою познавательную деятельность, подбирают и систематизируют материалы по теме и на их основе проводят элементарное исследование. В ходе осуществления эксперимента использовалась методика оптимизации учебной деятельности студентов, а также методика формирования умений и навыков обучения аудированию иноязычной речи. На основе данных анкетных опросов студентов выявляются достоинства и недостатки проектной методики учебной деятельности, обнародуются статистические данные, проводятся всесторонний анализ и систематизация результатов исследования, уточняются теоретические выводы эмпирических исследований. Результат исследования экспериментальной работы показывает, что такой метод обучения иностранному языку самый результативный и эффективный.

3) **Система дополнительных занятий.** Для успешного овладения иностранным языком требуется постоянная разговорная практика, взаимодействие с носителями языка и другие способы и приёмы, способствующие «погружению» в языковую среду. Следовательно, студенту необходимы условия не только аудиторных занятий. Представляются целесообразными и полезными такие формы внеаудиторной деятельности, как кружок разговорной речи по-английски, языковые диспуты по специальности, открытые выступления по-английски, участие в государственных конкурсах сочинений по-английски. Всё это стимулирует желания студентов общаться на английском языке, свободно выражать свои мысли в устной и письменной форме, повышать уровень владения иностранным языком в непринуждённой обстановке, оживлённой атмосфере студенческого общения, совершенствовать свои знания путём самообразования.

На кафедре сформирована база языковой практики вуза, проводятся мероприятия, ставшие традиционными, отличившиеся студенты награждаются медалями и премиями.

Таким образом, разработка курса иностранного языка связана с выполнением чётко сформулированного опытными педагогами требования – повысить качество обучения. Проведенная работа позволила нам создать эффективную программу курса обучения английскому языку студентов технического вуза, обеспечивающую овладение иностранным языком в единстве со становлением личности будущего специалиста, соответствующую основным положениям личностно-ориентированной педагогики, лингвистики, методики преподавания иностранных языков, современным требованиям, предъявляемым к выпускнику вуза технического профиля государственными образовательными стандартами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранному языку: пособие для учителя / Н.Д. Гальскова. – М.: АРКТИ Глосса, 2000. – 165 с.
2. Матухин, Д. Л. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку студентов нелингвистических специальностей / Д. Л. Матухин // Язык и культура. – 2011. – № 2.
3. Рощина, Е. В. Функции иностранного языка как учебного предмета в системе обучения в университете / Е. В. Рощина // Иностранные языки на неспециальных факультетах: межвуз. сб. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – С. 39-43
4. Ся Цзимэй, Теория и практика проектирования и конструирования иностранного языка в неязыковом вузе. – Шанхай, 2004. – 258 с.
5. <http://www.moe.gov.cn> сайт министерства образования КНР

Эта статья посвящена научно-исследовательскому проекту «Разработка курса иностранного языка по направлению профиля», код темы: GH12209, с мая 2012 г. по декабрь 2014 г.

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.
T. E. Nalivayko, M. V. Shynkoruk

**ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ**

EMOTIONAL WELFARE AS INTEGRAL INDIVIDUAL CHARACTERISTICS

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; 8(4217)-53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru

Tatiana E. Nalivayko – Doctor in Education, Professor, Chair holder for Educational and Psychological Work in Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin Avenue; 8(4217)-53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru

Шинкорук Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, ул. Вокзальная, д. 48/1, кв. 21; 8(4217)-27-28-05. E-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru.

Marina V. Shynkoruk – Candidate of pedagogic sciences, Associate Professor at the Pedagogic and Psychology Department in Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 48/1 Vokzalnaya Street, apt 21; 8(4217)-27-28-05. E-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль эмоций как механизма психологического здоровья, раскрываемого через понятие «эмоциональное благополучие»; затрагиваются возрастные аспекты становления эмоционального благополучия личности; раскрывается сущность эмоционального благополучия как интегральной характеристики, в которой сфокусированы чувства, обусловленные успешным функционированием всех сторон личности.

Summary. The role of emotions as a psychological health mechanism described by means of “emotional welfare” term is researched in this article; the age aspects of individual’s emotional welfare engagement are addressed; the emotional welfare essential as integral characteristics having established solid senses stipulated by successful personality aspects functioning is studied.

Ключевые слова: эмоции, личность, эмоциональное благополучие, психологическое здоровье, эмоциональная сфера личности, интегральная характеристика, возрастные особенности.

Key words: emotions, individual, emotional welfare, psychological health, individual’s emotional sphere, integral characteristic, age peculiarities.

УДК 316.37

Восприятие индивидами их положения в жизни в контексте культуры и системы ценностей, в которых они живут, в соответствии с их целями, ожиданиями, стандартами и заботами оценивается на нескольких уровнях: эмоциональном, ментальном, телесном, поведенческом. Эмоции выступают первичной психической реакцией на внешние и внутренние средовые обстоятельства. В эмоциях отражается оценка человеком окружающего мира, условий жизни и труда, отношений, взаимодействий, т. е. различных сторон бытия и деятельности индивида. В этом контексте качество жизни представляет собой источник тех или иных эмоциональных проявлений личности, а эмоции, в свою очередь, являются психологическим критерием качества жизни субъекта [10].

По определению П. В. Симонова [13], эмоции являются способом проявления настроения человека, зависящим как от индивидуальных особенностей индивида, так и от его воспитания, социального статуса личности, от межличностного взаимодействия с окружающими.

К функциям эмоций относят подкрепляющую, компенсаторно-замещающую, переключающую и коммуникативную функции.

Эмоции представляют собой особую форму психического отражения, существующую как непосредственное переживание и выражение субъективного отношения к объектам окружающей действительности. Специфичность эмоций заключается в отражении значимости воздействующих на человека объектов и жизненных обстоятельств, зависящих от отношения их объективных свойств к потребностям личности. Таким образом, эмоции выполняют функцию связи между действительностью и основными потребностями человека.

На сегодняшний день существует множество классификаций эмоций [2; 3; 6]. Анализ этих классификаций позволяет нам выделить некоторые основные эмоции:

- радость – это положительное эмоциональное состояние индивида, характеризующееся вероятностью полного удовлетворения его насущных потребностей;
- гнев – это отрицательное эмоциональное состояние индивида, обусловленное неожиданным появлением серьезного препятствия при удовлетворении актуальных потребностей личности;
- страх – это отрицательная эмоция индивида, возникающая при появлении реальной или предполагаемой опасности;
- стыд – негативное эмоциональное состояние личности, проявляющееся в рассогласовании личных помыслов, поступков и образа человека не только с ожиданиями окружающих его людей, но также и с его личными идеалами о подобающем поведении и его внешнем облике;
- удивление – эмоциональная реакция на непредвиденно возникшие обстоятельства, не имеющая определенного позитивного или негативного характера;
- страдание – отрицательное эмоциональное состояние человека, возникающее при отсутствии возможности удовлетворения наиболее актуальных жизненных потребностей;
- отвращение – отрицательное эмоциональное состояние индивида, возникающее при взаимодействии с объектами, которые резко противоречат нравственным и эстетическим установкам личности;
- презрение – эмоция, возникающая в негативном фоне восприятия межличностных взаимоотношений, что является для индивида следствием рассогласования своих жизненных приоритетов и способов их воплощения в реальности со взглядами и поведением партнера по взаимодействию.

Представленные виды эмоций по-разному проявляются не только в зависимости от индивидуально-типологических особенностей человека, но и от возрастных особенностей личности. В данном контексте исследователи говорят об особенностях развития эмоциональной сферы личности. Так, К. В. Шулейкина рассуждает о появлении эмоции у человека еще в период внутриутробного развития и утверждает, что эмоции удовольствия и неудовольствия фиксируются уже у плода на пятом-шестом месяце развития. Изучая ход развития эмоциональных переживаний ребенка, Г. Мюнстерберг писал о том, что изначально содержание эмоциональной сферы ребенка наполняется только реакциями на ощущения собственного тела.

С развитием человека изменяются и его способы проявления тех или иных эмоций. Так, к примеру, маленький ребенок, переживая чувство страха, скорее всего, будет искать поддержку и защиту у значимого для него взрослого. В возрасте четырех-пяти лет базовые эмоции становятся социально окрашенными. Именно по этой причине в подростковом возрасте бегство от опасности будет ассоциироваться с чувством стыда, и подросток выберет иной способ совладания со своим страхом, т.е. попытается оценить уровень опасности и занять наиболее удобную позицию или просто проигнорирует угрозу опасности [4].

По мнению К. Изарда [5], в процессе онтогенеза происходит изменение не только эмоциональных реакций, но и значимость стимуляторов конкретных эмоциональных проявлений. Так, например, удаляющееся лицо матери вызывает разные реакции у детей разного возраста: трехмесячный младенец не проявит какой-либо особенной реакции в данной ситу-

ации, а вот ребенок полутора лет отреагирует на это бурным возмущением. Подросток отнесется к этому лояльно и может даже проявить удовольствие от сложившейся ситуации, т. к. останется один дома, без родительской опеки.

Ряд исследователей, такие как Ю. А. Макаренко, К. Изард, установили, что развитие базовых эмоций в онтогенезе и представление о них происходит раньше, чем то же у вторичных эмоций. Дети в возрасте двух лет уже не только различают переживания страха и радости, но и могут усилием воли воспроизводить их. Интересным является факт, описанный А. Г. Закаблук: количество детей от младшего школьного возраста до подросткового, компетентно различающих базовые эмоции радости и страха, практически не изменяется. Это свидетельствует о том, что представление о данных эмоциях формируется к девятилетнему возрасту и не меняется на протяжении всей жизни [5].

Исследователь К. Бюлер описал, как с возрастом у детей развиваются положительные эмоциональные реагирования [4]. Момент получения удовольствия в детских играх перемещается с ходом развития ребенка: так, например, у малыша удовольствие наступает при достижении ожидаемого результата игры. На следующем этапе развития удовольствие приносит уже и сам процесс игрового действия. На третьей ступени дети постарше предвосхищают получение удовольствия еще в начале игровой деятельности. При этом исследователем выявлено, что в процессе индивидуального развития повышается эмоциональная инструментализация процесса общения: экспрессия становится средством коммуникации.

По мнению Я. Дембовского, новорожденный ребенок обладает тремя эмоциями: страхом, возникающем при громком звуке; гневом, проявляющимся при стеснении его движений; удовольствием как реакцией на приятные для него покачивания. Наиболее выраженными эти эмоции становятся в пубертатный период. Противоположная тенденция в этот же период отмечается в отношении проявления страха: его выраженность уменьшается. Так, наибольшее количество смелых школьников – это ученики подросткового возраста [9].

Эмоции подростков в наибольшей степени связаны с межличностным общением. В связи с этим личностно значимые отношения к другим людям определяют как характер, так и содержание их эмоциональных реакций. Значимым, по мнению В. Н. Куницына, выступает неадекватное формирование эмоционального образца, возникающего в результате дефицита опыта переживания эмоций и опыта общения подростка. В основу такого деформированного образца (ориентира) подросток закладывает не типовые, повторяющиеся в разных людях, а индивидуальные особенности конкретного человека.

Подростки, в отличие от младших школьников, умеют вербально обозначить основные базовые эмоции радости и страха [1].

Главной содержательной характеристикой чувств и эмоций в юношеском возрасте становится взгляд в будущее. В этом возрасте преобладают эмоции, связанные с ожиданием будущего, которое «непременно должно быть счастливым».

Таким образом, в развитии эмоциональной сферы ребенка можно выделить следующие основные аспекты:

- увеличение количества социальных объектов, вызывающих эмоции;
- развитие способности воспринимать и различать эмоции других людей;
- приобретение предвосхищающей направленности эмоций, т.е. начинают возникать эмоции по поводу будущего;
- возникновение умения дифференцировать эмоциональные переживания и способы выражения экспрессии;
- усиление способности различать эмоциональные переживания;
- появление произвольной саморегуляции эмоциональных проявлений, переход эмоциогенных реакций от импульсивности к произвольности [8].

Для эмоциональной сферы в юношеском возрасте характерными становятся частые стрессы как следствие новой ситуации развития, требующей построения новых отношений с

окружающими, профессионального самоопределения, автономизации и т.п. По мнению исследователей, именно юношеский возраст проявляет максимум эмоциональных проблем, которые не могут быть объяснены лишь гормональными сдвигами. Значительную роль в этих проблемах играет психосоциальный фактор, определяемый, в том числе, условиями воспитания. Характерные для этого возраста трудности взросления, несоответствия уровня притязаний и актуального образа себя, неадекватность самооценки зачастую становятся причинами пролонгированности эмоциональной напряженности, типичной для подросткового возраста.

По мнению одного из ведущих специалистов по юношеской психиатрии А. Е. Личко, ранний юношеский возраст представляет собой критический период для психопатий. На этот период приходится пик распространения синдрома дисморфомании (бред физического недостатка). В ранней юности особенно остро проявляются, акцентируются некоторые свойства характера, которые, не являясь патологическими, повышают возможность психологических травм и разного рода девиаций. К примеру, типологическая гипертимность (повышенная активность и возбудимость) приводит юношу к неразборчивости в выборе знакомств, побуждает ввязываться в рискованные авантюры и асоциальные виды деятельности. Типологически обусловленная замкнутость в ранней юности иногда переходит в аномальную самоизоляцию, сопровождающуюся ощущением неполноценности и другими деструктивными установками.

В. Р. Кисловская, изучавшая возрастные особенности тревожности, обнаружила, что старшеклассники демонстрируют наиболее высокие показатели уровня тревожности во всех видах коммуникаций, усиливающиеся в ситуациях личностной референтности.

Для юношеского возраста характерна и повышенная невротичность. Этот возраст часто называют «возрастом контрастов» из-за стремительно сменяющих друг друга, непредсказуемых и частых переходов от одного настроения к другому: от уныния к эйфории, от грусти к веселью, от радости к подавленности. Юноши и девушки склонны ярко эмоционировать, проявлять обидчивость, импульсивность.

С завершением юношеского периода жизни происходят изменения в эмоциональной сфере, приводящие ее к содержательной глубине, богатству и тонкости по оттенкам переживаний; усиливается эмоциональная восприимчивость, открытость, эмпатийность.

Эмоции взрослого человека отличаются большей стабильностью и глубиной. Основной возрастной задачей в эмоциональной сфере, требующей разрешения, становится достижение идентичности и близости, выступающих в качестве основы любви. Чувство любви, имеющее глубоко интимный характер, открывает простор для возникающих и изменяющихся в зависимости от обстоятельств эмоций интереса, нежности, восхищения, а также ревности, которая в свою очередь запускает проявление таких эмоций, как гнев, печаль, злость, обида, разочарование и т.д.

Для ранней взрослости характерно становление эмоционального комплекса, характеризующего целостность родительских отношений: это и радость от взаимодействия с ребенком, и гордость, и привязанность, и особая чувствительность к его потребностям, и ответственность, и страх за его жизнь и здоровье.

Эмоциональная сфера в период средней взрослости (от 40 до 60 лет) развивается неравномерно. На средний возраст, как правило, приходится расцвет семейной жизни, карьеры и творческих умений. Трудовая деятельность играет основную роль и становится важнейшим источником эмоциональных проявлений (как положительных, так и отрицательных). В этом контексте нередко обнаруживаются стрессовые факторы, приводящие к депрессии и чувству одиночества, переживаемому субъективно, независимо от объективных обстоятельств жизни и деятельности. В этом возрасте мужчины и женщины начинают задумываться о смерти, в связи с чем ими может овладеть страх не успеть осуществить задуманное.

Т. А. Немчин описал основные изменения эмоциональной сферы пожилого человека. В пожилом возрасте значительно снижается контроль над проявлением эмоций, также довольно часто наблюдается эмоциональная черствость, снижается эмпатийность [3].

Особенности эмоциональной сферы пожилых людей обусловлены изменением их социальной роли в обществе: они адаптируются к новым для них условиям жизни, связанными с выходом на пенсию. Для пожилых людей характерна повышенная тревожность. Они волнуются о своем здоровье, о будущем своих детей, о своем материальном благополучии. Также у пожилых лиц довольно часто возникает чувство одиночества. Со временем переживание одиночества может перерасти в беспокойство и даже в отчаяние [6].

Таким образом, эмоции – это особая форма психического отражения, определяющая субъективное отношение человека к объектам окружающей действительности. Эмоции сопровождают человека на протяжении всей его жизни, и еще до своего рождения человеческий плод начинает испытывать первые эмоции. В наше время существует огромное количество классификаций эмоций, но большинство из них в качестве базовых выделяют эмоции страха, радости, гнева, отвращения, удивления, стыда, страдания и презрения.

Эмоциональная сфера человека изменяется и обогащается на протяжении всей его жизни, но развитие базовых эмоций заканчивается в юношеском возрасте. Для каждого возрастного этапа характерны свои специфические изменения и задачи развития и совершенствования эмоциональной сферы, благополучное разрешение которых ведет к личностной зрелости и стабилизации психологического здоровья личности.

Эмоции, будучи производными от реакций организма на внешний и внутренний контекст жизненных обстоятельств, отражают первичную оценку удовлетворенности человека средой и степень удовлетворения потребностей. Таким образом, эмоции выступают в качестве первичного механизма отражения качества жизни человека, на основе которого через механизмы рефлексии, осмысления и смыслопорождения выстраивается его концепция «Я», а эмоциональная благополучность личности может рассматриваться как ее интегральная характеристика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алейникова, Т. В. Возрастная психофизиология / Т. В. Алейникова. – Ростов н/Д. : Феникс, 2002. – 146 с.
2. Белан, Е. Н. Концептуализация базовых эмоций человека / Е. Н. Белан. – Омск : ФГБОУ ВПО «Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского». – 2008. – 200 с.
3. Данилова, Н. Н. Физиология высшей нервной деятельности / Н. Н. Данилова, А. Л. Крылова. – Ростов н/Д. : Феникс, 2005. – 478 с.
4. Ермолаева, М. В. Особенности и средства развития эмоциональной сферы дошкольников : учеб. пособие / М. В. Ермолаева, И. Г. Ерофеева. – М. : Изд-во МПСИ, 2008. – 336 с.
5. Изард, К. Э. Эмоции человека / К. Э. Изард. – М. : Директ-Медиа, 2008. – 954 с.
6. Ильин, Е. П. Психофизиология состояний человека / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2005. – 273 с.
7. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2008. – 420 с.
8. Коваленко, И. Г. Здоровье учителя как условие здоровья ученика / И. Г. Коваленко // Проблемы современной науки и образования. – 2013. – № 2. – С. 177-180.
9. Коломинский, Я. Л. Психическое развитие детей в норме и патологии: психологическая диагностика, профилактика и развитие / Я. Л. Коломинский, Е. А. Панько, С. А. Игумнов. – СПб. : Питер, 2006. – 480 с.
10. Наливайко, Т. Е. Эмоциональное благополучие личности: от психологического здоровья к качеству жизни / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре гос. техн. ун-та. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2014. – № III-2(19).
11. Проценко, А. С. Современные тенденции оценки эффективности медицинской помощи через критерий качества жизни / А. С. Проценко, Р. Э. Абишев // Современная медицина: тенденции развития : материалы Междунар. заочной науч.-практ. конф., Новосибирск, 2 апреля 2012 г. – Новосибирск : Изд-во «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. – 132 с.
12. Рифф, К. Шкала психологического благополучия / К. Рифф // Психологическая диагностика. – 2005. – № 3. – С. 124-130.
13. Смирнов, Н. К. Здоровьесберегающие образовательные технологии и психология здоровья в современной школе / Н. К. Смирнов. – М. : АРКТИ, 2003. – 270 с.

Авдеенко И. А.
I. A. Avdeenko

СИМВОЛ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ

SYMBOL AND ARTISTIC TEXT

Авдеенко Иван Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17. E-mail: iavdeenko@mail.ru.

Mr. Ivan A. Avdeenko – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature Studies, the Amur Humanitarian and Pedagogical State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681000, г. Komsomolsk-on-Amur, 17, Kirov street. E-mail: iavdeenko@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена возможность взаимодополнения языковедческих и культурологических представлений о символе и художественном тексте. Развивая идеи Ю. М. Лотмана в лингвистическом контексте, автор подтверждает непротиворечивость понимания символа как текста в лингвистике и обнаруживает ряд следствий, уточняющих как природу символа и текста, так и характер их взаимосвязи.

Summary. The paper deals with the possibility of complementarity of linguistic and culturological concepts about a symbol and artistic text. By developing U. M. Lotman's ideas in a linguistic way, the author confirms the consistency of comprehension of a symbol as a text in linguistics. Also the author detects a number of consequences that specify the purport of symbol and text and the character of their relation.

Ключевые слова: символ, художественный текст, знак, контекст.

Key words: symbol, artistic text, sign, context.

УДК 81

Символ и художественный текст (далее – текст) остаются до настоящего времени филологическими категориями, наименее поддающимися пониманию и описанию. Это определяется тем, что как символ, так и текст практически не поддаются «переводу» на научный язык понятий и категорий [2], их понимание сильно зависит от контекста, а семантика имеет лишь расплывчатые очертания, оба феномена являются не только знаковыми единицами, но и результатами понимания, а также стимулами рефлексии. Вместе с тем вне выявления существенных и функциональных свойств символа и текста невозможно описание языка в качестве знаковой системы, принципиально отличающейся от коммуникативных систем животных.

Соотношение символа и текста рассматривается в современном гуманитарном знании в двух аспектах. В свете одной точки зрения символ как знак представляет собой свернутый текст, в свете другой – символ видится неким текстопорождающим фактором. В данной статье остановимся на первой из названных позиций, для которой показательны идеи Ю. М. Лотмана, утверждающего, что символ «и в плане выражения, и в плане содержания всегда представляет собой некоторый текст» [5, 11].

Конечно, лингвистический и культурологический взгляды на природу символа и текста различаются. Однако поскольку слово как знак является частным случаем знака, ему присущи свойства знака. Вербальный текст оказывается частным случаем текста в широком смысле, а значит, имеющим свойства текста в культурологическом смысле. Следовательно, попытка сближения названных пониманий символа и текста, а также их отношений представляется продуктивной для обеих позиций.

Утверждение «символ есть текст» непротиворечиво соотносится с определением текста как объединенной смысловой связью последовательности знаков, обладающих свойствами

ми цельности и связности [6] в случае понимания самого кода как совокупности единиц, выражающих не только номинативно, но и коммуникативно значимое содержание. Если считать символ знаком особого рода, означаемым которого является сеть отношений [1], даже его относительно изолированная актуализация содержит информацию, выходящую далеко за рамки понятия и обладающую признаками как целостности (в силу наличия центра – символа), так и связности (ассоциативной соотнесенности семантики стягиваемых этим центром единиц). А поскольку ассоциативная сеть включает в себя не только план содержания, но и план выражения элементов (имена абстрактных или конкретных понятий, а также другие символы), можно утверждать, что символ разворачивается в многомерной последовательности знаков, которую он выражает.

Например, в следующих фрагментах текстов разных (и по степени признанности, и по отношению к культурному контексту) авторов актуализирован символ СНЕГ:

«Лежишь один, и спишь в шкафах посуда, / покуда снег летит на спящий дом, / покуда снег летит во тьму оттуда» (И. Бродский. Большая элегия Джону Донну [3, 29]). «Но если твой путь впечатан мелом в асфальт, / Куда ты пойдешь, когда выпадет снег?» (Б. Гребенщиков. Электричество [4]). «Время неведомой силой / Крутит с легкостью стрелки лет, / И с легкостью невыразимой опускается снег в снег» (Високосный год. Приносящий удачу [10]). «Волхвы несут дары всем сразу, / И качается фонарь под глазом, и летит, летит, нацеленный в висок, / Самый первый снег, / Самый первый» (А. Васильев. Три цвета (Самый первый снег) [11]). «Падает снег, / Мутный и белый и долгий, / Падает снег, / Заметая дороги, / Засыпая могилы, / Падает снег» (И. Анненский. Музыка отдаленной шарманки [15]). «А берег опустелой гавани / Уж первый легкий снег занес... / В самом чистом, в самом нежном саване / Сладко ли спать тебе, матрос?» (А. Блок. «Поздней осенью из гавани...» [12]). «В посадке, куда ни одна нога / Не ступала, лишь ворожеи да вьюги / Ступала нога, в белоснежной округе, / Где и то, как убитые, спят снега...» (Б. Пастернак. Метель [14]).

В этих фрагментах отражается общее содержание символа, которое можно условно перевести в вербальную форму: СНЕГ заносит земное пространство, останавливает движение, усыпляет и умертвляет, но вместе с тем связывает небо и землю (опускаясь и поднимаясь), освобождает душу от тела, вознося её ввысь. Более показательно, хотя и не менее условно, значение символа СНЕГ можно представить схематично (рис. 1).

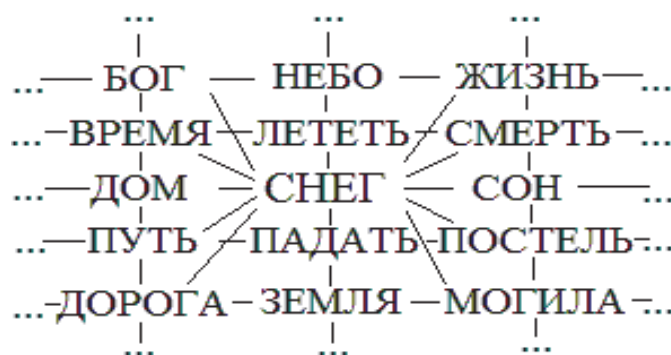

Рис. 1. Фрагмент семантики символа СНЕГ

Из приведенных соображений вытекает идея о том, что символ является надзнаковой единицей, обладающей своеобразной целостностью и связностью, в языковой системе потенциально представляющей последовательности знаковых единиц, в речевой актуализации реализующей эти последовательности. Эта идея ведет к возможности отождествления символа и текста.

Признаки текста Ю. М. Лотман видит и в свойствах символа: 1) в единстве и замкнутости значения, наличии отчетливых границ и как следствие этих признаков – выделенности

символа на фоне семиотического контекста; 2) в легкости вычленения из семиотического окружения и перемещения в новое текстовое окружение, независимости от контекста; 3) в способности символов сохранять обширные тексты в свернутом виде, обусловленной их возникновением в дописьменную эпоху как свернутых мнемонических программ текстов и сюжетов; 4) в способности символов при регулярном воспроизведении трансформироваться под влиянием изменения контекста и трансформировать контекст, чем обеспечивается как внутреннее разнообразие, необходимое для существования культуры, так и единообразие, необходимое для национальной и ареальной определенности той или иной культуры; 5) в архаичности и константности стержневой группы символов в культуре и неспецифичности символов по отношению к какому-либо временному культурному срезу, пронизыванию ими различных эпох; 6) в неисчерпаемости всех потенциальных возможностей обозначения, непокрываемости их планом выражения символа и актуализированными контекстами и вытекающей отсюда специфичности связи означающего и означаемого: символ скорее не обозначает нечто определенное, а намекает на нечто беспредельное, непонятное, тайное [5].

Первый из названных признаков символа, видимо, определен требованиями структурного подхода к изучению символа как объекта: рассмотрение отношений элемента к другим элементам системы в рамках этого подхода требует четкого определения границ рассматриваемого элемента. Однако процедура членения информационного потока (фрагмента семиотической структуры) не вполне применима к таким сложным образованиям, как символ и текст. Представляется, что признак единства и замкнутости значения, наличия отчетливых границ не вполне отражает характер функционирования как символа, так и текста. С одной стороны, включенность символа в систему, а как следствие, обусловленность его семантики всем разнообразием взаимодействия с элементами этой системы указывает на открытость его семантической структуры, отсутствие четких границ плана содержания. То же касается и текста: каждый конкретный текст содержательно является продолжением другого текста, имеющего своего предшественника, продуцирует условия возникновения новых текстов и т.д.

Если говорить о четких границах плана выражения, то мы сталкиваемся с тем, что и символ, и текст могут быть актуализированы не только собственным означающим, но и контекстом. Так, например, в рассказе В. Шаламова «Инжектор» [13] имена персонажей (А. С. Королев, Л. В. Кудинов, Горев), равно как и название участка «Золотой ключ» специфическим контекстом использования отсылают к текстам народных и литературных сказок и соответствующим символическим системам. В то же время сам текст рассказа существенно дополняет содержание сказок и структуру семантики символа КЛЮЧ (здесь его использование открывает не только путь в иное измерение, но и пропускает иное измерение в реальность, трансформируя последнюю до абсурда), хотя этот символ актуализируется не прямо, а через одну из своих репрезентаций (золотой ключик).

Кроме того, каждый актуализированный символ, как и текст – элементы пространства культуры, что не допускает их рассмотрения вне теснейшей связи с остальными элементами пространства культуры.

С другой стороны, отмечаемая большинством исследователей полисемантность символа, возникающая под влиянием семиотических связей [1], не совместима с критерием единства семантики. Имеет смысл полагать, что выделенность символа в семиотическом контексте определяется не тем, что он замыкает собственную семантику в себе, а тем, что он стягивает компоненты семантики множества знаковых единиц в облако (как семантическая воронка, по определению А. А. Шунейко [9]), в котором образуется единство, в том числе парадоксальное, различных семантических комплексов.

Именно феноменом семантического стягивания, а не дифференциации, на наш взгляд, объясняется и другое свойство символа, отмеченное Ю. М. Лотманом, – встраиваемость символа в любой контекст. Это свойство символа обеспечивается потенциально бесконечной валентностью, которая обусловлена совмещением в семантике одного знака смыслов раз-

личных контекстов. В этом отношении точнее утверждать, что символ не вычленяется из семиотического окружения и не встраивается в новое, а одновременно в качестве возможности присутствует во всех окружениях. Проявление же символа носит характер актуализации той или иной возможности.

Символ стягивает не только компоненты синхронного среза культуры, но и исторически сложившийся опыт символического означивания. В качестве следствия архаичности символов, указанной Ю. М. Лотманом, следует отметить кумулятивность их семантики: они хранят в себе не только некоторые исходные тексты, но и те тексты, в которых они так или иначе, прямо или опосредованно актуализировались, те семантические эффекты, которые при этом возникали, и по большому счету объединяют все относительно отдельные тексты в единый текст культуры, разворачивающийся из глубин прошлого в будущее. Содержание семантики символа можно понимать как историю его актуализации в разнообразных контекстах, где означающее символа сохраняет относительную тождественность, в то время как означаемое постоянно меняется. В этом смысле семантику текста можно понимать как текст, развернутый не только в синхронном срезе культуры, но и во времени.

Из этого утверждения следует, что автор как носитель языка культуры в своем творчестве создает некий пересказ текста, о существовании которого лишь догадывается по наличию других пересказов. Эта метафора не предполагает недооценки творчества автора и креативности восприятия, как того требует структуралистская позиция Ю. М. Лотмана [8, 185]. Только проницательность автора позволяет увидеть в символах принципы упорядоченности мира и воссоздать на основе структуры, заданной символами, образное описание мира или его фрагмента. С другой стороны, символы актуализируют свое смысловое наполнение не только в процессе творчества автора, но и в процессе восприятия произведения.

Бесконечность творческого процесса основана на отмеченной Ю. М. Лотманом неисчерпаемости всех потенциальных возможностей, непокрываемости их планом выражения символа и неопределенности семантики, намек на нечто беспредельное, непонятное, тайное. В этом отношении следует отметить, что сами названные свойства символа продуцированы механизмом семантического стягивания, в результате которого символ устанавливает связи между разнородными (по большому счету всеми) элементами культуры и становится своеобразным фокусом описания мира (аналогичным центру мира в магических практиках). Иррациональность такого фокусирования беспредельного в относительно предельном объясняет ореол таинственности как самого символа, так и процесса его развертывания в текст (представленности в тексте).

Таким образом, культурологическое представление о символе как тексте, сформулированное Ю. М. Лотманом, не противоречит, а существенно дополняет лингвистические представления об этих объектах, поскольку сам языковой код имеет признаки целостности и связности, вследствие чего может быть развернут в линейную последовательность знаков. Особую роль в языковом коде играют символы как панрелятивные знаки, стягивающие вокруг себя как план содержания, так и план выражения множества других языковых единиц. Такой подход позволяет уточнить как природу символа и текста в лингвистическом и культурологическом понимании, так и характер их взаимодействия: 1) ни текст, ни символ не являются дискретными единицами, поскольку их семантика определяется преимущественно контекстом; 2) выделенность символа связана не с дифференциацией, а с семантическим стягиванием, которое лежит в основе его природы; 3) семантическое стягивание обеспечивает встраиваемость символа в любой контекст, поскольку в сферу его семантики попадает предельное множество единиц, включающих символ в свои возможные контексты; 4) в диахроническом аспекте стягивание семантики символом затрагивает все временные срезы культуры и языка; 5) притягивая к себе означаемые и означающие множества знаков в актуальном и ретроспективном аспектах культуры, символ создает иллюзию существования некоего текста, имеющего множество пересказов, что подталкивает автора к созданию собственного вербального текста, разворачивающего некий символ; 6) иррациональность связей символа как

производное его панрелятивности определяет ореол его мистичности и объясняет в некотором роде тайну художественного творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеенко, И. А. Концепт, символ, текст: пространство эксперимента / И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № 1-2(1). – С. 45-48.
2. Бахтин, М. М. К методологии гуманитарных наук / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 361-373.
3. Бродский, И. А. Избранные стихотворения / И. А. Бродский. – М.: Панорама, 1994. – 496 с.
4. Гребенщиков, Б. Электричество // Книга песен. – URL: <http://www.aquarium.ru/discography/index.html> (дата обращения: 05.03.2014).
5. Лотман, Ю. М. Символ в системе культуры / Ю. М. Лотман. – URL: <http://www.philology.ru/literature1/lotman-92e.htm> (дата обращения: 05.03.2014).
6. Николаева, Т. М. Текст // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 507.
7. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М., 1997. – 824 с.
8. Чернышева, А. В. Понятие культуры в структурно-семиотической концепции Ю. М. Лотмана // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 5 (11): в 4 ч. Ч. III. – С. 184-187. – URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/46.html>.
9. Шунейко, А. А. Массонская символика в языке русской художественной литературы XVIII – начала XXI веков / А. А. Шунейко. – Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2006. – 400 с.
10. <http://www.megalyrics.ru/lyric/visokosnyi-ghod/prinosiashchii-udachu.htm>
11. http://www.music-facts.ru/song/Spleen/Perviy_sneg/
12. [http://www.ru.wikisource.org/wiki/Поздней_осенью_из_гавани_\(Блок\)](http://www.ru.wikisource.org/wiki/Поздней_осенью_из_гавани_(Блок))
13. <http://www.shalamov.ru/library/2/10.html>
14. <http://www.slova.org.ru/pasternak/metelvposade/>
15. <http://www.klassika.ru/stihi/annenskij/padaet-sneg-mutnyj.html>

Гуськов В. В.
V. V. Gus'kov

СВОЕОБРАЗИЕ КОНФЛИКТА В РАССКАЗЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА»

THE PECULIARITY OF THE CONFLICT IN SOLZHENITSYN'S «ONE DAY OF IVAN DENISOVICH»

Гуськов Вячеслав Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Благовещенского государственного педагогического университета (Россия, Благовещенск). E-mail: slavagus@mail.ru.

Gus'kov Vyacheslav Vladimirovich – Candidate in Philology, Assistant Professor, Department of Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Russia, Blagoveshchensk). E-mail: slavagus@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфики конфликта в рассказе «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына. Основным в рассказе оказывается конфликт между жизнью и смертью, именно он определяет характер поступков главного героя, выстраивает внешнее и внутреннее действия в единый цельный сюжет.

Summary. The paper is focused on the conflict in Solzhenitsyn's «One Day of Ivan Denisovich». In the story the basic one is the conflict between life and death; it determines the nature of the protagonist's behavior and arranges external and internal actions in the single whole plot.

Ключевые слова: Солженицын, рассказ, Иван Денисович Шухов, сюжет, действие внешнее, действие внутреннее, конфликт, мировоззрение, эстетические принципы.

Key words: Solzhenitsyn, story, Ivan Denisovich Shukhov, plot, external activity, internal activity, conflict, ideology, aesthetic principles.

УДК 82.09

Как известно, главной движущей силой, энергетическим источником динамического развития в произведении является конфликт. Благодаря конфликту действие организуется в сюжет, который, объединяя вокруг себя события, характеры и обстоятельства, придаёт им художественную целесообразность, а также обнаруживает и впрямую воссоздаёт жизненные противоречия.

Суть конфликта в «Одном дне Ивана Денисовича» казалась всегда настолько очевидной, что практически никто не уделял сколько-нибудь серьёзного внимания данному вопросу. Даже подошедший вплотную к сюжетоописанию рассказа П. Е. Спиваковский, один из авторитетнейших исследователей творчества Солженицына, не даёт ответа на этот вопрос. Разграничив в структуре сюжета «Одного дня...» внутренний и внешний аспекты, исследователь приходит к выводу, что специфика композиции рассказа определяется именно внутренним действием, «то есть постоянной сменой мыслей, чувств и впечатлений в сознании главного героя». И именно сюжет внутренний, несмотря на строгую хронологическую последовательность сюжета внешнего, являясь, по мнению Спиваковского, «калейдоскопически изменчивым», «лишённым целостности», «центробежным», способствует «сгущению» в небольшом по объёму произведении разнородных тем и проблем. При этом право определять доминантную тему или проблему (раскрытию которых в художественном произведении способствует именно конфликт, двигающий сюжетное действие) он отдаёт самому читателю, выводя решение задачи на уровень рецептивного осмысления. Собственно, исследователь сам и перечисляет те потенциальные аспекты, с позиции которых читатель может постигать произведение: это аспекты конкретно-исторические («история России», «лагерные порядки»,

«межнациональные взаимоотношения»), религиозно-философские («вера в Бога, действие Промысла в жизни каждого отдельного человека») и разные другие («судьбы конкретных лагерников, проблема выживания в нечеловеческих условиях», «“чистое” искусство, тирания») [6, 37].

Действие внутреннее и действие внешнее, на первый взгляд разнонаправленные (так как выполняют свои определённые функции), всё же являются взаимосвязанными и взаимообусловленными. Ментальные экскурсы, которые происходят в сознании персонажа и составляют внутреннее действие, по сути оказываются всё теми же событиями в линейной структуре сюжета.

Способствуя созданию панорамного эпического полотна, выходящего за пределы лагерного мира, они не остаются самодостаточными. События действия внутреннего логически связаны с событиями действия внешнего. Выстраиваясь в кумулятивный (центробежный) внутренний сюжет, они оказываются прочно спаянными с центростремительным сюжетом единого внешнего действия.

Яркий тому пример можно увидеть уже в самом начале «Одного дня...». Пробитый в пять часов утра «подъём», с упоминания о котором начинается рассказ, становится своеобразным поводом-мотивировкой для объяснений от лица автора-повествователя причин, по которым главный герой «никогда не просыпал подъёма». Однако «объективное» – от третьего лица – повествование постепенно трансформируется в цепочку ассоциативно связанных между собой мыслей, свойственных скорее Шухову, нежели всеведущему автору: «<...> до развода было часа полтора времени своего, не казённого, и кто знает лагерную жизнь, всегда может подработать: шить кому-нибудь <...> или идти в столовую собирать миски со столов <...>, но там охотников много, отбою нет, а главное – если в миске что осталось, не удержишься, начнёшь миски лизать» [4, 15].

Окончательно принадлежность данных размышлений именно Ивану Денисовичу оформляется в последней части рассматриваемого абзаца. «Внутренний монолог» о важности для заключённого свободного времени перед разводом ассоциативно (но мотивированно) перетекает в воспоминания о первом бригадире Шухова Кузёмине и его мудрых высказываниях о специфике жизни в лагерях, переходя, в конечном итоге, в несобственно-прямую речь: «Насчёт кума – это, конечно, он загнул. Те-то себя берегают. Только береженье их – на чужой крови» [4, 15].

Очевидно, что размышления Шухова (как в этом эпизоде, так и в других, будь то воспоминания или житейские обобщения, например, по поводу роли посылок в лагере) всплывают не на пустом месте. Они не являются результатом «нанизывания» тех или иных самоценных ситуаций на стержень общей сюжетной линии. Внутренние монологи героя предстают неотъемлемыми элементами сюжетостроения, вызванными к жизни конкретными событиями, произошедшими во внешней реальности художественного мира произведения. Во многих случаях внешними условиями детерминирована и тематическая специфика подобных «событий сознания». В произведении автор прямо указывает на тесную связь между ходом мысли заключённого и обстоятельствами, на непосредственное влияние лагерной среды на сам процесс работы сознания зэка: «Дума арестантская – и та несвободная, всё к тому ж возвращается <...>» [4, 35].

Выйти мысленно за пределы лагерной действительности у него нет возможности или даже времени. Поэтому свободные «центробежные» размышления становятся событиями не только сюжетной канвы, но и самой жизни простого заключённого, у которого своего времени, в отличие от «казённого», не так уж и много, что неоднократно отмечается в рассказе. Герой даже производит точный подсчёт личного времени, то есть времени, при котором силы тратятся только на самого себя, когда весь мир сводится только к нему самому. И этих мгновений-минут (далеко не часов!), не считая сна, у отбывающего наказание в лагере всего оказывается двадцать: «<...> десять минут за завтраком, да за обедом пять, да пять за ужином» [4, 22].

Действие внутреннее и действие внешнее не противоположны друг другу; их разновекторность не порождает серьёзных противоречий и не может быть источником конфликта. Не противоречиво и само внутреннее действие. Герой показан сформированным, с устоявшимися представлениями о жизни, с достаточным житейским и лагерным опытом. И хотя он пытлив по отношению к окружающей его действительности, а степень познания им бытия постоянно меняется, образ всё же остаётся цельным. Эта цельность проявляется, например, в способности героя фиксировать искажения, произошедшие в жизни (как на воле, так и в лагере): «А русские – и какой рукой креститься забыли» [4, 21].

События действия внутреннего создают общий фон для действий внешних. Они формируют представление о всеобщем «состоянии мира», в котором пребывает герой. И именно это «состояние мира» содержит в себе некое нарушение, оказывающееся в основе общей коллизии. Эта общая ситуация становится фактором развития в действии внешнем основного конфликта, центральным участником которого оказывается главный герой рассказа. Но с кем или с чем конфликтует Иван Денисович?

В рассказе у героя нет ни явного, ни тайного индивидуализированного противника. Драматически конфликтное положение в «Одном дне...» создаётся отнюдь не противопоставлением воле. В произведении нет «виноватых» в том, что случилось или происходит с Шуховым. А как отмечал А. П. Скафтымов, исследуя принципы построения произведений Чехова, там, где нет виноватых, не может быть прямых противников, а значит «не может быть борьбы» [1, 426].

Однако если у Чехова виноватыми всё же оказываются неподвластные воле героев сложившиеся обстоятельства, «всё имеющееся сложение жизни в целом» [1, 426-427], то в жизненной драме Ивана Денисовича может быть повинна бесчеловечная система, в цепких лапах которой находится герой. Несправедливое устройство общества, суть которого передаётся через события действия внешнего, становится причиной незаслуженного пребывания Шухова за колючей проволокой.

Но и с общим состоянием мира герой не вступает в открытое противоборство. Он не пытается этот мир изменить или сломать. А если и есть в его поведении элементы сопротивления, то они связаны скорее с отстаиванием героем своего личного достоинства, доказыванием самому себе своей нерабской сути, нежели с планомерными действиями, направленными на устранение враждебных герою обстоятельств.

Более того, Шухов двойственно относится к самой системе, выказывая порой признаки жалости к тем, кто выполняет её функции. Показателен в этом плане эпизод конвоирования колонны заключённых до места работы, во время которого Шухов подмечает нелёгкое положение охраны. Объясняя, почему последние стали реже покрикивать на заключённых, герой констатирует, что в условиях сильного, секущего лицо и мешающего смотреть ветра, конвоирам «тряпочками (которыми можно было прикрыть лицо от пронизывающего ветра, как это делали заключённые. – В. Г.) завязываться не положено. Тоже служба неважная...» [4, 35]. Многоточие в конце последнего предложения говорит как о незавершённости размышлений Шухова о судьбе лагерных охранников, так и о его не злорадном, а именно сочувственном отношении к ним.

В лагере бóльшим недругом заключённому может оказаться не надзиратель, охранник или следователь, а именно другой заключённый. Так, в сцене обратного конвоирования колонны Шухова, уже с ТЭЦ, происходит парадоксальное соединение интересов эков и охраны. Бывшие ещё несколько мгновений назад «антагонистами», заключённые и конвоиры внезапно становятся «единомышленниками» в желании быстрее добраться до лагеря и опередить колонну мехзаводцев, так как последних «особо шмонают» [4, 85]. По мнению героя, в тех условиях всё смешалось так, «что уже конвой экам не враг, а друг. Враг же – та колонна, другая» [4, 84].

Парадоксальность и неразумность внутреннего противостояния заключённых, повышающего эффективность лагерной системы и ухудшающего положение узников, горько

подмечает Шухов, видевший большего врага именно в другом осуждённом: «Если б зэки друг с другом не сучились, не имело б над ними силы начальство» [4, 85].

Ко всему прочему и сам заключённый может оказаться виновником своего тяжёлого положения: из-за неопытности, излишнего «качания прав» и вспыльчивости (как в случае с Буйновским) или даже по простой забывчивости. Так, Шухов, запомнив о куске ножовки, которую он подобрал из хозяйственных соображений в рабочей зоне и которую совершенно не собирался проносить в лагерь, рисковал получить десять суток карцера, если бы её надзиратели признали ножом.

Но если герой не ведёт открытой борьбы с системой и её представителями, если не имеет очевидных или скрытых врагов и если он не находится во внутреннем разладе с самим собой, в чём тогда общая интенция всех действий и поступков персонажа?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить историю о том, как Иван Денисович попал в лагерь, точнее о том, какой выбор он был вынужден сделать, прежде чем оказаться заключённым. Это был выбор между жизнью и смертью. Путь героя в лагерь, по сути, начался с борьбы за выживание. Уже в контрразведке, где Шухова много били, он понял, что если «не подпишешь – бушлат деревянный, подпишешь – хоть поживёшь ещё малость». Как и у многих подобных арестантов, у Шухова «расчёт был <...> простой» [4, 52] – выжить, поэтому он и подписал ложные показания.

С самого начала лагерной жизни судьба героя определяется борьбой за выживание. Причины этой вынужденной борьбы лежат в сложившейся системе, но внешнее действие в рассказе определяется конфликтом между человеком и всем, что непосредственно несёт угрозу его жизни. Каждый день в лагере – это постоянная непрекращающаяся борьба за существование людей, находящихся между жизнью и смертью. На это указал и сам автор во время выступления по французскому телевидению 9 марта 1976 года, комментируя снятый режиссёром Каспером Вреде фильм по «Одному дню...». Солженицын, удивляясь несоответствию внешности подобранных актёров физическому состоянию играемых ими персонажей, отметил: «<...> почти все актёры, в общем, плотные мужчины», тогда как в лагере люди находились «на самой грани смерти, у них вваленные щёки, сил уже нет» [2, 384].

Всё существование за колючей проволокой пронизано постоянной угрозой жизни. Она исходит из разных сторон. Но основной источник – это лагерный режим с его порядками, нормами и приказами. Заключённый постоянно рискует нарушить запрет, провиниться перед надзирателями, вызвать их гнев и в результате попасть во внутрилагерную тюрьму – БУР («Барак Усиленного Режима»).

Так, уже с самого подъёма «почти счастливый» день Шухова мог оказаться если не последним, то, возможно, одним из последних, так как привёл бы к череде серьёзных, опасных для здоровья последствий, которые, в свою очередь, могли бы стать причиной гибели героя. За то, что «по подъёму не встал», надзиратель Татарин отмеряет Ивану Денисовичу «трое суток *кондея с выводом*». И хотя Шухов оценивает данное наказание как незаслуженное, всё же принимает его спокойно [4, 18]. Это спокойствие передаётся и читателю, который и не подозревает о степени нависшей над жизнью героя угрозы.

Однако позже, когда речь в рассказе заходит о судьбе неопытного ещё зэка кавторанга Буйновского, получившего «десять суток» за «качание прав», раскрывается вся смертельная опасность данного «учреждения». Оказывается, что БУР клала именно шуховская 104-я бригада. Поэтому каменщик Иван Денисович точно описывает карцер, чьё устройство ему прекрасно известно: «стены там каменные, пол цементный, окошка нет никакого, печку топят – только чтоб лёд со стенки стаял и на полу лужей стоял». Более того, Шухов, о котором доподлинно неизвестно, попадал он в БУР или нет, прекрасно представляет и условия пребывания в нём, когда приходилось спать на голых досках («если в зуботряске улежишь») и когда «хлеба в день – триста грамм», а баланда – только на каждые третьи сутки. Поэтому ясно представляющий опасность для здоровья заключённого пребывания в БУРе Иван Денисович удивлённо и сочувствующе восклицает, когда вспоминает о сроке наказания, отмеренного Буйновскому

начальником режима лейтенантом Волковым: «Десять суток!» И далее рассудительно поясняет: «Десять суток здешнего карцера, если отсидеть их строго и до конца, – это значит на всю жизнь здоровья лишиться. Туберкулёз, и из больничек уже не вылезешь. / А по пятнадцать суток строгого кто отсидел – уж те в земле сырой. / Пока в бараке живёшь – молись от радости и не попадайся» [4, 106].

Созданный самими зэками, как и всё в лагере, карцер постоянно угрожает жизни заключённых. И опасен он тем, что зэк не может ничем себя там защитить, а попасть в него не составляет особой сложности, так как осуждённый не ограждён ни от прихоти надзирателя, ни от своей ошибки или оплошности. Именно поэтому герой призывает молиться от радости, радости пребывания вне стен БУРа. Заключённый может стать виновником возникшей угрозы ненамеренно, как, например, в приведённом выше случае с ножовкой у Шухова. А порой лагерник вынужден осознанно идти на преступление ради сохранения жизни.

В некоторых ситуациях для сохранения жизни зэки готовы пойти и на убийство. Ярким примером тому в рассказе могут служить два случая. Первый из них связан с убийством двух стукачей «пряма на вагонке», о котором вспоминают в бригаде Шухова. Точные мотивы этого преступления неясны, да и оценивается оно среди 104-й неоднозначно. Если Павло считает такую расправу правильной («Нэ людун, а стукачив!»), то Шухов пока не даёт категоричной оценки (ведь и «работягу невинного» зарезали). Он, предощущая начавшиеся в лагерной жизни изменения, лишь удивляется произошедшему: «Чудно... Такого в бытовых не было. Да и здесь-то не было...» [4, 53].

Тем не менее «положительный» эффект от этого тройного убийства герой вскоре осознаёт. Происходит это во время конфликта бригадира Тюрина с десятником Дэр. Увидев выкраденный толь на окнах машинного зала ТЭЦ (таким образом утеплённого 104-й бригадой), Дэр стал угрожать бригадиру Тюрину новым уголовным делом и третьим сроком. В ответ на это бригадир и Павло были вынуждены пригрозить десятнику скорой расправой, чем и сбили с него всю спесь. Свидетель этого происшествия Шухов в итоге резюмировал: «Да-а... Вот она, кровь-то резаных этих... Трех зарезали, а лагеря не узнать» [4, 70-71].

Дэр становится угрозой не только жизни Тюрина. Угрожая бригадиру, десятник ставит под сомнение выживание всей бригады, для которой Андрей Прокофьевич был главным заступником.

А ведь толь нужен был не только для спасения бригадников от ветра и мороза, не только для их выживания («Не нагреем – помёрзнем как собаки <...>» [4, 43]). Утепление машинного зала необходимо было и для создания приемлемой – рабочей – температурной среды («Машинный зал будет нам и растворная, и обогревалка» [4, 43]). Косвенным образом от этого зависели и сроки строительства ТЭЦ, которая, по определению, должна была в дальнейшем вырабатывать тепло и энергию, то есть создавать условия для жизни уже более значительного количества людей. Получается, что не только свою жизнь «утепляли» краденным толем Шухов и его бригада. Угрожая расправой Дэру, 104-я бригада «утепляет» жизнь, возможно, многих других людей, чья судьба так или иначе окажется связанной с объектами, для которых и возводится данная ТЭЦ.

Но бывают угрозы, которые предсказать лагерному жителю практически невозможно: начиная от лишения чего-либо (выходных, пайки и т.п.) до непредсказуемости погоды, которая приморозит, но не до предельной отметки на градуснике, когда на работы не выгоняют. Тем не менее силы, угрожающие жизни, в рассказе не могут быть сведены к фаталистическим или неизбежным. В рассказе они связаны с человеком. И в руках человека те средства, которые помогают ему в сложных условиях выжить либо избежать столкновения с угрозой.

Несмотря на весь драматизм повествования, отражающий трагедию русского народа, произведение несёт оптимистический посыл. В нём автор много внимания уделяет не только угрозам, но и способам их преодоления. По сути, рассказ – это некий мужицкий катехизис, показывающий наиболее верные способы выживания в условиях несвободы. Они раскрываются по мере разворачивания сюжета внешнего. Благодаря им конфликт между смертью и

жизнью решается в пользу последней. Среди таких способов и условий выживания можно выделить несколько наиболее важных.

К их числу относится и умение Шухова приспосабливаться к обстоятельствам, умение, которое не имеет ничего общего с потерей человеческого достоинства и унижением [7, 25].

Человечность и человеческое достоинство – это тоже важнейшие условия сохранения жизни, продления её в ситуации несвободы. Жизненная необходимость соблюдения первого условия – человечности – подтверждается отношением солагерников к самому Ивану Денисовичу: никто из заключённых не проявляет к нему враждебности, но многие выказывают преимущественно уважение (и Цезарь Маркович, и бригадир Тюрин, и кавторанг Буйновский, и другие). Налаживая с ними доверительные, именно человеческие отношения взаимопомощи, Шухов как бы прикрывает «тылы», обеспечивая себе поддержку со стороны самих заключённых.

Важность выполнения второго условия становится понятна при знакомстве с образом «шакала» Фетюкова. Именно из-за потери человеческого достоинства, проявившегося и в неумении себя поставить, и в вылизывании чужих мисок, и в заискивающем отношении к другим, он занимает самую нижнюю ступень внутрибригадной иерархии. А как подмечает пожалевший бывшего директора Шухов, дожить до конца срока ему не удастся.

Необходимость сохранения нравственного начала как существенного условия выживания в лагере подчёркивается в рассказе неоднократно. И это неслучайно, так как соответствует общим мировоззренческим принципам Солженицына. В одной из публицистических работ он выводит так называемый «закон Сикорского», согласно которому нравственность – это важнейшее требование для дальнейшего существования человечества в целом: «Если в биологическом виде нравственное развитие идёт менее чем пропорционально интеллектуальному прогрессу, то есть отстаёт от него, то такой биологический вид обречён на вырождение или вымирание» [3, 292].

Помогает выжить в лагере и то, что для многих заключённых оказывается сутью каторги, то, из-за чего многие из них «доходят» – тяжёлый каждодневный труд. Спасает он особенно в условиях тяжелейшей лагерной зимы. В самом начале лагерного дня перед Шуховым и его бригадой возникает вполне реальная угроза получить наряд на объект под названием «Соцгородок». Это новое поселение для свободных жителей стремящегося к социализму государства возводится руками людей несвободных в тяжелейших условиях: в голом поле со снежными увалами, где «месяц погреться негде будет – ни конурки». Для Ивана Денисовича решение о том, какая бригада отправится на «смертельно опасный» объект, настолько важно, что он воспринимает его как судьбоносное. При этом Шухов никоим образом не обвиняет тех, кто это решение принимает, хотя и несколько иронизирует над системой: ведь прежде, чем начать возводить жилой массив, зэки должны будут создать при помощи столбов и колючей проволоки охраняемую территорию, зону.

Понимая, что вероятность попасть на Соцгородок у 104-й бригады остаётся всегда, Шухов определяет один-единственный путь выживания в столь сложных нечеловеческих условиях: «Вкалывай на совесть – одно спасение» [4, 16].

Мысль о том, что работа – это важнейшее и порой единственно возможное средство сохранения жизни, повторяется и в двухчастном рассказе «Абрикосовое варенье» (1994). Главный герой – Фёдор Иванович, сын кулака, в письме к «знаменитому писателю», повествуя о своей тяжёлой судьбе, постоянной борьбе за существование в «изнемоге», приводит случай из собственной жизни, произошедший в один из зимних месяцев: «Ночью разгулялась сильная мятель, потом пошёл дождь, а наутро схватил мороз. <...> Нас, 11 человек, погнали на работу в лесной склад. <...> А я был голодырь, меня морозный ветерок продувал пробористо. Я им (остальным десяти, отказавшимся работать в выходной. – В. Г.): “Ребята, вы как хотите, я буду работать, иначе скоро замёрзну”» [4, 376].

Однако важным условием такого отношения к тяжёлой работе является не рабское смирение с трудовой повинностью, а именно внутреннее принятие труда, отказ от видения в

нём исключительно наказания. Так, в главе 9 «Придурки» части третьей «Архипелага ГУЛАГ» Солженицын, размышляя о том, с каким чувством стоит подходить к тяжёлой, изматывающей работе, вопрошает: «Как же Ивану Денисовичу выжить десять лет, днём и ночью только проклиная свой труд? Ведь это он на первом же кронштейне удавиться должен!» В доказательство спасительности для заключённого внутреннего принятия им работы автор «Опыта художественного исследования» воспроизводит «почти невероятную историю», произошедшую с одним из «свидетелей» «Архипелага» – Павлом Чульпенёвым, который семь лет проработал на лесоповале, «да ещё на штрафном лагпункте», и вряд ли бы выжил, «если б не нашёл в том повале смысла и интереса» [5, 203].

По ходу развития сюжета читатель узнаёт, что выжить герою помогают и жизненный опыт, и лагерная мудрость, передаваемая от бывалых заключённых неопытным, и навыки и умения, приобретённые по обе стороны колючей проволоки, и способность развиваться, и даже внимательное отношение к действительности, к деталям.

Конфликт между жизнью и смертью становится основным и в ряде «частных» сюжетов, связанных с судьбой окружающих Шухова заключённых. Сделав два-три наброска либо дав несколько характеристик, автор обозначает возможную или наиболее вероятную развязку судьбы некоторых из описываемых зэков: правда, вариантов здесь всего два – дотянет свой срок и выживет или сломается (оступится или опустится) и погибнет.

Из всех этих сюжетов складывается общий – лагерный – сюжет. А в нём самым приемлемым – «эффективным» в аспекте решения обозначенного конфликта – оказывается путь Шухова.

Конфликт между жизнью и смертью пронизывает всё произведение, а победа жизни подчёркивается в конце рассказа перечислением того, что было счастливого у Ивана Денисович в этот день. Свидетельствует об этом и то количество лет, которое герой уже пережил, победив смерть.

Однако развязка ещё далека, и поэтому конфликт, приобретя онтологическое («субстанциональное») звучание, оказывается неисчерпанным. Ведь, несмотря на «счастливость» изображённого дня, конец срока ещё не близок. И не может определяться оставшимися двумя годами заключения: «Закон – он выворотной. Кончится десятка – скажут, на тебе ещё одну. Или в ссылку» [4, 51]. И хотя шансы остаться в живых, как и умение выживать, у Шухова растут с каждым годом и даже днём, его жизни в лагере всегда будут грозить явные и не очень опасности: будь то очередной Соцгородок, собственная оплошность, болезни, лютые морозы или другой зэк. И каждый из оставшихся дней ему придётся вести сложную борьбу со смертью ради жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скафтымов, А. П. Нравственные искания русских писателей / А. П. Скафтымов. – М.: Художественная литература, 1972. – 544 с.
2. Солженицын, А. И. Публицистика. В 3 т. Т. 2 / А. И. Солженицын. – Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1996. – 624 с.
3. Солженицын, А. И. Публицистика. В 3 т. Т. 3 / А. И. Солженицын. – Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1997. – 560 с.
4. Солженицын, А. И. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 1. Рассказы и Крохотки / А. И. Солженицын. – М.: Время, 2006. – 672 с.
5. Солженицын, А. И. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 5. Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования. Части III-IV / А. И. Солженицын. – М.: Время, 2010. – 560 с.
6. Спиваковский, П. Е. Феномен А. И. Солженицына: новый взгляд (к 80-летию со дня рождения) / П. Е. Спиваковский. – М.: ИНИОН РАН, 1998. – 135 с.
7. Урманов, А. В. Творчество Александра Солженицына: учеб. пособие / А. В. Урманов. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 384 с.

Пань Хэн
Pan Heng

**АККУЛЬТУРАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ЧТЕНИЯ ЛЕКЦИЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ**

**ACCULTURATION DURING THE LECTURES ON THE RUSSIAN LANGUAGE
FOR THE CHINESE AUDIENCE**

Пань Хэн – профессор кафедры русского языка Чанчуньского инженерно-технического института (КНР, провинция Цзилинь, г. Чанчунь); 130012, Чанчунь, ул. Куан Пинь 395; 86-15943072717. E-mail: ph641017@hotmail.com.

Pan Heng – professor of the Russian Language department of Changchun Engineering Institute (China, Jilin province, Changchun); 130012, Changchun, 395 Kuangpin St., 86-15943072717. E-mail: ph641017@hotmail.com.

Аннотация. Студенты, изучающие русский язык, испытывают трудности в трактовке образных и метафорических выражений и понятий, имеющих дополнительные значения, обусловленные спецификой русской культуры. Статья посвящена лингвокультурологическим аспектам изучения русского языка, рассматриваются приёмы и методы обучения, способствующие повышению эффективности освоения языка.

Summary. The students learning the Russian language have difficulties in interpretation of figurative and metaphorical expressions and concepts that have additional meaning due to specific features of Russian culture. The article is dedicated to linguistic and cultural aspects of the Russian language learning, techniques and training methods improving the efficiency of the language learning.

Ключевые слова: культура, культурная интерференция, аккультурация, межкультурные коммуникации, коррелят.

Key words: culture, cultural interference, acculturation, intercultural communication, correlate.

УДК 008

Как известно, информацией люди обмениваются посредством языка, более того, язык способен не только транслировать информацию, но и сохранять её. Таким образом, являясь важнейшим средством общения, язык хранит сведения культуры, накопленные веками, и передаёт следующим поколениям знания и традиции народа. Мы рассматриваем культуру речи как составляющую культуры общения и часть культуры в целом, потому что она обусловлена уровнем владения речью, ее коммуникативными качествами, что, несомненно, сказывается и на степени эффективности общения.

Общепризнано, что язык имеет собственные, внутриязыковые законы развития. В то же время, как уже отмечалось выше, язык функционирует в обществе и непрерывно изменяется с его развитием. Такое функционирование и изменение языка тесно связано с жизнью, традициями, культурой и экономикой его носителей. Если не учитывать условия произнесения речи (время, место, характер общения), то иностранцам трудно точно понять сказанное. К примеру, предложение: «Прощай, прощай, матушка! – сказал комендант, обняв свою старуху. – Ну довольно! Ступайте, ступайте домой; да коли успеешь, надень на Машу *сарафан*». («Капитанская дочка», А. С. Пушкин). В данной цитате употреблено устаревшее слово «сарафан», семантика которого не известна китайским студентам, и значит, смысл фразы может быть не до конца понят. В этой же цитате есть малоупотребительный в современном русском языке глагол «ступать», синонимом которого является общеупотребительное слово «идти». Такие нюансы текста XIX века затрудняют понимание смысл фразы иностранцем.

Другой причиной затруднений в процессе коммуникации между русскими и китайскими учащимися является недостаток страноведческих знаний. Такие пробелы, мешающие пониманию, называют «культурными лакунами», которые должны уметь устранять иностранцы, изучающие русский язык. Однако обучающийся языку, сам того не осознавая, склонен переносить нормы родного языка на язык изучаемый. Ошибки в результате такого необоснованного переноса называются интерференционными. Они часто встречаются в процессе преподавания языка, поэтому первостепенной задачей преподавателя должна стать помощь в точной интерпретации культурных концептов.

Возникновение культурной интерференции происходит по разным причинам. Представляется, что главная из них кроется в том, что у иностранцев, изучающих русский язык, отсутствует представление о многих вещах и явлениях, характерных исключительно для русской культуры. К примеру, предложение: «Дмитрий Александрович любит посидеть за *самоваром* в гостях у старого приятеля» (Старогова). Не зная, что такое *самовар* и для чего он предназначен, китаец не может понять смысл предложения. Самовар – это металлический сосуд для кипячения воды. Такого сосуда у китайцев нет, и для кипячения воды китайцы пользуются чайником или котлом, поэтому им трудно представить себе, что такое самовар, пока они не увидят его или его изображение, сопровождаемое специальными комментариями. Точно так же русские не имеют никакого представления о том, что такое китайский соевый творог *doufu* (豆腐).

Итак, в русском языке, как и в других языках, существует много слов, которым присуща специфическая культурная компонента. Их особенность состоит в том, что они не имеют соответствий в системе другого языка. Такие слова принято называть безэквивалентными. К ним относятся такие русские слова, как *самовар*, *изба*, *квас*, *матрёшка*, а также *Дума* и многие другие.

В то же время, сопоставляя повседневную жизнь русского и китайского народов, мы отмечаем, что реалии, т.е. предметы, обозначаемые эквивалентной лексикой, не совсем одинаковы. Например, «*печь*» у китайцев предназначена лишь для отопления или приготовления пищи, лежать или спать на ней нельзя. Поэтому китайским читателям без специального комментария трудно понять предложение: «Матвей тяжёлым, мёртвым сном спал на печи, укрытый шубами». (Ф. Абрамов) Оказывается, что деревенская русская печь обычно делалась с верхней полкой, т.е. лежанкой, где можно было лежать и спать. Она напоминала китайский «кан», только выше последнего. Другой пример – лексема *Бес*. Это действующее лицо как русских, так и китайских сказок. В китайских сказках бесы бывают различными: иногда они имеют безобразную внешность – у них длинный язык, распущенные волосы, кровавый рот с клыками, синие глаза, иногда они изображаются в виде обычных людей и даже красавцев. В русских же сказках у беса определённый внешний вид: он весь покрыт шерстью, у него тонкий хвостик и рожки на голове. Слова такого типа, которые обозначают не совсем соответствующие друг другу предметы, называются в лингвострановедении неполноэквивалентными.

Из сказанного следует, что содержание текста, в котором есть безэквивалентная и неполноэквивалентная лексика, можно понять без искажения смысла только при наличии соответствующих фоновых знаний.

Поскольку в процессе преподавания языка мы нередко сталкиваемся с культурной интерференцией, необходимо уделять большое внимание фоновым словам. Самый простой способ – иллюстрирование. Преподаватель, демонстрируя картинки или наглядные пособия, объясняет семантику незнакомых слов. Целесообразно здесь провести аналогии, например, если показать студентам русский и китайский *дневник*, они сразу заметят, что русский «дневник» – это специальная тетрадь для записи домашних заданий и для отметок об успеваемости, а китайский «дневник» – это тетрадь для повседневных записей.

Когда встречаются представители разных культур, то они стремятся найти общий язык, точнее и правильнее понять друг друга. На пути такого взаимопонимания могут стоять

неточности произношения, поэтому представляется очень важным в процессе обучения языку уделять внимание фонетике. Типичный пример интерференции на фонетическом уровне у китайских учащихся – неразличение звонких и глухих согласных. В китайском языке, в отличие от русского, чёткого противопоставления звонких и глухих согласных нет.

Интерференция может возникать и на грамматическом, и на лексическом, и на лексико-семантическом уровне. Наибольшие затруднения вызывает лексическая сочетаемость. В русском языке, наряду с широкой лексической сочетаемостью, когда слова механически соединяются с учётом их лексического значения, есть ограниченная сочетаемость. Например, можно сказать «потерпеть поражение», но нельзя сказать «потерпеть победу». Победу можно только одержать. Можно мыть пол, окно, стол, но бельё мыть нельзя, нужно сказать «стирать бельё». В процессе освоения чужого языка китайские учащиеся допускают ошибки, соединяя слова в соответствии с самым общим их семантическим значением. Например, они говорят «есть лекарство» вместо «*принять лекарство*», «смотреть газету» вместо «*читать газету*», «видеть неясно» вместо «*плохо видеть*», «через помощь» вместо «*при помощи*» или «*с помощью*» и т.д. Преподавателю необходимо уделять пристальное внимание к оттенкам смысла слова, таким образом, можно помочь избежать неправильного словоупотребления.

Наиболее высокий уровень владения иностранным языком – понимание коннотативного значения слов. Лингвокультурологический аспект в процессе межкультурной коммуникации чрезвычайно важен. Сопоставляя русскую лексику с китайской, мы видим, что предметно-понятийное и коннотативное значения некоторых слов совпадают в том и другом языке. Так, русское слово «*лиса*» и китайский «*hu li*» (狐狸) метафорически обозначают хитрого, лукавого человека как в русском, так и в китайском языке: «Он, вероятно, знал, что будет обыск. Он – такая хитрая лиса» (Горький). Однако есть зооморфизмы, не только не совпадающие по коннотативным значениям, но и противоположные: обезьяна (猴) в Китае животное симпатичное, милое, для русских обезьяна некрасива, уродлива. По представлению китайцев, «*сова*» приносит людям несчастье и смерть, но для русских она служит символом ума и мудрости.

Есть предметы повседневной жизни, которые в языке имеют дополнительное значение, обусловленное национальной культурой: у русских «*подкова*» символизирует богатство, счастье и удачу, и её даже дарят как сувенир «на счастье». Для Китая это не характерно. Для китайцев болотные птицы «*утки-мандаринки*» – это символ супружеской верности и семейного счастья, тогда как в русском языке это слово коннотативно не окрашено, им просто называют болотных птиц. Нередко в Китае можно увидеть фарфоровые чашки или тарелки с изображением летучей мыши – символом счастья, а русские этому мелкому крылатому животному особого внимания не уделяют.

Ещё более сложную символическую нагрузку несут слова, обозначающие цвет. Каждый народ, каждая культура и эпоха наделяют особым значением цвета. Значения одних сохраняются веками, значения других – подвержены влиянию времени и трансформации культурных ценностей народов. Так, например, красный цветок везде символизирует страсть, торжество, огонь, революцию, свободу, любовь. Но китайские учащиеся не понимают словосочетания русского языка «*красная цена*» или «*красная строка*». Действительно, трактовка устойчивого выражения «красная цена» сложна: это самая высокая цена, которую можно предложить за какой-нибудь товар, т.е. покупатель не согласен с ценой, предлагаемой продавцом. А «красная строка» – это первая строка абзаца, которая начинается с отступа. Однако, если объяснить китайским студентам этимологические корни слова «красный», понятие устойчивое выражение будет легче. В русском языке слово «красный» синонимично слову «красивый». Поэтому девица в русских сказках – красная, и главная площадь России тоже Красная. По ассоциации: «красная цена», значит, самая красивая, самая правильная, самая подходящая покупателю. А первая строка текста с отступом называлась у русских красной, т.е. красивой, потому что в древней Руси принято было украшать первые буквы абзаца, они

были красивыми, т.е. строка была красной. В этой связи необходимо отметить, что в Китае письмо нельзя писать красными чернилами, потому что такое письмо предвещает прекращение переписки, подрыв дружбы и связи.

Опыт преподавания русского языка доказывает, что выделяя типичные коннотативные слова в русском и китайском языке, преподаватель помогает студентам лучше понимать не только русский язык, но и русскую культуру и особенности русского характера.

Представляется целесообразным составить перечень коннотативных значений русской лексики и образных выражений, сопроводив его соответствующими иллюстрациями и цитатами из художественных произведений. Использование такого наглядного материала в процессе изучения языка, несомненно, окажет помощь китайским студентам в освоении русского языка.

Аккультурация – необходимый элемент межкультурного взаимодействия. В процессе общения представители разных культур должны не только учитывать семантику используемых понятий, но и «вписывать» эту лексику в культурный контекст. В современном пространстве глобализирующегося мира очень важно владеть фоновыми знаниями, для чего необходимо внимательно изучать историю, литературу и культуру страны изучаемого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагина, А. А. Лексика языка и культура страны / А. А. Брагина. – М., 1986. – 365 с.
2. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М., 1990. – 247 с.
3. Кравченко, А. И. Культурология: учеб. пособие для вузов / А. И. Кравченко. – М., Академический проект, 2001. – 259 с.
4. Курс лингвострановедения русского языка. – Чанчунь: Изд-во «Цзилиньский университет», 1996. – 115 с.
5. Юсупов, У. К. Проблемы сопоставительной лингвистики / У. К. Юсупов. – Ташкент, 1980. – 198 с.
6. 罗常培, 语言与文化, 语文, 1989.
7. 顾亦谨, 吴国华, 语言问文化—俄语语言国情概论、河南人民出版社, 1991.

Эта статья посвящена научно-исследовательскому проекту «Разработка курса иностранного языка по направлению профиля в китайской и русской аудитории» в провинции Цзилинь, код темы: 2012B248, с мая 2012 г. по декабрь 2014 г.

Симоненко Т. И.
T. I. Simonenko

ФИЛОСОФИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

PHILOSOPHY IN UNIVERSITY: FROM HISTORY TO MODERNITY

Симоненко Татьяна Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: ti.simonenko@yandex.ru

Ms. Tatyana I. Simonenko – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of Department of Ontology and the Knowledge Theory Institute of philosophy St.-Petersburg State University, (Russia, St.-Petersburg). E-mail: ti.simonenko@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается место философии в университетском образовании, его изменение в истории развития европейского университета, современные проблемы преподавания философии в нашей стране, связанные с реформированием отечественной системы образования.

Summary. Article considers place of philosophy in university education, its change in history of development of European university and modern problems of teaching philosophy in Russia associated with the reform of Russian educational system.

Ключевые слова: философия, образование, идея университета, модернизация, традиции.

Key words: philisophy, education, university idea, modernization, traditions.

УДК 101.1

Несмотря на многочисленные попытки модернизации образования в нашей стране, осуществляющиеся на протяжении двух последних десятилетий, оно так и не преодолело кризис, в который погрузилось еще в 90-е годы прошлого века. В деятельности университетов (а университетами в результате тотального реформирования стали называться многие ничем не примечательные вузы) кризисная ситуация обусловлена не только прагматизацией, бюрократизацией и коммерциализацией университетского образования, но и (что особенно важно) извращением самой идеи университета, недооценкой значения его классической формы. Если говорить о содержательной составляющей универсального образования, то кризис университета отчетливо проявляется в кризисе философского образования, в нивелировании того значения философии как дисциплинарной области знания и преподаваемой дисциплины в университете, которым она была наделена в период становления и функционирования классического университета.

Исходным определением университета является понимание его как совокупности учеников и учителей (*Universitas magistrorum et scholarium*), причем совокупности не произвольной, хаотично образованной, а соединяющей людей на почве общей причастности к целому, к всеобщему универсальному началу. Таким целым в античности был космос, характеризующий универсум как порядок, гармонию, совершенство, красоту, а роль философии заключалась в том, чтобы направить знание на его постижение. Именно поэтому первыми предвестниками университета были основные школы античности (пифагорейская, Академия Платона, Ликей Аристотеля и др.), ориентированные на любовь к мудрости, истине, проникнутые стремлением познать ее. Не случайно в средневековье, в период формирования университетского образования, одним из неотъемлемых факультетов университета, изначально призванным давать целостное гуманистическое образование и основы становящегося научного, а также определяющего конфигурацию образовательного пространства, был философский

(точнее говоря, факультет искусств, на котором обучались семи свободным искусствам и философии), что было весьма важным для создания основы коммуникации интеллектуального сообщества, интеграции сообщества людей в университете. Эта функция философии в университете актуальна и по сей день.

Термин *Universitas* в понимании университета имеет отношение и к характеристике самого знания, поскольку важнейшей функцией университета всегда было формирование и аккумуляция универсального научного знания, которое уже в качестве идеального и образцового транслировал университет посредством своей просветительской функции. Говоря о необходимости изучения философии в университете, Шеллинг, например, пишет: «Нет такой науки, которая представляла бы в самой себе противоположность философии – скорее, все науки едины именно благодаря философии и в философии» [4]. Роль философии в процессе единения научного знания трудно переоценить: это и формирование межпредметных связей, и согласование различных дисциплин на определенном уровне обобщения и т. д. С одной стороны, философия изначально сложилась как дисциплина, интегрирующая знания в единое целое и направляющая его развитие, с другой – именно философия придает целостность образованию, отказываясь от сведения его исключительно к постижению совокупности знания и формируя при этом способность полагать изучаемое знание как внутренне взаимосвязанное, осуществлять рефлексию в отношении познанного и непознанного, развивать потребность в дальнейшем углублении знаний и т. д. Ведь сами по себе научные знания, получаемые в университете, являясь важнейшей компонентой содержания образования, личность отнюдь не формируют, поскольку знания, производимые наукой, носят преимущественно инструментальный характер. Однако научное знание в определенных, преобразующих его условиях может быть проникнуто и иной целью – не инструментальной только, а экзистенциальной, – и тогда они начинают «работать» на благо человеческой души, развивая и гармонизируя ее. Особое место в этом преобразовании занимает именно философия.

Теоретико-методологическое обоснование данной идеи мы найдем у М. Шелера, указавшего на значение в образовании такого знания, которое не может быть сведено к информации или совокупности ряда сведений или теоретических задач, оно выступает как личностная характеристика, как форма познания человеком мира и способ возрастания человеческого духа. Такое знание М. Шелер называет «образовательным», ценным на экзистенциальном уровне бытия человека и, определив образовательное знание в качестве одного из видов знаний, связывает его существование с философией. «Сущностное познание "первой философии" – это собственно разумное познание, резко отличное от тех расширений нашего познания за границы чувственного данного, которые зиждятся исключительно на опосредующих заключениях "рассудка". Только если интеллект ставится на службу разуму, т. е. служит применению осуществленных до этого априорных сущностных познаний к случайным фактам опыта, служит далее высшему постижению в отношении объективного порядка ценностей, т. е. мудрости и нравственному идеалу, – лишь тогда он становится чем-то специфически человеческим» [2, 9], – указывает Макс Шелер. Иначе говоря, образовательное знание, строящееся на философском фундаменте, выводит человека из наличной ситуации, побуждая формироваться личностно. Здесь важно заметить, что эту роль философия может сыграть лишь в случае грамотного, методически выверенного обращения с ней как с преподаваемой дисциплиной в университете. Она сама не должна сводиться к сумме знаний, приобретая не свойственный ее духу сциентистский облик.

Одной из характеристик развития фундаментального знания является единство естественнонаучного и гуманитарного знания, т. е. гуманитаризация, которая преимущественно осуществляется в университете и благодаря университету, выполняющему функции гуманизации и обеспечивающему единство социальной и образовательной среды (гуманитаризация фундаментального знания и образования – это один из критериев классического университета). Невозможно представить себе этот процесс без философии, обладающей способностью к

интеграции научного знания, к обеспечению согласованности внутренней структуры и иерархии целостности научного знания.

Одним из объединяющих начал университетской корпорации с момента становления университета являлась идея свободы, которая с момента начала формирования университета как образовательного института выступала фундаментальным принципом устройства университетской жизни. Прежде всего она проявляла себя в известном свободомыслии. Диспуты, дебаты, споры – неперенный атрибут университетской культуры, в рамках которой развевалось альтернативное мышление, способность к аргументации, к определенным логическим построениям, критическое мышление, интеллектуальная независимость, на что, собственно, и нацелено философское образование. Философия в университете учит ориентироваться в мире благодаря важнейшему умению человека, которое только философия и способна в полной мере воспитать, поскольку нет никакой иной из преподаваемых в университете дисциплин, занимающихся специально ее развитием, – умению мыслить.

Идея свободы проявлялась также в автономии существования университета, академической свободе, изначально присущей университету возможностью иметь свой устав и свои правила, учебные планы и т. д., в его независимости от общества и государства как образовательного и научного института, вырабатывающего ориентиры научного знания, его нормы и идеалы, а также способы его достижения и распространения. Именно на этом принципе – свободы исследований и образования – строилась жизнь и структура университета классического типа, начиная с 1810 года, с момента возникновения Берлинского университета под влиянием реформ В. фон Гумбольдта и оказавшая определяющее влияние на дальнейшее развитие высшего университетского образования в его преимущественно либеральной модели. Тем не менее нельзя говорить об абсолютной автономии и полном отделении университета от государственных задач. Как известно, основу гумбольдтовской модели составили идеи немецкой классической философии, которая была нацелена на сохранение государства, укрепление национального единства, поддержание национальной культуры, что и нашло свое отражение в идее университета, которая, таким образом, предполагает не зависимость от государства, а стремление к гармонизации отношений в обществе. Так, например, известны рассуждения Канта о системе университетского образования, построенной на различном отношении той или иной науки, преподаваемой в университете, к целям и задачам государства. В работе «Спор факультетов» Кант описывает структуру университета, где важнейшими являются иерархические связи между науками и факультетами, определенные на основе верховного понятия государства как высшей нравственной основы гражданского общества – от «высших наук», позитивных, непосредственно влияющих на практическую жизнь общества (теология, юриспруденция и медицина), до «низших», независимых от государства (философия). Философия, как показывает Кант, является выражением и гарантом идеи свободы, она ничем внешним не детерминирована, не подчиняется никаким авторитетам, сама себе предписывает законы. В преподавании философии обеспечивается, по Канту, автономия самого университета, поскольку цель философии – познание истины, независимой от каких-либо целей и практических задач.

История пребывания философии в университетах в качестве учебного курса (особенно в России, где университеты были полностью зависимы от государства) достаточно драматична и неоднозначна – от запрещения её преподавания в университетах (что было осуществлено, например, в 1850 году, в период царствования Николая I, действовавшего в русле известного высказывания министра народного просвещения Российской империи П.А. Ширинского-Шихматова – «Полеза философии не доказана, а вред от неё возможен») до возведения в ранг одной из ведущих фундаментальных дисциплин, что и произошло в высшей школе периода СССР. Идеологическая составляющая духовной жизни советского общества обеспечивала руководящее значение определенной философской парадигмы – марксизма – и не допускала иных вариантов в философском объяснении мира и, тем более, в преподавании философии.

Между тем, в конце прошлого – начале настоящего века сложились все предпосылки для нового витка в развитии философского знания, с одной стороны, и необходимости его преподавания в университетах – с другой. Главным образом это связано с глобальными метаморфозами в важнейших областях жизнедеятельности общества, которые необходимо осмыслить и представить ему через систему образования, прежде всего философского. Еще со времен греческой пайдеи в задачи философии входило формирование человека, обладающего гражданским сознанием, чувством патриотизма, пониманием социального идеала и личной ответственностью, что являлось и является актуальным для общества во все времена, поскольку обеспечивало его духовное единство, представляло собой скрепляющее начало человеческого сосуществования. Классический университет также характеризовался сохранением исключительной роли философии в деле формирования индивидов в соответствии с общественными идеалами, с традицией. Университет всегда был (и должен оставаться) средоточием эталонного знания и эталонной культуры общества, транслятором общечеловеческих смыслов и ценностей, что является неотъемлемой предпосылкой и гарантом сохранения существующей цивилизации. Философия же, традиционно сберегая рациональное в современной культуре и образовании, фиксируя в определенном типе рациональности базовые ценностные ориентиры, обеспечивая взаимосвязь между различными типами рациональности и повседневной реальностью, наиболее полно выражает саму идею культурной традиции, тем самым еще более способствует возрастанию интереса к базовым смысложизненным ориентациям, что, безусловно, является необходимостью для человека образующегося.

Критерием классического университета является культ учителя, преподавателя. Известно, что в университеты стекались слушатели со всей Европы и даже мира, чтобы получить наставления от определенного учителя, конкретного носителя того или иного знания. Эта традиция идет еще из Древней Греции, и философы античной классики осмысливали проблему учительства как философскую (Сократ, Платон). В современном же университете значение и роль учителя больше сводится к разработке различного рода учебно-методических комплексов, к организации самостоятельной работы студентов, к помощи в определении ими индивидуальных стратегий обучения и т. д. Непосредственный контакт и живое участие все больше заменяются техническими средствами и формальными предписаниями. В этой ситуации не случаен тезис о «смерти профессора», провозглашенный Ж.-Ф. Лиотаром в его работе «Состояние постмодерна» [1], где он рассуждает о сравнительной некомпетентности современного профессора, об утрате им авторитета как носителя знаний в современном образовательном пространстве. Однако, как бы не было нацелено современное образование на поиск новой информации и «результативность», к чему призывает Лиотар, компетентностью все же характеристика учителя не исчерпывается, остается важным личностное отношение к предмету, неформализуемые способы приобщения к истине и неявные на первый взгляд формы смыслообразования, и, наконец, та самая мудрость, не сводящаяся к знанию, что может передаваться от учителя к ученику в процессе живого общения, в со-творческом диалоге. В этой позиции учитель (или университетский профессор) выступает как любитель мудрости, философ, поскольку работает с разумом, учит мыслить, заинтересовывает, вдохновляет знанием и отношением к нему, побуждает к разрыванию собственного творчества, к развитию. Не случайно в одной из древнегреческих практик образования – в практике «заботы о себе» – наставником определялся именно философ.

Разумеется, размышлять о тех или иных особенностях философии, оказывающих в процессе университетского образования благотворное влияние на человека, университетское сообщество, в конечном итоге – общество в целом, означает принижать ее роль и достоинство, исказить ее смысл. Как пишет Шеллинг о философии: «Она сама признала себя свободной от отношения полезности. Она есть лишь ради самой себя; быть ради чего-то другого означало бы непосредственное упразднение ее сущности» [3]. Это так, но в условиях, когда философия в современном университете все больше сдает свои прежние, некогда весьма

крепкие и значительные позиции (резко сокращается число часов учебного плана, выделенных на изучение философии, изменяется их структура, порой так долго ожидаемая и ставшая действительностью возможность факультетов университета самим формировать учебные планы для студентов оборачивается удалением курса философии из числа преподаваемых дисциплин), это значение философии в деле развития и самосовершенствования человека, несводимое к непосредственной полезности, как видим, не является для организаторов университетского образования столь уж очевидной. Если вернуться к классической идее университета, то само университетское образование нацелено прежде всего на формирование человека. «Гумбольдтовский идеал образования, которому следовала его концепция науки и университета, есть образ ищущего человеческого духа, восходящего путем своей самостоятельной деятельности до высшего понимания и нравственного совершенства; образование для него есть процесс самостановления индивида, воплощающего в себе истинный и нравственный мир» [5, 32], – пишет Герберт Шнедельбах.

Необходимость преподавания философии в университете продиктована, таким образом, тем, что философия связана с самой сущностью университета, выражает эту сущность, а утрата классической модели университета в условиях кризиса универсального образования, развенчивания идеи университета, всегда соединявшей исследовательскую и обучающую функции с совершенствованием индивида, его саморазвитием, обеспечением академической свободы и отсутствием государственного диктата, неизбежно ведет к вытеснению философской составляющей университетского образования, потере «университетскости» как таковой.

Безусловно, университет может и должен развиваться, иное время – иные задачи, цели и стратегии, но он не может существовать в условиях забвения важнейшей составляющей сущности университетского образования – философской.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с франц. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
2. Шелер, М. Философское мировоззрение / М. Шелер // Избр. произв. – М.: Гнозис, 1994. – С. 1-128.
3. Шеллинг Ф.В.Й. Лекции о методе университетского образования, 1803. Лекция четвертая. – URL: <http://www.klex.ru/db4>.
4. Шеллинг Ф.В.Й. Лекции о методе университетского образования, 1803. Лекция пятая. – URL: <http://www.klex.ru/db4>.
5. Шнедельбах, Г. Университет Гумбольдта / Г. Шнедельбах // Логос. – 2002. – № 5-6. – С. 65-78.

Чебанюк Т. А.
T. A. Chebanyuk

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ В СТРУКТУРЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

CULTURE THEORY AS AN INTEGRAL COMPONENT OF CULTURAL STUDIES

Чебанюк Татьяна Алексеевна – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013 г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)53-75-06. E-mail: tchebanyuk2010@yandex.ru

Ms. Tatiana A. Chebanyuk – Dr.habil. of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin avenue; + 7 (4217) 53-75-06. E-mail: tchebanyuk2010@yandex.ru.

Аннотация. В статье определяется роль дисциплины «Теория культуры» как одной из ведущих культурологической области знания.

Summary. The paper attempts to redefine the role of “Culture Theory” as one of the leading disciplines within cultural studies as a field of knowledge.

Ключевые слова: теория культуры, структура, специфика знания.

Key words: culture theory, structure, knowledge specificity.

УДК 007

«Теория культуры» на научном, а не на идеологизированном уровне стала разрабатываться в России в постсоветский период, несмотря на то, что эта дисциплина в советское время являлась основной отраслью области гуманитарного знания. Классическими трудами, посвященными теоретическим основаниям культуры на базе теории марксизма-ленинизма, были совместный труд В.Е. Давидовича и Ю.А. Жданова «Сущность культуры», коллективные работы ученых Института философии АН СССР «Марксистско-ленинская теория культуры», «Проблемы философии культуры», «Культурный прогресс: философские проблемы», «Культура и общественный прогресс» Н.С. Злобина и другие.

В середине 1960-х годов наметился некоторый поворот к научно обоснованной «Теории культуры». А.И. Арнольдовым была создана кафедра «История и теория культуры» при Московском государственном институте культуры (1962). В 1960-1980-е годы им были разработаны такие официально трактуемые категории, как «общественный прогресс», «социалистическая культура», «культурная революция», «национальная культура» и др. В 1980-х годах А.И. Арнольдов разработал и ввел в научный оборот понятие «культурный процесс».

Культура стала рассматриваться исследователями в нескольких направлениях, обусловленных ее феноменальной сущностью. Однако этот поворот все еще оставался идеологически обусловленным. В научной среде сформировались два основных направления в осмыслении культуры в рамках уже ставших классическими науками в России: «Философия культуры» и «Теория культуры».

Однако до сих пор исследователи, так или иначе причисляющие себя к области культурологического знания, ведут поиски определения предмета и «Теории культуры», и «Культурологии» как междисциплинарной области знания, предлагая на обсуждение специалистам социогуманитарной области знания разные варианты. С особой очевидностью это прояви-

лось на пленарных и секционных заседаниях, состоявшихся на четырех культурологических конгрессах, и закономерно отразилось в последующих публикациях.

Что может стать предметом «Теории культуры», который бы объединил ее поля в единое целое? На этот вопрос у исследователей в настоящее время нет однозначного ответа. Нам близка позиция В.Н. Сагатовского, определившего основные «проблемные поля» культурологической области знания. Несмотря на то, что исследователь выстраивает систему проблемных полей культурологии, рассматривая ее как одну из областей философского знания, по сути, выделенные им «ступени» или «пять подходов к пониманию культуры» [5, 154-159], или образы культуры и есть, на наш взгляд, собственно проблемные поля «Теории культуры»: культура как способ человеческого бытия (как мир артефактов – в формулировке А.С. Кармина); культура как деятельностный аспект человеческого бытия, как процесс и результат деятельности; культура как семиотический (информационный, символический, смысловой) аспект человеческой деятельности; культура как аксиологическое ядро семиотического аспекта человеческой деятельности; культура как отношение ценностного ядра ее субъекта к духовному основанию бытия в целом» [5, 154-159].

О проблемах принципов построения «Теории культуры» рассуждает Д.А. Лалетин в статье «Поссибельно-деятельностный подход в познании культуры». Сложность процедуры построения Теории культуры автор объясняет тем, что «категория «культура» представляет идеальный конструкт и может быть познана через ее культурные объекты – артефакты» [3, 20-25]. Однако в процессе рассуждения о сложности структурирования «Теории культуры» автор не дал определения ее предмета, не обозначил ее проблемно-тематические поля.

Авторы коллективного труда «Теория культуры» (под редакцией С.Н. Иконниковой и В.П. Большакова), вслед за М.С. Каганом, полагают, что «Теория культуры» должна осмысливать культуру «в ее реальной целостности и полноте конкретных форм ее существования, в ее строении, функционировании и развитии» [2, 26]. По мнению Ю.М. Резника предметное поле «Теории культуры» как системного знания могут определить «смысловые единицы – коды, связи между ними и образуемые ими структуры» [4, 25]. На наш взгляд, предметное поле «Теории культуры» могут определить ее структура и функции, динамика, типология культуры; культурогенез; культура и природа; культура и язык; культура и личность; культура и история; культура и цивилизация; единство и многообразие культур; культура как система ценностей, норм; культура как образ жизни, как результат и способ жизнедеятельности человека, как способ смыслополагания; культурные формы и системы; механизмы развития культуры, ее динамика и др.

«Теория культуры» обладает системой связей с философией культуры. Теоретические знания о культуре исторически складывались в области философских рефлексий Платона, Аристотеля, Дж. Вико, К. Гельвеция, И. Гердера, И. Канта, Э. Кассирера и др. Однако философская область знаний апеллирует преимущественно к «бытийным» проблемам человека и культуры (онтологический статус): познающая личность в культуре (гносеологический статус); духовное, ценностное основания существования и деятельности человека (добро, зло, красота); культура как результат деятельности человека познающего, разумного. Таким образом, в основе философии культуры находятся проблемы человека как созидательного и самосозидающего существа, его происхождение, формы проявления его деятельности.

А.А. Гусейнов в статье «Философия как утопия для культуры» полагает, что «обще-методологический или теоретический статус философии ... определяется тем, что она конструирует некий идеальный образ мира, который является пространством культуры. ... Она задает параметры разумного, осознанного человеческого существования ... доводит свое понимание мира до формулирования абсолютных основ человеческого поведения. ... выступает как путь, который ведет к нравственному совершенству человека и общества. ... выступает как идеальный способ существования человека» [1, 12-17].

Вместе с тем «Философия культуры» дает «Культурологии» в целом и «Теории культуры», в частности, методологический инструментарий для исследований. М.С. Каган в ра-

боте «Философия культуры» отмечал, что она является посредником, методологическим координатором усилий, предпринимаемых науками, в том числе и культурологией, в познании, в изучении культуры [2, 12].

На наш взгляд, теоретический курс должен строиться в опоре на культурно-исторический материал, теоретические процедуры осмысления культурно-исторического процесса, выявления механизмов его динамики, моделей. С одной стороны, «История культуры», которая была традиционно закреплена за циклом исторических дисциплин, дает материал для исследователя в процессе решения той или иной проблемы интегративного плана; с другой – «История культуры» в качестве самостоятельной дисциплины культурологического плана выстраивает материал иначе, отталкиваясь не столько от событий и фактов, сколько от необходимости воссоздать логику, культурно-историческую атмосферу эпох, увидеть за конкретным историческим материалом механизмы и результаты поисков человеческой мысли, размышления о мире, смоделировать «исторического человека» в его социокультурной сущности.

«Теория культуры» в историческом плане в большей мере обращается к проблемам закономерностей культурно-исторического процесса, генезиса и законов развития феноменального явления – культуры, роли человека в историческом процессе, формирования и развития культурных форм, специфики процессов осознания человеком своей творческой создающей силы и способности осмысливать мир в художественных формах. Особое внимание «Теория культуры» (в цикле культурологических дисциплин) уделяет осмыслению судьбы культуры на разных этапах ее развития, специфике современной культуры, обусловленной в значительной мере процессами «массовизации».

«Теория культуры» обращается к осмыслению культурно-исторического материала, накопленного «Культурной антропологией», сформировавшейся в западных странах (Англия, Франция и др.) в процессе изучения локальных культур – культур «примитивных обществ» или, как терминологически принято в настоящее время, – культур «традиционных обществ». Результаты исследований таких ученых, как Ф. Боас, К. Леви-Стросс, А.Р. Рэдклифф-Браун, Рут Бенедикт, М. Мид и других, изучавших процессы антропогенеза, этногенеза, хозяйственно-культурные группы, родоплеменные структуры, брачные классы и т.д., дают современным исследователям основания для осмысления механизмов и динамики культуры. Материалы полевых наблюдений над обрядами, тотемическими формами культур примитивных обществ позволяют осмыслить их как культурные формы, способствующие исследованию логики и структуры (оппозиционной, преимущественно) мышления человека традиционной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусейнов, А. А. Философия как утопия для культуры / А. А. Гусейнов // Вопросы философии. – 2009. – № 1. – С. 12-17.
2. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб.: «Петрополис», 1996. – 416 с.
3. Лалетин, Д. А. Поссибильно-деятельностный подход в познании культуры / Д. А. Лалетин // Обсерватория культуры. – 2011. – № 2. – С. 20-25.
4. Резник, Ю. М. Культурология в системе наук о культуре: новая дисциплина или междисциплинарный проект? / Ю. М. Резник // Фундаментальные проблемы культурологии: В 4 т. Т. 1: Теория культуры / отв. ред. Д. Л. Спивак. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 16-31.
5. Сагатовский, В. Н. Взаимодополнительность основных подходов к пониманию культуры: попытка синтеза / В. Н. Сагатовский // Фундаментальные проблемы культурологии: В 4 т. Т. 1: Теория культуры / отв. ред. Д. Л. Спивак. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 151-161.

Филипова А. Г.
A. G. Filipova

ПРОБЛЕМЫ МЕЖИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТСТВА

PROBLEMS OF INTERINSTITUTIONAL INTERACTIONS IN THE SPHERE OF CHILDHOOD SOCIAL PROTECTION

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: alexgen77@list.ru.

Ms. Alexandra G. Filipova – PhD in History, Professor, Department of Philosophy and Social Science, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin Pr. E-mail: alexgen77@list.ru.

Аннотация. В данной статье анализируется межинституциональное пространство социальной защиты детства, сформированное институтами образования, здравоохранения, правовой защиты и социальной поддержки. Межинституциональная разобщенность возникающая на уровне правовых норм находит затем отражение в повседневных социозащитных действиях – стратегиях «нейтралитета» или «соперничества». Возможными формами реализации еще одной стратегии межинституционального взаимодействия – «сотрудничества» выступают конвенции (соглашения) и партнерства, последние подразделяются на ассоциации, коллаборации и сети.

Summary. In this article it is analyzed the interinstitutional space of social protection of the childhood created by institutes of education, health care, legal protection and social support. Arising at the law rules level interinstitutional dissociation finds then reflection in the daily social protection actions – strategy of "neutrality" or "rivalry". As possible forms of realization of one more interinstitutional interaction's strategy – "cooperation" are conventions (agreements) and partnership, the last are subdivided into associations, collaborations and networks.

Ключевые слова: социальные институты, межинституциональное пространство, социальная защита детства, межинституциональные взаимодействия, конвенции, партнерства, ассоциации, коллаборации, сети.

Key words: Social institutes, interinstitutional space, social protection of the childhood, interinstitutional interactions, conventions, partnership, associations, collaborations, networks.

УДК 316.33

Система социальной защиты детства реализуется через совокупность механизмов регулирования социальных отношений между детством и обществом в экономической, социальной, культурной и других областях общественной жизни. Сложность системы социальной защиты детства выражается в наличии многих слоев, окружающих детство. Естественной, самой близкой и значимой средой для ребенка является семья, именно она дает ребенка миру, поддерживает его, воспитывает и социализирует, одновременно она охраняет его права и законные интересы. Ядро системы социальной защиты образуют социальные институты, осуществляющие компенсацию семейных функций, они помогают семье социостабилизироваться, но также осуществляют функцию контроля за ее работой по защите детства. Выделение данных институтов обусловлено выполнением ими основных задач социальной защиты детства: 1) сохранения жизни и здоровья (здравоохранение); 2) жизнеобеспечения (институт социальной поддержки); 3) обучения и воспитания (институт образования); 4) социального

контроля за реализацией социальных гарантий детства, профилактики правонарушений несовершеннолетних (правозащитный институт) [6, 248].

Социальный институт не является изолированным образованием, он вписан в существующую социальную систему, интегрирован в социально-политическую, идеологическую и ценностную структуры общества, «что позволяет узаконить формально-правовую основу деятельности того или иного института» [4, 157]. В отношении смежных социальных образований происходит типизация институциональных действий, что создает особое межинституциональное пространство, способствует аккумуляции ресурсов, помогает контролировать риски.

Если в пределах социального института социальные связи между организациями вертикального и горизонтального характера развиваются в силу преемственности, одной ведомственной принадлежности, единства решаемых задач, единства технологий, то между социальными институтами возникают множественные разрывы, мультиплицируются межинституциональные риски.

Главный риск межинституционального пространства социальной защиты детства можно обозначить как межинституциональную (межведомственную) разобщенность. Предпосылками возникновения межинституциональных барьеров являются разные цели, разные стандарты деятельности, разное видение результатов деятельности институтами образования, здравоохранения, правовой защиты и социальной поддержки, формализация границ между организациями разной ведомственной принадлежности, нечеткое разграничение функциональных обязанностей.

Еще одну проблему межведомственной разобщенности – фрагментацию ответственности – поднимает О.А. Оберемко. Дробление ответственности усугубляется дроблением ресурсов: «...органы социальной защиты населения имеют максимальные (по сравнению с другими ведомствами) возможности для оказания помощи нуждающимся, а наилучшая сеть сотрудников, которые выявляют неблагополучные семьи с детьми, находится в ведении образовательного ведомства» [3, 228]. В таких условиях в разных организациях концентрируются разные виды ресурсов (финансовые, технологические, властные и пр.), и только эффективное взаимодействие может наладить не просто обмен ресурсами, а их аккумуляцию. Согласованность действий по социальной защите не наблюдается в деятельности органов федеральных, региональных и местных властей. Н.И. Ловцова констатирует взаимное перекалывание ответственности: с правительства на органы исполнительной власти, с местных властей на «нерадивых родителей», с родителей на федеральное правительство и местные власти. Идет постоянный поиск виноватых, круг замыкается, и из него выпадают дети [1, 198].

Задачи защиты детства остаются второстепенными для учреждений образования, здравоохранения. Исследователи приводят многочисленные примеры игнорирования педатрами и учителями «сигналов» семейного неблагополучия ребенка, таких как неопрятный внешний вид, синяки на теле, пропуски занятий и пр.

Следствием межинституциональных (межведомственных) барьеров становятся «перекладывания ответственности»; ориентация на свои (промежуточные) цели защиты, а не на общую системную цель; затрудненность обмена ресурсами и как итог – отсутствие системного эффекта от высвобождения ресурсов межинституциональных связей.

Сложение ресурсов можно отчасти констатировать в области научно-информационного сопровождения деятельности (организация мониторинговых исследований, создание единого информационного банка) и финансового обеспечения.

Пространство межинституциональных связей интерпретируется нами как единство *областей полного и частичного совпадения институциональных интересов.*

Областью полного совпадения интересов четырех институтов социальной защиты детства выступает социальная работа с маргинальными и «социально неблагополучными» семьями. Для выполнения социально-поддерживающей функции в институте образования выделен *субинститут социально-педагогической работы*, институционализированы формы его деятельности – группы социальной поддержки на базе дошкольных учреждений, соци-

альные гостиные, психолого-педагогические службы – в школах. Е.Э. Смирнова отмечает переориентацию школ со «своих» школьных проблем на социальные [5, 75]. Социально-педагогическая помощь детству принимает формы бесплатного посещения дошкольных образовательных учреждений и учреждений дополнительного образования; индивидуальной работы учителей с педагогически запущенными детьми и подростками по специальным программам; расширения рамок вариативности образования для детей, нуждающихся в государственной поддержке. В институте здравоохранения возник новый агент – социальный работник, который осуществляет патронаж беременных женщин и женщин с детьми из «социально неблагополучных» семей. Имея целью сглаживание социального неравенства детства, правозащитный институт и институт социальной поддержки нацелены, в первую очередь, на удовлетворение нужд социально уязвимых семей и детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Стратегии взаимодействия институтов социальной защиты детства в условиях недофинансирования, идеологической разобщенности и отсутствия правовой определенности межинституциональных связей чаще принимают формы «соперничества» или «нейтралитета», нежели «сотрудничества» в работе на общую цель.

Единственным законом, предусматривающим межинституциональные взаимодействия в области социальной защиты детства, является Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». В данном законе межведомственные взаимодействия интерпретируются как «совместная подготовка», «оказание содействия», «принятие участия в пределах своей компетенции», для медицинских учреждений добавляется консультативная помощь. Взаимодействия принимают характер совместного присоединения к проблеме (каждое учреждение принимает участие в пределах своей компетенции), последовательного присоединения, когда каждое звено в целях социальной защиты ребенка поочередно решает свои задачи (ребенок или его бумаги «кочуют» из учреждения в учреждение). Еще одним вариантом работы может быть параллельное присоединение, когда каждая организация работает с ребенком, его семьей, социальным окружением индивидуально, независимо от других. В статье вышеназванного закона прослеживается ориентация только на работу с семьей / ребенком, а межинституциональные взаимодействия сводятся к малозначащему «оказанию содействия».

Рис. 1. Схема межинституциональных взаимодействий

Проследим стратегии взаимодействия в приложении к социальной работе с ребенком, склонным к девиациям (употреблению психоактивных веществ, бродяжничеству). Девиантного подростка выявил социальный педагог образовательного учреждения и поставил на внутришкольный учет. Далее социальный педагог подготовил документы и передал их в Ко-

миссию по делам несовершеннолетних (КДН). На заседании КДН ребенку может быть присвоен статус «находящегося в социально опасном положении», и тогда он будет поставлен на внешний учет. В таком случае с ним и его семьей начинают работать отделы профилактики безнадзорности центров социального обслуживания населения, которые разрабатывают индивидуальную программу реабилитации и подключают к ее исполнению специалистов других служб (наркологов, психологов, юристов и пр.). Таким образом, выстраивается цепочка межинституциональных взаимодействий на организационном уровне (см. рис. 1).

В табл. 1 отражена связь стратегий межинституционального взаимодействия с тактиками организационного присоединения к проблеме, а также особенности каждой стратегии. Как видно из таблицы, только стратегия «сотрудничества» работает без существенных издержек и нацелена на достижение кумулятивного эффекта от соединения ресурсов разных организаций.

Таблица 1

Сущность стратегий межинституциональных взаимодействий

Стратегии	Присоединение к проблеме	Особенности
«Сотрудничество»	Последовательное присоединение (на схеме пп. 1, 2, 3)	Обмен ресурсами
	Совместное присоединение (пп. 4, 5, 6)	Кумулятивный эффект
«Нейтралитет»	Параллельное присоединение к проблеме (пп. 4, 5, 6 без взаимодействий)	Дублирование функций
«Соперничество»	Параллельное присоединение к проблеме сопровождается конфликтными взаимодействиями	Ресурсные издержки, мультипликация рисков

Межведомственное (межинституциональное) взаимодействие на уровне организаций принимает, как правило, формы *конвенций* или *объединений* (см. прим.1). Конвенциональная форма воплощается в отраслевых, межотраслевых соглашениях о взаимодействии. Соглашения заключаются между организациями одного уровня вертикальной классификации. На верхней ступени иерархии примером подобной конвенциональной упорядоченности может служить Соглашение Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка и генерального прокурора РФ о взаимодействии в вопросах защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов несовершеннолетних. В нем в качестве форм взаимодействия обозначены обмен информацией, создание межведомственной рабочей группы, сотрудничество в правотворческой деятельности, участие в научно-практических конференциях, семинарах и других мероприятиях, обращение с совместными заявлениями в СМИ и др. На низовом уровне системы социальной защиты детства органы опеки и попечительства заключают аналогичные соглашения о взаимодействии с локальными учреждениями образования, здравоохранения, социальной поддержки и др. Целью соглашений является интеграция информационных, профессиональных, научных и других ресурсов для достижения кумулятивного эффекта.

Объединения как форма межведомственного (межинституционального) взаимодействия ориентированы на придание комплексного характера деятельности по социальной защите детства. Мы выделяем свободные (неформальные) партнерства, которые дальше будем называть *сетями*; свободно-организованные (полуформализованные) партнерства, которые будем именовать профессиональными *коллаборациями*, и формальные партнерства – действующие на постоянной основе *ассоциации* (советы, комиссии и пр.).

Общим признаком объединений является их размещение в одной «горизонтальной» плоскости. Главный ресурс объединений – профессиональный, так как финансовые, властные и прочие ресурсы, как правило, ограничены. Профессиональный ресурс активизируется за счет научных, аналитических, методических организационных и других компетенций специалистов-носителей. Метод триангуляции (взгляд на проблему глазами специалистов разных учреждений) помогает выработке объективной профессиональной позиции. Формализа-

ция деятельности объединений придает взаимодействиям формат совместных встреч с определением периодичности, выделением координатора и участников. Для каждой встречи определяется повестка. Во время встреч обсуждаются текущие (рабочие) вопросы и перспективы взаимодействия, по итогам встречи выносятся резолюция.

Деятельность формальных партнерств (ассоциаций) структурирована и упорядочена в форме координационных советов, межведомственных комиссий. Формальные партнерства образуют директивно-совещательный орган, который разрабатывает программные мероприятия, планы по социальной защите детства (например, кампанию по организации летнего отдыха детей из малообеспеченных семей). Порядок создания союзов формализован, упорядочен нормативными документами (в частности, ст. 121 – 123 ГК РФ). Организационно-административными документами урегулирован порядок функционирования (периодичность встреч, выработка совместных планов). Формами контроля являются отчеты, проверки, совместные обсуждения.

Формальные партнерства действуют, как правило, на долговременной основе. Их деятельность направлена на решение определенного круга задач, они при этом выступают в качестве координационного органа и наделяются властными ресурсами. Примерами подобных альянсов в общероссийском масштабе выступают Ассоциация индустрии детских товаров, Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, Общественная Палата, всевозможные координационные и совещательные советы при Президенте, Правительстве, Федеральном Собрании, региональных органах управления.

Так, Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, образован в соответствии с Указом Президента от 26 марта 2008 г. № 404 для объединения усилий различных ведомств в борьбе с детским неблагополучием и выработки нового механизма управления в условиях разделения полномочий между федеральным центром и субъектами РФ. Высшим руководящим органом Фонда является попечительский совет, в состав которого входят представители Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Администрации Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Общественной палаты Российской Федерации, религиозных и коммерческих организаций, средств массовой информации. Оперативное управление деятельностью Фонда осуществляет правление в количестве пяти человек – представителей Министерства здравоохранения и социального развития России, Министерства образования и науки РФ, Правительства Москвы, Независимого института социальной политики.

На федеральном уровне ассоциации (формальные партнерства) решают стратегические задачи формирования общей политики в интересах детства. На местном уровне определяются тактики достижения обозначенных задач. Для этого организации социальной защиты детства образуют профессиональные коллаборации. Так, задачи выявления детей с ограниченными возможностями здоровья и (или) отклонениями в поведении, проведения их комплексного обследования и подготовки рекомендаций по оказанию детям психолого-медико-педагогической помощи и организации их обучения и воспитания решает психолого-медико-педагогическая комиссия. В состав комиссии входят: педагог-психолог, учителя-дефектологи (по соответствующему профилю: олигофренопедагог, тифлопедагог, сурдопедагог), учитель-логопед, педиатр, невролог, офтальмолог, отоларинголог, ортопед, психиатр детский, социальный педагог. При необходимости в состав комиссии могут быть включены и другие работники.

Профессиональные коллаборации (рабочие группы) могут функционировать на долговременной или краткосрочной основах. Часто они создаются для решения специальной задачи, после чего распадаются.

Следующий вид межведомственных объединений – профессиональные сети – принципиально отличается от двух предыдущих форм интеграции массовым характером, равноправием позиций участников, свободой (добровольностью) включения и выхода. Сетевая структура – это совокупность связей и узлов, узлы определяют форму, а содержание вносит

каждый участник. «За счет клонируемости ячеек обеспечивается единство» [2], а значит, устойчивость сети. Главным средством поддержания профессиональных сетей служит Интернет.

Профессиональные сети обеспечивают не только профессиональное взаимодействие, поддержку, обмен информацией, но и способствуют формированию чувства принадлежности к профессиональному сообществу, переосмыслению профессиональной идентичности. Использование особенностей виртуального пространства (on-line discussion, вики-сайты, виртуальные ресурсные центры, телеконференции и пр.) дает сетям возможность преодолевать границы и расстояния, выбирать «лучшие практики», тиражировать «истории успеха», лоббировать профессиональные интересы на разных уровнях управления (в том числе международном).

На международной научно-практической конференции «Действуем вместе в интересах детей», состоявшейся в марте 2012 года в г. Санкт-Петербурге, были представлены три профессиональные сети, развивающиеся в России (преимущественно с подачи международных организаций): «Ассоциация раннего вмешательства», «Родительский мост» и «Профессиональное сообщество – детям России». Они объединяют государственные социальные службы и общественные организации, оказывающие помощь семье и детям в разных регионах России.

Таким образом, межинституциональное взаимодействие в области социальной защиты детства должно основываться на принципах комплексности, усиления государственно-общественного контроля за исполнением законодательства в области социальной защиты детства, упорядоченности взаимодействий. Корреляции системных элементов очень высоки – изменения одних неизбежно влекут за собой перестройку всей системы. Организации социальных институтов должны быть включены в систему социальных взаимодействий для обмена ресурсами, сотрудничества в преодолении рисков, кумуляции технологий и пр. При этом одинаково важны и свободные, и формализованные формы межинституциональных взаимодействий, поскольку первые решают задачи обмена опытом, поддержания профессиональной мотивации, а вторые упорядочивают институциональные практики социальной защиты детства. Наиболее перспективным представляется развитие такой формы межинституциональных взаимодействий, как профессиональные сети, поскольку, с одной стороны, она не требует значительных финансовых вложений и организационных усилий, а, с другой, позволяет обмениваться опытом, тиражировать успешные социальные технологии. К тому же профессиональные сети помогают преодолеть проблему территориальной разобщенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ловцова, Н. И. Социальное сиротство: региональные и муниципальные ресурсы контроля / Н.И. Ловцова // Журнал исследований социальной политики. – 2009. – № 2. – С. 197-222.
2. Назарчук, А. В. Сетевое общество и его философское осмысление / А. В. Назарчук // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 61-75.
3. Оберемко, О. А. Фрагментация ответственности в сфере социального сиротства / О. А. Оберемко // Журнал исследований социальной политики. – 2009. – № 2. – С. 223-238.
4. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – С. 157.
5. Смирнова, Е. Э. Социология образования / Е. Э. Смирнова. – СПб.: Интерсоцис, 2006. – 192 с.
6. Филипова, А. Г. Конструирование системы социальной защиты детства / А. Г. Филипова // Личность. Культура. Общество. – 2011. – № 2. – С. 247-252

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Это соответствует двум разновидностям общественных действий, выделенных М. Вебером, - действиям, ориентированным на соглашение, и действиям, объединяющим в общество. См.: Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – С. 519.

Бурашников Д. Ю.
D. Yu. Burashnikov

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ КИТАЯ В РАЗВИТИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО
ПРОСТРАНСТВА Г. БЛАГОВЕЩЕНСКА**

**THE ROLE OF CHINA IN THE DEVELOPMENT OF SOCIAL AND CULTURAL
ENVIRONMENT OF THE CITY OF BLAGOVESHCHENSK**

Бурашников Дмитрий Юрьевич – преподаватель БКСК, аспирант кафедры истории Дальневосточного государственного аграрного университета (Россия, Благовещенск); 675009, Амурская обл., г. Благовещенск, ул. 50 лет Октября 154, кв. 60.

Mr. Dmitry Yu. Burashnikov – Lecturer at Blagoveshchensk Civil Engineering and Utilities College, PhD Student, Department of History, the Far Eastern State Agricultural University (Russia, Blagoveshchensk); 675009, the Amur Region, city of Blagoveshchensk, 50 Oktyabrya Str., ap. 60.

Аннотация. В статье рассматриваются процессы межкультурных взаимосвязей двух приграничных городов (российского г. Благовещенска и китайского г. Хэйхэ). Выявляются основные формы сотрудничества двух городов, определяется роль китайской культуры в формировании социокультурного пространства г. Благовещенска на современном этапе.

Summary. In the paper I consider the processes of culture relations between two border cities (Russian Blagoveshchensk and Chinese Heihe). I discover the main forms of cooperation between the two cities and determine the role of Chinese culture in shaping the social and cultural environment of today's Blagoveshchensk.

Ключевые слова: приграничный город, культурное взаимодействие, функциональная роль, социокультурное пространство.

Key words: border city, culture relations, functional role, social cultural environment.

УДК 007

В современных условиях процессов глобализации с культурным и экономическим взаимопроникновением различных элементов культур такое понятие, как «граница» воспринимается уже не просто как грань, разделяющая территории двух сопредельных государств, но и как особое пространство с системой многообразных отношений, взаимосвязей, сфер сотрудничества. Поэтому становятся все более актуальными исследования процессов межкультурных связей, осуществляющихся в городском пространстве приграничных городов (в частности, пограничных городов Дальнего Востока России). В статье мы рассмотрим основные процессы межкультурного сотрудничества города Благовещенска (Россия) и КНР (Хэйхэ) и выясним, оказывает ли китайская культура какое-либо влияние на формирование и развитие городского социокультурного пространства российского города.

Уникальность географического положения города Благовещенска, расположенного на российско-китайской границе, заключается в том, что он находится напротив китайского города Хэйхэ (всего 800 метров), их разделяет река Амур. Они являются самыми крупными приграничными городами и культурными центрами на Дальнем Востоке России и северо-востоке Китая. Эти факторы не могут не предполагать развитие культурного диалога и внешнеэкономических связей между ними, поэтому необходимо выяснить влияние данных факторов на формирование и развитие социокультурного пространства российского дальневосточного города. В первую очередь следует выделить формы, функциональные роли и основные направления сотрудничества российско-китайских отношений между двумя пригра-

ничными городами. Основными формами (направлениями) взаимодействия являются торговля, строительство, культурные (сегментарные) связи, сферы деятельности бизнеса, туризм.

Торговля

Рассмотрим основные исторические этапы возникновения и развития внешнекитайской торговли на территории Приамурья как одного из основных факторов в культурном диалоге двух стран. Торгово-экономические отношения, в сущности, начинаются с основания Благовещенска. О.А. Тимофеев, рассматривая историю развития российско-китайских отношений в начале XX века, выделяет ряд причин процветания китайской торговли. Во-первых, ввозимые в Россию китайские товары обладали более низкой себестоимостью, чем отечественные, что способствовало развитию как оптовой торговли, например зерном, так и мелкорозничной продукцией и др. Во-вторых, российские купцы занимались оптовыми закупками в Китае лишь очень узкого ассортимента товаров (зерно, скот, чай). В-третьих, значительную роль играл фактор диаспоральной солидарности. Торговые заведения являлись необходимым звеном в организации китайских сообществ на территории российского Дальнего Востока. В этой связи исследователь отмечает: «Китайские мигранты к началу XX века стали заметным фактором, оказывающим влияние на характер отношений между местными властями двух стран, на этническую и на этнопсихологическую ситуацию в Приамурье, определяя значимый спектр мнений (от оптимизма до алармизма) среди представителей местных политических, экономических и интеллектуальных элит» [4]. В целом российско-китайские отношения до революции между Благовещенском и китайской стороной имели уравновешенный характер (они выполняли функциональные роли в первую очередь в виде торговли) и не оказывали значительного влияния на формирование социокультурного пространства города.

В 60 – 80 годы XX века отношения между двумя сопредельными городами были нарушены в связи с дипломатическим конфликтом, так называемым советско-китайским конфликтом, начавшимся с конца 50-х и окончившимся в конце 80-х годов. Переломный момент в торговых отношениях наступил в 1988 году, и это стало следствием активизации челночной торговли. Китайские товары поступали в Россию через единственный в стране пограничный переход в Китай. В городе были определены территории для обмена товарами с приезжающими из КНР. Китайцы с активно брали часы, пальто, армейские шинели, бытовые товары. Взамен предлагали кожаные куртки, пуховики, речной жемчуг, спортивные костюмы и другие товары, которые тогда были дефицитом в России.

В настоящее время основными грузами, вывозимыми из России, является круглый лес и уголь. Из КНР импортируются товары народного потребления, строительные материалы, продукты питания (овощи, фрукты), стальной прокат, до недавнего времени – грузовые автомобили и тяжелая строительная техника, а также автозапчасти [3]. Таким образом, возобновлением торгово-экономических отношений между Благовещенском и Китаем можно считать начало 1990-х годов. В связи с этим начинается активная застройка города Хэйхэ – соседа Благовещенска.

Город Хэйхэ в переводе с китайского означает «черная река», с населением около 530 тыс. человек и площадью 10 квадратных километров он входит в состав провинции Хэйлунцзян и является самым северным его городом. Его активное развитие начинается с 1990-х годов после реформы открытости и возобновления российско-китайских торговых отношений. В это время в городе строятся новые жилые микрорайоны и гостиницы, промышленные предприятия, банки, рестораны, торговые центры. Архитектура новых сооружений в основном современного европейского типа. В 2006 году в Хэйхэ строится новая набережная, которая является главной достопримечательностью города. В свою очередь в Благовещенске китайской фирмой «Хуафу» строятся несколько больших торговых комплексов по ул. Красноармейской и элитных жилых домов, а по ул. 50 лет Октября возводится торгово-гостиничный комплекс «Азия» с гостиничными номерами, офисами, ресторанами, оздоровительными и культурно-досуговыми зонами.

В этой связи, несмотря на значимое различие в менталитете жителей приграничных городов, происходит некоторое смешение двух культур: так, в Хэйхэ почти все вывески дублируются по-русски. В Благовещенске – это в первую очередь проявляется большим количеством китайских кафе и ресторанов, которые принадлежат как российским, так и китайским предпринимателям. Китайская кухня не только в Благовещенске, но и в Хэйхэ, адаптирована для россиян с целью их коммерческого привлечения.

Географическое положение Благовещенска и Хэйхэ способствует развитию культурных сегментарных связей между ними. На постоянной основе осуществляется обмен делегациями, творческими коллективами. Одним из примеров среди многих служит обмен школьными делегациями, приуроченный ко Дню защиты детей, который осуществляется с 1996 года: гости из Китая посещают российские школы, для них проходят концерты, подготовленные творческими коллективами Приамурья. В свою очередь амурские школьники посещают город Хэйхэ, общаются со своими сверстниками. Ежегодно проводится совместный российско-китайский заплыв через реку Амур.

Основное направление в развитии культурных связей между двумя городами определяется областью образования. Например, в Благовещенском государственном педагогическом университете на постоянной основе работает «Институт Конфуция», в котором обучаются российские и китайские студенты. Обучение проходит по формуле 2+2, т.е. два года в России, два года в Китае. Таким образом, российско-китайский обмен способствует культурному диалогу в приграничном пространстве двух стран. Из социокультурных связей между двумя городами можно выделить организацию Амурской международной ярмарки, проходящей в Благовещенске два раза в год. Ее посещает самая большая зарубежная делегация – делегация китайских предпринимателей [3].

Сферы деятельности

В сфере деловых отношений с Китаем следует привести ряд культурных форм, оказывающих формирующее влияние на социокультурное пространство пограничного города. Так, в 2007 году в Хэйхэ прошел фестиваль «Один город – две страны». В рамках фестиваля была осуществлена презентация инвестиционных проектов и подписаны договоры о сотрудничестве между российскими и китайскими компаниями. Основной упор со стороны китайских партнеров был сделан на необходимость строительства транспортного моста через реку Амур. Благовещенск в свою очередь представил проекты по берегоукреплению реки Амур, застройке микрорайона «Северный», строительству «туристической деревни» и спорткомплекса в поселке Белогорье. Возможности для инвестиций составили около 56,5 млрд рублей, а итог встречи завершился подписанием договоров о сотрудничестве между российскими и китайскими бизнесменами. Для китайских предпринимателей Россия как близкий сосед представляет существенные возможности сотрудничества и реализации различных проектов в сфере бизнеса. Коммерсант Шень Яминь так комментирует причины активизации китайского бизнеса в России: «В Китае рынок насыщен, а на российском Дальнем Востоке не так много фабрик, значит и продукции мало. Для нас это серьезная возможность для бизнеса» [5].

На сегодняшний день характер деловых отношений между Благовещенском и Хэйхэ представляет собой в большей мере сотрудничество в сфере развития туризма между двумя приграничными городами. Город Хэйхэ объявлен зоной, свободной для российско-китайской торговли, открыт для безвизового въезда россиян. Россияне свободно могут въезжать в Хэйхэ, имея лишь заграничный паспорт, при этом не нужно оформлять визу и находиться в составе туристической группы. Гражданам России предоставлено право жить в гостиницах, в китайских семьях, снимать в аренду жилье в городе Хэйхэ. Если же срок пребывания на территории КНР составит более 30-ти суток, то требуется оформлять визу. Существует три основных способа легально пересечь границу: воспользоваться услугами какой-либо туристической фирмы; воспользоваться приглашением кого-либо из проживающих в Китае; пересечь границу самостоятельно.

Таким образом, рассмотрев основные направления взаимодействия российско-китайских отношений, можно заключить: во-первых, географическое местоположение двух городов изначально предполагает взаимный диалог между двумя приграничными городами; во-вторых, сравнивая российско-китайские отношения в пространстве дореволюционного Благовещенска и их бурное развитие в начале 1990-х годов, необходимо отметить, что влияние китайской культуры на социокультурное пространство дореволюционного Благовещенска было незначительным (преимущественно строительство китайских кварталов), а развитие отношений после распада СССР оказало значимое влияние на городскую среду Благовещенска (строительство торговых центров, элитных жилых строений); привело к расширению рамок культурного диалога в приграничном пространстве двух культур; в-третьих, при рассмотрении дальнейших путей российско-китайских отношений необходимо учитывать уже сложившуюся инфраструктуру и социокультурное пространство города для создания нормальных и полноценных условий жизнедеятельности горожан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амурская область: показатели развития. Провинция Хэйлунцзян, 1998.
2. Благовещенск – 2006 г. Ежегодное информационно-аналитическое издание. 2006. – 100 с.
3. Благовещенск-Хэйхэ – posrednic-taobao.ru
4. Тимофеев, О. А. Российско-китайские отношения в Приамурье (середины XIX – начала XX века) / О. А. Тимофеев. – Благовещенск, 2003.

Завалишин А. Ю., Костюрина Н. Ю.
A. Y. Zavalishin, N. Y. Kosturina

**ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ
В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ: КОНЕЦ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ**

**ETHNO-CONFESSIONAL SITUATION AND RELIGIOUS EXTREMISM
IN KHABAROVSK REGION: THE END OF SOVIET EPOCH**

Завалишин Андрей Юрьевич – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Хабаровской государственной академии экономики и права (Россия, Хабаровск). E-mail: native59@rambler.ru.

Mr. Andrey Yu. Zavalishin – doctor of sociological sciences, associate professor, head the social-humanities (sub)department of Khabarovsk State Academy of Economics and Law (Russia, Khabarovsk). E-mail: native59@rambler.ru.

Костюрина Надежда Юрьевна – доктор культурологии, доцент, заведующая кафедрой культурологии ФБГОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: kosturina@mail.ru.

Ms. Nadezda Yu. Kostyurina – Ph.D. of Cultural Studies, Professor, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); E-mail: kosturina@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу религиозных оснований межэтнической напряженности на Дальнем Востоке России, в том числе в г. Комсомольске-на-Амуре в конце 1970-х – 1980-е годы.

Summary. Article is devoted to the religious bases of interethnic intensity analysis in the Russian Far East, including the city of Komsomolsk-on-Amure at the end of 1970th – 1980th.

Ключевые слова: этнос, конфессия, религия, экстремизм, Дальний Восток, Россия, СССР.

Key words: ethnos, confession, religion, extremism, Far East, Russia, USSR.

УДК 316.347; 316.48; 316.74

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки России (Государственное задание)

Современная этноконфессиональная ситуация в Хабаровском крае и шире – России определяется рядом факторов, имеющих мультиуровневую структуру, что само по себе отражает сложность и противоречивость этого явления. К наиболее очевидным факторам можно отнести более чем тысячелетнее господство православия и русской православной культуры на всем пространстве Российской империи / СССР / Российской Федерации, независимо от религиозных традиций населения составляющих их территорий; терпимое (хотя и не всегда доброжелательное) отношение Русской православной церкви (в лице ее иерархов) к иным конфессиям и культурам народов России; теорию и практику атеистического воспитания и атеистической пропаганды советского времени (которые до сего дня проявляются амбивалентно: с одной стороны, сохраняющимся неприятием большинством населения любых форм религиозности, с другой – желанием и готовностью верить во что угодно, исповедовать любые, самые экзотические культы, и, как следствие последнего, – расцвет мультиконфессиональности в 1990 – 2000-е годы); «нашествие» миссионеров из стран Западной Европы, США и Южной Кореи, начавшееся в 1990-е годы и сопровождающееся усиленным насаждением протестантских деноминаций самого разного толка (о причинах и последствиях этого явления нужно говорить отдельно); наконец, мощные миграционные потоки из российских

республик Северного Кавказа, стран Закавказья и Средней Азии, значительную часть которых составляют приверженцы ислама, и доля которых продолжает систематически возрастать, приводя, образно говоря, к «тектоническим сдвигам» в этноконфессиональной структуре принимающего населения.

Что касается Хабаровского края, как части Дальнего Востока и субъекта Российской Федерации, то на его территории происходит наложение общероссийских процессов и явлений в этноконфессиональной сфере на территориальную специфику населения, порожденную особенностями географического положения, истории региона, ментальности жителей и т.д. [6; 7; 11]. Одной из сугубых его особенностей, ставшей прямым следствием мигрантского характера освоения в течение последних более чем 150 лет, стало формирование этноконфессиональной структуры, узловыми элементами которой стали шаманизм коренных народов Севера, немецкий (а в последние годы еще и корейский, и русский, и украинский) протестантизм, русское (а также украинское и белорусское) православие, преимущественно, еврейский иудаизм, татарский (а в последнее десятилетие – народов Кавказа и Средней Азии) ислам, не считая разнообразных культов нетрадиционных религий, место и роль которых на общем религиозном фоне крайне незначительные или, вообще, стремятся к нулю. При этом важно подчеркнуть, что и прежде, и сейчас религиозные общины практически всех конфессий, от ортодоксальных до девиантных, не только не отказывают в членстве представителям любых этнических групп, но всячески стремятся подчеркнуть свою индифферентность к национальности адепта.

При всем разнообразии религиозных конфессий Хабаровского края, существовавших в XIX – начале XX века и сохранившихся в советское время, ситуация первых десятилетий XXI столетия представляется нам особой. Приходится признать, что в настоящее время происходит эскалация этноконфессиональной напряженности, порожденная заметными невооруженным глазом изменениями в соотношении групп верующих и, прежде всего, исповедующих православие и ислам. При том, что слабая заселенность территории, низкая плотность, в целом, и традиционно большое этническое разнообразие населения Хабаровского края, как и всего Дальнего Востока России, казалось, должны были бы создать условия для терпимого отношения к прибывающим в регион переселенцам, современные социально-политические реалии показывают обратное. Последнее заставляет задуматься о рациональных и психологических основаниях для экстремизма на почве религиозного и этнического разнообразия. Одним из возможных путей поиска ответа на этот вопрос является обращение к нашему недавнему советскому прошлому.

Данное исследование представляется нам особенно значимым, поскольку тема религиозной жизни на Дальнем Востоке России не часто попадает в сферу внимания ученых, и ее библиография насчитывает едва ли два десятка имен и сотню научных трудов. Авторы советского времени, если и обращались к этой теме, то сугубо в идеологических целях, о какой либо научности и объективности их анализа не могло быть и речи [9]. Ситуация изменилась лишь в конце 1980-х годов, при том, что наиболее интересные и содержательные труды по религиозной жизни Дальнего Востока стали появляться лишь в 2000-е годы [1; 2; 8; 12]. Работ зарубежных авторов, посвященных религиозной жизни на Дальнем Востоке России, нам обнаружить не удалось, хотя, косвенно эта тема нашла отражение в ряде исследований, обращенных, преимущественно, к проблеме ограничения свободы совести в СССР / России [15; 16; 17; 18; 19]. Как очевидно, данная тема нуждается в дальнейшей разработке, прежде всего, в связи с обострением международного положения Российской Федерации и усилением политико-идеологического противостояния, в том числе и в религиозной сфере.

В последние два десятилетия существования советской власти политика КПСС и советского государства в отношении религиозных конфессий и верующих, в целом, строилась на тонкой грани между необходимостью соблюдения (хотя бы формального) провозглашенного в Конституциях СССР/РСФСР, а также ряде Постановлений и Указов высших государственных органов [10; 14] принципа свободы совести и страстным желанием руководителей

КПСС навсегда разделаться с «религиозным дурманом». Именно постоянным колебанием на этой грани можно объяснить непоследовательность и противоречивость действий властей в отношении религии, вообще, и конкретных религиозных групп, в частности: политика в их отношении то смягчалась, то ужесточалась; деятельность религиозных конфессий и представлявших их групп верующих то разрешалась, то запрещалась; с одной стороны, их призывали к формальной регистрации (легализации деятельности), с другой – использовали любой повод (а иногда и откровенный подлог) с целью компрометации и запрета.

Меньше всего тревоги у официальных лиц вызывала деятельность Русской православной церкви, где «активизации деятельности не наблюдается» [5, л. 2], а основные элементы религиозного культа согласованы с органами власти: «В православном культе проповеди произносятся по сборнику “Житие святых” и, как правило, короткие... На случай государственных праздников разработаны специальные проповеди-приветствия, анализ содержания которых наглядно подтверждает приспособляемость РПЦ к советской действительности... верующие такие проповеди воспринимают за истину, а у случайно побывавших в церкви создают впечатление, что в такой религии нет ничего плохого» [5, л. 5, 6]. Кроме того, как утверждал Уполномоченный Совета по делам религий по Хабаровскому краю Н. Д. Моляр, «в православных церквях многие проповеди читаются с листа. Этим как бы подчеркивается серьезное отношение священников культа к содержанию читаемой проповеди» [5, л. 51].

Наибольшую опасность, по мнению Уполномоченного, представляют собой протестантские течения. Именно в них активно вовлекается молодежь, растет число последователей, проводятся обряды крещения. «Численность пятидесятников с 1976 года увеличилась почти втрое... В 2 раза увеличилась численность адвентистов седьмого дня, в основном путем привлечения к активной религиозной деятельности верующих, в прошлом прекративших ее, и приезда в край верующих из других областей страны. Так, адвентисты седьмого дня в Комсомольске-на-Амуре в начале 70-х годов прекратили свою организованную деятельность, а в 1980 году в городе выявлена их группа до 10 чел. К активной деятельности они привлечены прибывшими в край в 1977 – 79 годах экстремистами Павлюком и Ребандтом... Увеличилось число крещений. В 1976 году у сектантов выявлено 28 крещений, в 1979 году – 35, а в 1980 уже 42» [5, л. 4].

Особенно негативно оценивалась властями ориентация миссионерской деятельности протестантских пресвитеров на молодежь, привлечение ее различными средствами. Уполномоченный в отчете отмечает: «В стремлении изолировать верующую молодежь от влияния советской действительности служители культов стремятся опекать ее и как можно больше занять в кругу верующих. В обществах иеговистов и адвентистов седьмого дня с этой целью организуются театральные представления с религиозной тематикой. Во всех культах модернизируются оркестры, которые пополняются модными сейчас электроинструментами» [5, л. 4]. Пресвитер Хабаровской общины ЕХБ В. И. Косицин «организовал хор, который исполняет под баян различные религиозные гимны, причем их исполнение носит маршевый, ансамблевый характер, рассчитанный на привлечение молодежи, что Косицину с успехом удается» [3, л. 14]. Интересно, что, подчеркивая незаконность действий пресвитера, автор отчета апеллирует не только к советскому законодательству, но и к решениям Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ): «Исполнение этих гимнов («Я воин небесного града, мне слава земная не нада...») запрещено ВСЕХБ. Прошу поставить вопрос о снятии с работы пресвитера Косицина» [3, л. 16].

Пресвитер другой общины Ф. Т. Крутиков предпринимал усилия по организации новых баптистских общин в Ульчском районе, о чем сообщается в стилистике, характерной для риторики доносов: «Мною установлено, что пресвитер бичевской общины Крутиков Ф. Т. в июле – августе 1953 года под видом поездки к зятю в гости, в Кизинский леспромхоз Ульчского района, кстати, зять его Москалев член КПСС работал директором леспромхоза «Комсомольсклес». Цель поездки пресвитера Крутикова была не так к зятю в гости, а цель захватить

в село Мариинск, Богородск и проехать в г. Николаевск для оказания помощи в организации новой общины верующих ЕХБ в селах Мариинск и Богородск, что Крутиковым было и сделано» [3, л. 8-9].

Именно в лексике отчетов о деятельности христиан-баптистов используется понятие «экстремизм»: «В Хабаровской, Чегдомынской и Биробиджанской общинах значительную прослойку составляет молодежь, часть которой испытывает влияние баптистов-раскольников, настроена экстремистски... Наиболее опасны экстремистские тенденции в Чегдомынской общине, выражающиеся в недовольстве частью верующих существующим законодательством о религиозных культах, якобы ограничивающим свободу совести. В этой общине, состоящей в подавляющем большинстве из немцев, сильны традиции землячества, усиливающие религиозный фанатизм» [4, л. 6]. Таким образом, мы видим, как экстремизм связывается с этноконфессиональной принадлежностью, предполагает тесное взаимодействие между собой членов общины, а саму суть явления (мы увидим это и в дальнейшем) можно свести к отсутствию юридической регистрации общины, ее «нелегальности»: «В Хабаровской *нелегальной* общине баптистов-раскольников состоит 25 человек. Руководит общиной *нелегально* рукоположенный пресвитер Матафонов Владимир Николаевич... экстремист, *не признающий законодательства* о религиозных культах. Несмотря на неоднократные предупреждения и применение к нему административных санкций... продолжает периодически организовывать собрания общины. В общине насаждает религиозный фанатизм, призывает к помощи “узникам, пострадавшим за веру”, допускает другие отрицательные суждения» [выделено нами. – Авт.] [4, л. 6].

Собственно, регистрация религиозных организаций часто была основной задачей власти в борьбе со специфически понимаемым экстремизмом: «С учетом религиозной обстановки в крае, тенденций некоторой активизации нелегальных формирований в 1979 году внимание... [необходимо. – Авт.] сосредоточить на пресечении экстремистских намерений вожаков общин пятидесятников и адвентистов седьмого дня и склонении их к регистрации... пресечении их противозаконной деятельности, отрыву рядовых верующих и прекращению деятельности этих нелегальных религиозных формирований» [4, л. 13].

Кроме того, для организации конкретной индивидуальной работы по отрыву рядовых верующих от вожаков в горрайисполкомы выдавались списки иеговистов, баптистов-раскольников и пятидесятников. В качестве одного из эффективных инструментов такой работы практиковалась «компрометация руководителей общин и групп баптистов-раскольников и иеговистов» [4, л. 13], как, например, в случае, приведенном в отчете Уполномоченного по Хабаровскому краю за 1985 год: «Один сторонник “Совета церковью ЕХБ” Копейкин проживает в г. Комсомольске-на-Амуре. Предпринимал попытки сколачивания группы из экстремистски настроенных верующих, состоящих в зарегистрированном обществе, вовремя был скомпрометирован через СМИ как нарушитель советских законов и ранее судимый за хищение, успеха не имел, но от своих намерений не отказался» [5, л. 91].

В случае невозможности склонить организацию к регистрации и контролировать ее деятельность, ставилась задача ликвидации, как, например, в случае с нелегальной общиной Свидетелей Иеговы: «учитывая, что руководители... общины категорически отказываются признать законодательство о религиозных культах, на предупреждения и административные санкции положительно не реагируют, принять меры к прекращению деятельности этой общины» [4, л. 41]. Аналогичной тактики придерживались власти и в отношении Хабаровской общины, Богородской, Чумиканской и Комсомольской-на-Амуре групп баптистов-раскольников.

Следует подчеркнуть, что собственно религиозный аспект деятельности общин мало интересовал контролирующие инстанции. Вопросы веры и ее содержания с очевидностью уступали по важности место вопросам политической лояльности. В этом плане особую настороженность со стороны властей вызывала деятельность общины Свидетелей Иеговы, активность которой часто выходила за рамки сугубо религиозные: «... в своей проповедниче-

ской и миссионерской деятельности [иеговисты. – Авт.] руководствуются т.н. “книгой жизни, приносящей людям счастье”, являющейся кратким изложением Библии в иеговистском догмате, в которой имеется много политически вредных суждений. Например, нынешний мир в ней разделен на коммунистические и демократические государства. Следуя этому догмату, иеговисты, навязывая свои убеждения, заявляют, что “Америкой правит бог, а Советским Союзом сатана”, поэтому США в предстоящей войне победят СССР и тогда в нашей стране будет изобилие товаров» [5, л. 34].

Именно Свидетели Иеговы в силу своей специфики оказывались наиболее организованными и активными среди протестантских деноминаций: «Объединение разбито на студии, в которых ведется обучение религии, методам миссионерства и конспирации... В летнее время, в целях конспирации, собрания студий, богослужebные и молодежные, организуются за городом, в лесу, на берегах и на островах Амура и маскируются под пикники, рыбалку. Верующим внушаются антиобщественные настроения, их склоняют к отказу от службы в армии, от участия в общественных мероприятиях» [5, л. 45]; «...в миссионерских беседах иеговистов просматривается политически вредная направленность: отказ от общественной деятельности, невыполнение некоторых гражданских обязанностей, в частности, отказ от службы в Советской армии, неучастие в отдельных политических мероприятиях» [5, л. 51].

Для предотвращения или пресечения антигосударственных высказываний проповеди посещали агенты, имевшие достаточные знания юридического/правового характера: «Содержание проповедей и их направленность изучались через членов комиссий содействия исполкомам по контролю законодательства о религиозных культах, имеющих достаточную теоретическую подготовку... Практика показывает, что этот ограниченный круг “штатных” членов комиссий скоро становится известным активу религиозных обществ, и при их присутствии на собраниях верующих проповедник произносит проповедь осторожно. Очевидно, в будущем для изучения проповедей надо подбирать специальный, более многочисленный актив и периодически направлять его на собрания верующих» [5, л. 7].

Вместе с тем, как следует из отчетов, «большинство сектантских проповедников не отличаются эрудицией и риторическими способностями, и их рядовые проповеди не вызывают у верующих особых эмоций» [5, л. 51].

Кроме контроля над содержанием проповедей и склонения к регистрации, властями предпринимались шаги по прекращению незаконных собраний и действий, направленных на вовлечение в ряды верующих новых последователей, однако добиться этого, так же как эффективного влияния на все религиозные организации Хабаровского края, в целом, в полной мере в течение указанного периода так и не удалось. Более того, в годы перестройки, непосредственно предшествовавшей распаду СССР, начали происходить серьезные изменения и в религиозной жизни страны, прежде всего касавшиеся смягчения государственного контроля над организациями верующих.

В заключение следует отметить, что процессы, происходившие в религиозной жизни страны и ее Дальнего Востока в 1970 – 1980-е годы, до сих пор влияют на религиозную ситуацию в Хабаровском крае. Наиболее очевидно это проявляется в сохранении значительного числа людей, индифферентно относящихся к религии, вообще, и различным конфессиям, в частности; во все большем разнообразии религиозных общин самого разного толка (если в Хабаровском крае, как мы отмечали выше, в 1980-е годы существовало около 30 религиозных объединений, представлявших 6 различных конфессий, то в 2014 году только зарегистрированных было 83 организации, представлявшие 21 конфессию [13]). Вместе с тем отношение населения края к наиболее влиятельным конфессиям, представленным в регионе, остается различным. Так, по результатам опроса общественного мнения, проведенного нами в феврале – сентябре 2014 года в г. Хабаровске, верующих православного вероисповедания положительно оценивают 66,6 % респондентов, отрицательно – 3,4 %, мусульман, соответственно, 23,2 % и 18,0 %, протестантов (которых до сих пор большинство людей, далеких от религии, считают «сектантами») положительно – 21,2 %, отрицательно – 17,0 %. Само по

себе это говорит о неоднозначной ситуации в сфере этноконфессиональных отношений в регионе и необходимости проведения систематической работы по обеспечению эффективного диалога между представителями различных религиозных конфессий, верующими и неверующими, властными структурами и церквями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргудяева, Ю. В. Роль православия в развитии межэтнических контактов русских с аборигенными народами юга Дальнего Востока России / Ю. В. Аргудяева // Восточная Азия – Санкт-Петербург – Европа: межцивилизационные контакты и перспективы экономического сотрудничества. – СПб., 2000. – С. 341-347.
2. Голобокова, Я. А. Дальневосточная миссия церкви «Адвентисты седьмого дня» и молодежь Дальневосточного региона / Я. А. Голобокова // Государство, общество, церковь в истории России XX века. – Иваново, 2009. – Ч. 2. – С. 52-56.
3. Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 12.
4. Государственный архив Хабаровского края. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 47.
5. Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-1359. Оп. 3с. Д. 49.
6. Завалишин, А. Ю. Территориальное поведение дальневосточников: экономико-социологический анализ / А. Ю. Завалишин // Проблемы Дальнего Востока. – 2007. – № 6. – С. 53-67.
7. Завалишин, А. Ю. Территориальный аспект межэтнического взаимодействия на Дальнем Востоке России / А. Ю. Завалишин // Проблемы межэтнического взаимодействия на Дальнем Востоке России: история и современность: сб. науч. трудов по итогам работы регион. науч.-практ. конф. с междунар. участием (23-24 сент. 2011 г.); под ред. В. В. Романовой. – Хабаровск: Изд-во ДВГТУ, 2011. – С. 26-33.
8. Кобызов, Р. А. Факторы и предпосылки современной религиозной ситуации на Дальнем Востоке России / Р. А. Кобызов // Религиоведение = Study of religion. – Благовещенск; М., 2009. – № 3. – С. 136-139.
9. Лобазов, П. К. Из истории церковной контрреволюции / П. К. Лобазов // Вопросы истории Советского Дальнего Востока: вып. 3 // Советский Дальний Восток в период строительства социализма в СССР (1917–1958 гг.): тез. докл. и сообщ. – Владивосток, 1965. – С. 39-42.
10. Постановление ЦИК и СНК РСФСР от 08.04.1929 г. «О религиозных объединениях». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=1787>
11. Рязанцев, И. П. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ) / И. П. Рязанцев, А. Ю. Завалишин. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2006. – 464 с.
12. Сердюк, М. Б. Религиозная жизнь советского Дальнего Востока (1941 – 1954) / М. Б. Сердюк, С. М. Дударёнок. – Владивосток, 2009. – 207 с.
13. Список региональных религиозных объединений, зарегистрированных Главным управлением Министерства юстиции по Хабаровскому краю по состоянию на 2014 г. – Режим доступа: http://www.khabarovskadm.ru/digital_khv/info/public_associations/religious/index.php?ELEMENT_ID=18783
14. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 23.06.1975 г. «О внесении изменений и дополнений в Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года “О религиозных объединениях”». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=22615>
15. Hirszowicz, L. A note on the new RSFSR law on religion / L. Hirszowicz // Sov. Jew. affairs. – L., 1990. – Vol. 20. – N 2/3. – P. 39-43.
16. Gitelman, Z. Judaism and Jewishness in the USSR: Ethnicity and religion / Z. Gitelman // Nationalities papers. – N.Y., 1992. – Vol. 20. – N 1. – P. 75-85.
17. Nivat, G. Deroute de l'utopique et retour au religieux en U.R.S.S. aujourd'hui / G. Nivat // Debat. – P., 1991. – N 66. – P. 17-34.
18. Ramet, P. Cross and commissar: The politics of religion in Eastern Europe and the USSR / P. Ramet. – Indiana, 1987. – 244 p.
19. The politics of religion in Russia and the new states of Eurasia / ed.: M. Bourdeaux. – Armonk (N.Y.); L.: Sharpe, 1995. – 321 p.

Шурухнов В. А.
V. A. Shurukhnov

**ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ЦЕЛЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
РАССЛЕДОВАНИЮ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И МЕРЫ ПО ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЮ**

**TECHNICAL AIDS AND EQUIPMENT USED BY CRIMINALS TO HINDER
INVESTIGATION OF ORGANIZED CRIMINAL ACTIVITY AND MEASURES
TO PREVENT AND ELIMINATE SUCH INTERFERENCE**

Шурухнов Владимир Александрович – кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры управления органами расследования преступлений Академия управления МВД России (Россия, Москва); 89109450658. E-mail: shuruhnov@mail.ru.

Mr. Vladimir A. Shurukhnov – PhD in Law, Associate Professor, Doctoral Candidate, Department of Investigatory Agencies Administration, Academy of Management and Administration under the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia, Moscow); 8-910-9450658. E-mail: shuruhnov@mail.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы использования возможностей научно-технических средств в целях совершения преступной деятельности, а также для противодействия расследованию и деятельности правоохранительных органов в целом, проведен анализ проблем выявления и нейтрализации организуемого с применением технических средств противодействия, в статье определены некоторые направления повышения эффективности применения и использования правоохранительными органами научно-технических средств в целях расследования преступлений и преодоления противодействия расследованию организованной преступной деятельности.

Summary. The paper examines the problem of using technical aids and equipment for the purposes of committing crime and hindering criminal investigations and law enforcement activities in general. I offer the analysis of issues linked to detection and elimination of such technically sophisticated interference with criminal investigation and define several areas where the efficiency of using technical aids, equipment and facilities by the law enforcement in order to investigate organized crime and eliminate any interference from it has to be and can be improved.

Ключевые слова: научно-технические средства, организованные преступные формирования, преступная деятельность, противодействие расследованию, правоохранительные органы, расследование преступлений, преодоление противодействия расследованию

Key words: technical means, organized crime groups, criminal activity, interference with criminal investigation, law enforcement, criminal investigation, overcoming interference with criminal investigation.

УДК 343

Развитие современного общества невозможно без применения и использования достижений научно-технического прогресса. Практически во всех сферах они находят свое применение. К сожалению, данное положение распространяется и на негативные сферы развития общества. Достаточно часто современные научно-технические средства используются преступными элементами в преступных целях. Не является исключением преступность Российской Федерации.

Значительные возможности технических средств позволяют добиваться как отдельным преступникам, так и преступным формированиям преступных результатов, значительно облегчая их достижение. Возможность свободного приобретения и использования практически любых технических средств обусловила их активное внедрение в преступную сферу. В некоторых случаях данные средства являются основным орудием совершения преступления, например, компьютерно-технические средства.

Следует согласиться с мнением Н.Г. Шурухнова, о том, что: «Использование техники, современного вооружения, разнообразной аппаратуры, информационных технологий – вот что характеризует преступность сегодняшнего дня. 100 % преступлений совершаются с использованием различных технических средств. Как показывает анализ практики, большое количество преступных групп располагают значительными материальными, интеллектуальными и техническими ресурсами. Ими широко используется современная техника, особенно средства связи, звуко- и видеонаблюдения, видеорегистрации, приборы видения в темноте, новейшие компьютерные технологии (телекоммуникационные системы), средства сотовых систем подвижной связи (СССПС), различный транспорт и т.п. Технические средства, применяемые преступниками, оказываются на порядок современнее, чем те, которые используются сотрудниками правоохранительных органов. На поддержание высокого уровня технического оснащения организованных преступных групп и, просто преступной деятельности, даже одиночек, расходуются значительные суммы (по некоторым оценкам, около одной трети их преступных доходов). В этом они имеют определенное преимущество по сравнению с правоохранительными органами» [6, 126-127].

Неспособность адекватно реагировать на активную интеграцию научно-технических средств в преступную деятельность негативно сказывается на формировании общественного мнения о возможностях борьбы правоохранительных органов с преступными проявлениями. Победителем в указанной ситуации может быть только одна сторона и ею будет та, которая наиболее быстро и своевременно сможет использовать современные научно-технические средства в своей деятельности.

Анализ научной литературы, а также судебно-следственной практики свидетельствует о том, что пока лидируют в этой сфере преступные элементы, особенно преступные формирования. «Имеющиеся в МВД России обобщенные сведения, – отмечает Н.Е. Мерецкий, – по преступлениям в сфере информационных технологий и телекоммуникаций свидетельствуют, что за последние десять лет количество зарегистрированных преступлений в данной области в России увеличилось практически в 10 раз. Если в 2000 г. таких преступлений было зафиксировано 1,3 тыс., то к 2010 г. их количество выросло до 14,8 тыс., из которых 3600 являются телекоммуникационными. При этом истинные сведения о преступной активности до сих пор остаются скрытыми, латентность преступности в рассматриваемой сфере достигает порядка 90 %» [4, 267-268].

Обусловлено это тем, что в распоряжении участников организованных преступных сообществ в настоящее время имеются современные средства связи, транспортные средства, оружие, а также высокотехнологичные компьютерно-технические средства, как правило, дорогостоящие. Кроме этого, для расширения возможностей как самой преступной деятельности, так и противодействия расследованию выделяются огромные финансовые средства, которыми располагают лидеры преступных формирований. Это позволяет им достаточно свободно тратить их на приобретение и эксплуатацию указанных средств. В совокупности с использованием более простых, но не менее эффективных способов и методов это способствует совершенствованию преступной деятельности и активному противодействию правоохранительным органам, например, приобретение сведений в различных организациях (компаниях сотовой связи, налоговых органах, ЖКХ, ГИБДД и т.п.). Все чаще членами преступных формирований используются технические средства для сбора информации о деятельности правоохранительных органов. В связи с этим, эксплуатируя информационно-телекоммуникационные системы и средства ОВД, следователи, дознаватели, оперуполномоченные, осуществляющие предварительное расследование, должны иметь представление о каналах утечки информации, используемых организованными преступными формированиями, и консультируясь со специалистами, принимать соответствующие меры по ее исключению. Об этом мы неоднократно указывали в своих работах более подробно.

На данное обстоятельство указывают и другие ученые. В частности Л.В. Галанова отмечает: «Организаторы и руководители преступных групп и сообществ создают серьезные

условия безопасности и защиты криминальных действий и их участников, подвергшихся уголовному преследованию, а также собственного положения и интересов. Они не жалеют средств на оплату дорогостоящего технического оборудования, а также услуг высококвалифицированных специалистов (в том числе и в области юриспруденции, следственной и оперативной работы), находящихся у них на службе на легальной или иного рода основе» [2, 62].

К сожалению, приходится констатировать, что исследования в этой области носят поверхностный характер. Обусловлено это тем, что достаточно часто (около 70 % изученных уголовных дел, по различным категориям преступлений) следователи в ходе расследования не устанавливают обстоятельства использования и применения научно-технических средств в процессе совершения преступлений (за исключением случаев непосредственного использования таковых в качестве орудий преступлений). Случаев выявления использования научно-технических средств в целях противодействия расследованию вообще выявлено не было. Это, в свою очередь, исключает возможность последующего использования указанных данных, отраженных в учетах, правоохранительными и иными контролирующими органами, осуществляющими расследование преступлений.

Однако такая информация была получена при интервьюировании и опросе практических работников правоохранительных органов, которая свидетельствует о достаточно активном использовании научно-технических средств для совершения преступлений, а также в целях их сокрытия и активного противодействия правоохранительным органам.

Собственные исследования, а также анализ исследований других ученых, изучение материалов средств массовой информации, показывает, что наиболее часто и активно в преступных целях и противодействия расследованию используются компьютерно-технические средства и средства мобильной связи.

Самыми распространенными случаями использования средств сотовой телефонной связи является применение сотовых телефонов для связи в местах лишения свободы, а также координации преступной деятельности соучастников, находящихся на свободе. Вообще в последнее время в местах лишения свободы традиционные средства связи («прогоны», «малывы» и т.п.) почти полностью заменены возможностями сотовой связи. Такое положение вызывает определенную озабоченность и требует принятия соответствующих мер. Однако в создавшейся ситуации, в ожидании принятия адекватных законодательных мер лица, осуществляющие расследование организованной преступной деятельности, могут использовать ее в свою пользу (данный вопрос более подробно мы рассмотрим в других исследованиях).

В различных источниках нами было найдено немало примеров использования сотовых средств связи в преступных целях. Так, в Астраханской области сотрудниками ФСКН была выявлена наркобанда, организованная двумя преступниками, отбывающими длительные сроки в одной из колоний. Один из них являлся криминальным авторитетом, который отбывал 19-летний срок. Преступники по мобильным телефонам, нелегально пронесенным в зону, связывались со своими подельниками на свободе и организовывали наркотрафик. По данным наркополиции, действовал он около года [1].

Наиболее изощренные технические средства используются в ходе реализации организованной преступной деятельности преступными формированиями. При этом их организаторами и руководителями в случае отсутствия собственных преступных «кадров» привлекаются соответствующие специалисты. Надо признать, что и сейчас из специалистов различных сфер, организаторы преступных сообществ создают специальные группы, выполняющие разведывательные функции, проводящие фиксацию действий интересующих их лиц, отслеживающие их передвижение, устанавливающие маршруты, вид транспорта, круг общения, наиболее уязвимые места, способствующие совершению противоправной деятельности. Современная оснащенность преступных организаций позволяет им получать информацию и более сложными методами и способами. Так, преступники используют бесконтактное подключение к телефонной линии за счет микрофонного эффекта телефонного аппарата или высокочастотного навязывания. Применяют специальные радиозакладки, которые позволяют

контролировать не только телефонные линии, но и прослушивать переговоры в жилых и служебных помещениях [6, 130-131].

Не менее изощренными являются способы противодействия расследованию, в ходе которых используются современные научно-технические средства. В первую очередь, они обусловлены способом совершения преступления, а также применяются и в иных случаях и целях.

Так, например, А.А. Косынкин, отмечает, что преступник, планируя совершение преступления в сфере высоких технологий, стремится к тому, чтобы данное преступление не было выявлено, т.е. чтобы о нем не стало известно правоохранительным органам. Не меньшая активность наблюдается и в воспрепятствовании раскрытию и расследованию уже выявленных преступлений указанной направленности. Это приводит к тому, что по данной категории преступлений остаются не выявленными отдельные обстоятельства совершенного преступления, не установленными лица, причастные к совершению данного преступления, а также причины и условия его совершения, что приводит к тому, что в последующем вновь совершаются подобные преступления [3, 2-3].

Более конкретные варианты сокрытия следов преступной деятельности, противодействия расследованию в сфере высоких технологий рассматривают О.А. Рослякова и П.И. Шихов. Они отмечают, что сокрытие по компьютерным преступлениям может выражаться в уничтожении, утаивании, маскировке, фальсификации как традиционно изучаемыми криминалистикой способами (маскировка внешности, дача ложных показаний и т. д.), так и специфическими способами, связанными с компьютерным оборудованием и информацией:

1) маскировка и фальсификация программных продуктов;

2) маскировка местонахождения преступника при удаленном доступе к компьютерной информации:

- использование «ремейлеров» («Remailers») – компьютеров, получающих сообщение и переправляющих его по адресу, указанному отправителем. В процессе переадресовки вся информация об отправителе уничтожается, так что конечный получатель лишен всякой возможности выяснить, кто автор сообщения. «Ремейлеров» в сети Интернет множество, некоторые из них позволяют указывать фиктивный адрес отправителя, большинство же прямо указывают в заголовке, что электронное сообщение анонимно;

- использование в программах пересылки электронной почты вымышленного электронного адреса отправителя;

- использование «программ-анонимизаторов», которые позволяют изменять данные об обратном адресе и службе электронной почты отправителя. При этом остается возможность установить электронный адрес (IP) компьютера отправителя;

- использование второго электронного почтового ящика. В сети Интернет существует множество сайтов, где свободно и бесплатно можно открыть свой почтовый ящик, откуда отправлять электронную почту под любыми вымышленными исходными данными;

3) восстановление нормальной работоспособности компьютера;

4) сокрытие присутствия в операционной системе («Rootkit»). «Rootkit» – программный код или техника, направленная на сокрытие присутствия в системе заданных объектов (процессов, файлов, ключей реестра и т.д.).

Противодействие расследованию также может выражаться в воздействии на его участников либо уклонении от участия в расследовании [5, 170].

Достаточно активно организованными преступными формированиями используются возможности сети Интернет. Использование компьютерно-технических средств и соответствующих программ позволяет собирать информацию, необходимую для разработки и совершения преступлений, а также противодействия расследованию преступной деятельности. Такой информацией являются, например, установочные данные на лиц, содействующих правоохранительным органам, финансовые операции, выполняемые ими и т.п.

Это только отдельные примеры применения современных научно-технических средств в целях совершения преступной деятельности и противодействия расследованию и правоохранительным органам в целом. Отразить всю картину использования преступными формированиями технических средств в преступных целях достаточно сложно ввиду отсутствия соответствующей информации, на что мы указывали ранее.

Одной из причин активного использования технических средств в преступных целях является неспособность правоохранительных органов полностью исключить возможность их использования преступными формированиями или хотя бы осуществлять качественный контроль. Для этого правоохранительные органы должны своевременно и адекватно реагировать на техническую оснащенность организованной преступной деятельности. С этой целью ими должны приобретаться и эксплуатироваться наиболее современные технические новинки, адаптированные для правоохранительной деятельности.

Приходится констатировать, что в этой сфере правоохранительные органы явно отстают от преступных формирований. Связано это с рядом причин.

Как справедливо отмечает Н.Г. Шурухнов: «необходимо обоснование приобретения тех или иных технических средств. Согласование этого обоснования с должностными лицами (если оно вписывается в строго определенную статью расходов), утверждение сметы расходов на определенный период времени, а потом приобретение (после выделения соответствующих финансовых средств), и только в учреждениях, организациях и предприятиях, имеющих лицензию на реализацию конкретных технических средств. Как правило, обозначенные процедуры (тендеры) занимают значительный промежуток времени, по истечении которого некоторые средства успевают устареть» [6, 127-128].

Из приведенного выше следует, что процедура приобретения того или иного технического средства правоохранительными органами – достаточно длительный по времени и сложный процесс. Кроме этого, в правоохранительных органах, применяющих те или иные технические средства, личный состав должен знать об их наличии, характеристиках, быть заинтересованным в их своевременном и качественном применении. В этих целях необходима концепция применения научно-технических средств в целях борьбы с преступностью. Развитие научно-технического прогресса – это закономерный процесс. Сотрудники правоохранительных органов должны осознавать, что использование и применение технических средств является неизбежным и обязательным в процессе борьбы с преступностью. Такие требования должны закладываться в процессе подготовки кадров для правоохранительных органов в ходе обучения в учебных заведениях.

Наряду с этим, при подготовке кадров правоохранительных органов значительное внимание должно уделяться вопросам охраны и недопущения утечки информации в процессе реализации правоохранительной деятельности. Кроме этого, случаи утечки информации, выявляемые в ходе деятельности правоохранительных органов, должны находить соответствующую реакцию со стороны руководителей правоохранительных органов, а также подразделений собственной безопасности, что в настоящее время не наблюдается. Все это активно способствует использованию указанных недостатков организаторами и руководителями преступных формирований в целях противодействия расследованию их преступной деятельности.

При всех перечисленных трудностях и проблемах, существующих в правоохранительных органах, их современные возможности позволяют достаточно эффективно применять и использовать имеющиеся на вооружении научно-технические средства, позволяющие нейтрализовывать и преодолевать противодействие, организованное лидерами преступных формирований и реализуемое их рядовыми участниками. Такие средства можно разделить на два вида: используемые в ходе производства следственных и процессуальных действий и используемые в ходе оперативно-розыскных мероприятий. Объем статьи не позволяет рассмотреть данные средства более подробно, однако вышесказанное позволяет сделать определенные выводы.

Для повышения эффективности использования научно-технических средств в правоохранительных органах необходим постоянный мониторинг информации о появлении и использовании таких средств в мировой практике. Кроме этого, необходим обязательный учет применяемых и используемых технических средств преступниками в целях совершения преступлений, их сокрытия и противодействия расследованию. Результаты такого учета должны способствовать изучению технических характеристик и возможностей изъятых технических средств, а в дальнейшем возможность их адаптации для нужд правоохранительных органов. Только своевременное и адекватное реагирование на преступные проявления с использованием современных технических средств будет способствовать повышению эффективности деятельности правоохранительных органов в области расследования преступлений и преодоления противодействия в ходе него.

В Российской Федерации в настоящее время существует значительное число институтов, осуществляющих разработку научно-технических средств для различных отраслей народного хозяйства, о чем свидетельствует, например, проведение выставок соответствующей тематики. Одной из них является «Интерполитех». Как отметил заместитель министра МВД России: «Интерполитех» является одним из важнейших форумов, позволяющим обмениваться информацией двум, крайне заинтересованным друг в друге сторонам: разработчику и производителю» [7].

Данное положение должно способствовать повышению эффективности обеспечения правоохранительных органов научно-техническими средствами, применяемыми для расследования преступлений, а также нейтрализации противодействия его осуществлению.

Таким образом, в правоохранительных органах Российской Федерации уже сейчас имеется необходимый кадровый, научный и финансовый потенциал, который необходимо реализовывать для использования и применения научно-технических средств. Для повышения его эффективности необходима выработка и реализация комплексной системы его использования. В этих целях значительное место должны занимать разработки ученых, которым необходимо активно включиться в процесс подготовки научных положений и разработке на их основе практических рекомендаций по использованию технических средств в процессе расследования преступлений и преодоления противодействия ему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов, В. Авторитеты руководили из тюрьмы / В. Богданов // Российская газета. – 2014. – 12 марта. – №56 (6328).
2. Галанова, Л. В. Противодействие расследованию преступлений, совершаемых организованными преступными группами / Л. В. Галанова // Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: сб. матер. 51-х крим. чтений: В 2 ч. Ч. 1. – М., 2010. – С. 62.
3. Косынкин, А.А. Некоторые аспекты преодоления противодействия расследованию преступлений в сфере компьютерной информации на стадии предварительного расследования / А. А. Косынкин // Российский следователь. – 2012. – № 2. – С. 2-3.
4. Мерецкий, Н. Е. Типичные способы мошенничества, совершаемые при оказании услуг сотовой связи / Н. Е. Мерецкий // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150-летию образования следственного аппарата в России): сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф.: В 3 ч. Ч. 2. – М., 2010. – С. 267-268.
5. Рослякова, О. А. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации и высоких технологий: курс лекций / О. А. Рослякова, П. И. Шихов – СПб., 2009. – 264 с.
6. Шурухнов Н. Г. Современная преступность (истoki, направленность, техническая оснащенность, способы совершения, сокрытия): содержание рекомендаций по раскрытию и расследованию / Н. Г. Шурухнов // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 4. Ч. II. Юридические науки. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2013.
7. <http://www.nanonewsnet.ru/blog/nkst/xii-mezhdunarodnaya-vystavka-sredstv-obespecheniya-bezopasnosti-gosudarstva-interpolitex->

Лобунец Е. С.
E. S. Lobunets

ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, НАЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ И ГРУПП ПРЕСТУПЛЕНИЙ

CONCEPTION, SUBSTANCE, PURPOSE AND THE ROLE OF THE PRIMARY INVESTIGATIVE STAGE OF SEPARATE KINDS AND GROUPS OF CRIMES

Лобунец Евгения Сергеевна – преподаватель кафедры специальных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России (Россия, Уссурийск); 692502, Приморский край, г. Уссурийск, ул. Стаханова, д. 36а, кв. 35. E-mail: elobunets@mail.ru

Lobunets Evgeniya Sergeevna – a teacher of the special disciplines chair, Far East Home Ministry Law Institute Vladivostok branch (Russia, Ussuriisk); 692502, Primorskii krai, Ussuriisk, 36a, Stakhanov St., flat 35.

Аннотация. В статье приводятся неоспоримые аргументы о необходимости осуществления первоначального этапа расследования преступления, в период которого работниками правоохранительных органов создается возможность получить достаточно убедительные доказательства. В этот период происходит обнаружение, фиксация и исследование информации о преступном событии и ее процессуальное закрепление. Правильно организованный первоначальный этап расследования способствует быстрому и полному раскрытию преступлений.

Summar. The article underlines incontestable arguments in favour of the necessary realization of the primary investigative stage of the crime during which the possibility to get sufficiently convincing evidence is created by the law-enforcement bodies. Discovery, fixation and analysis of crime information and its procedural consolidation take place at this period. Correctly organized primary investigative stage facilitates a quick and complete detection of a crime.

Ключевые слова: первоначальный этап, целесообразность, следственные действия, актуальность, проблемы, преступление, расследование, уголовное дело, последовательность, обвинение.

Key words: A primary stage, expediency, investigatory actions, the urgency of the problem, a crime, investigation, a criminal case, consistency, accusation.

УДК 343.9

Первоначальный этап расследования преступлений, начинающийся с момента возбуждения уголовного дела, одним из первых выделил в своем исследовании С. А. Голунский. При этом он использовал понятия неотложных и первоначальных следственных действий как синонимы. Как отмечал С. А. Голунский, с проведения первоначальных (неотложных) следственных действий начинается расследование. Неотложными считались те следственные действия, которые необходимо было проводить срочно под влиянием ситуации (промедление вело к потере возможности получения доказательств) [1, 37].

Важность исследования уголовно-процессуальных и организационных особенностей расследования преступлений на первоначальном этапе имеет большое общественное и научно-практическое значение и подтверждается глобальными научными разработками данной проблематики. Об актуальности проблемы первоначального этапа расследования вели речь Р. С. Белкин, В. С. Бурданова, Е. П. Ищенко, В. П. Лавров, И. М. Лузгин, Е. Г. Мальцев, Н. Е. Мерецкий, В. Е. Сидоров, А. Г. Филиппов, Н. Г. Шурухнов и другие ученые.

Отмечается, что анализ проблем первоначального этапа расследования преступлений способствует быстрому и полному их раскрытию, что в конечном итоге служит обеспечению общественной безопасности. Практика показывает, что от правильного выбора необходимых следственных и иных процессуальных действий, их квалифицированного и своевременного

выполнения во многом зависит успех дальнейшего расследования и всего производства по уголовному делу. Это дает возможность оперировать тактическими приемами при проведении первоначальных следственных действий, поэтому необходимо с особым вниманием отнестись к определению их последовательности и целесообразности осуществления на конкретный период времени. Действительно, недостатки, допущенные на первоначальном этапе расследования, трудно, а часто и невозможно исправить, что может исключать дальнейшее расследование и привлечение к ответственности виновных лиц.

О значимости первоначального этапа свидетельствуют научные разработки в сфере классификации уголовных дел и направлений расследования в зависимости от следственных ситуаций, имеющих место в рассматриваемый период расследования (например, совершенные при свидетеле или потерпевшем и совершенные без этих лиц преступления) [4, 155]. Возможно, роль таких классификаций для повышения эффективности деятельности правоохранительных органов минимальна, но важность анализа информации на первоначальном этапе представляется бесспорной.

Сложность и значимость первоначального этапа подтверждаются и результатами проведенного нами исследования: 57 % опрошенных респондентов отметили особую трудность расследования именно в рассматриваемый период.

В то же время очевидным является и тот факт, что огромное значение в данный период расследования имеет правильная оценка обнаруженных доказательств с точки зрения доказывания по уголовному делу. Ошибка в этот момент в дальнейшем уведет расследование в неверном направлении, повлечет за собой непоправимую потерю времени.

На данном этапе происходит решение двух первоочередных задач:

- 1) установление события преступления;
- 2) установление лица, его совершившего.

В некоторых случаях указанный перечень может дополняться ввиду необходимости решения еще одной стратегической задачи – розыска лица, причастного к совершению преступления, которое установлено, но скрылось от органов предварительного расследования [6, 521].

Решение указанных задач позволяет достичь цели рассматриваемого этапа – получения достаточных доказательств для предъявления лицу обвинения в совершении преступления. Тем самым первоначальный этап может закончиться, а расследование перейти в последующий этап только посредством успешного решения указанных задач. В противном случае расследование прекращается или приостанавливается еще до завершения первоначального этапа.

Анализ результатов проведенных исследований позволил установить, что завершение первоначального этапа связано с раскрытием преступления, которое следует понимать как установление события преступления и лиц, виновных в его совершении. Кроме того, это обосновывается сущностью деятельности по раскрытию преступления, в том числе и в случае совершения его в условиях очевидности. Действительно, изначальное наличие подозреваемого не означает отсутствия необходимости в поисковой и познавательной деятельности. Так, зачастую требуется установить подлинную цель и мотивы, пособников, размер ущерба и т.д.

Таким образом, преступление считается раскрытым, когда следователь вынес постановление о привлечении в качестве обвиняемого (для дознавателя – уведомление о подозрении). При этом теоретически не важно, обеспечила ли собранная информация привлечение лица к ответственности, т. к. сам факт предъявления обвинения свидетельствует о переходе расследования на следующий этап. Однако смысл всего уголовного процесса заключается в установлении и наказании лица, совершившего преступление, в связи с этим в случае непризнания наказания к конкретному лицу по факту совершенного преступления следует признать нерезультативным все уголовное судопроизводство, в том числе предварительное расследование и каждый из его этапов в отдельности.

При получении информации о совершенном преступлении в первоначальный период расследования задачей следователя является не только выбор конкретных действий, но и определение последовательности их выполнения. Это объясняется тем, что несвоевременность в данной сфере может привести к нежелательным и даже опасным для расследования результатам. По нашему мнению, обозначенная тенденция обусловлена тем, что каждое из проводимых действий призвано создавать информационную основу для осуществления последующего.

Содержание первоначального этапа определяется конкретным преступлением, которое требует определенного подхода к сбору доказательств, их фиксации, использованию научных, технических методов и средств информационно-телекоммуникационных технологий и систем. Однако учитывать в криминалистических методиках каждый вид преступлений невозможно и нецелесообразно, поэтому мы склонны согласиться с выделением следующих групп преступлений, требующих определенного подхода к расследованию:

1) преступления, при расследовании которых обязательно проводится осмотр места или объекта преступления, в том числе и письменных документов (таковы, например, дела о кражах с проникновением на объекты недвижимости);

2) преступления, при расследовании которых остаются определенные материальные следы на предметах внешнего мира. В этом случае расследование (осмотр места происшествия) должно отталкиваться от исследования этих следов, анализируя на основе полученных результатов другие обстоятельства дела. К этой категории преступлений следует отнести грабежи, разбои, убийства, поджоги и т.д.

Следует разграничивать дела, при расследовании которых имеется только факт совершения преступления, и дела, в которых есть подозрение в отношении определенного лица. Действительно, в первом случае сложно выделить единый вектор проверки, т. к. практически отсутствует информация относительно произошедшего. Применительно ко второму случаю деятельность следователя, дознавателя будет акцентирована на сборе доказательств виновности определенного лица.

Несмотря на изобилие научных исследований, мы отмечаем отсутствие единого подхода к понятию первоначального этапа расследования и его содержания, что обусловлено неопределенностью его границ.

Первоначальный этап расследования является элементом стадии уголовного судопроизводства. Его содержание составляют процессуальные действия, предусмотренные УПК РФ, являющиеся, по мнению следователя (дознателя), целесообразными в конкретной следственной ситуации. Вследствие ситуационности наполнения рассматриваемого этапа, а также зависимости его содержания от преступления невозможно четко определить следственные действия, его формирующие.

При получении информации о преступлении на первоначальном этапе, как правило, выдвигаются возможные следственные версии, составляется план расследования, а при поступлении дополнительных данных (если была предварительная проверочная деятельность) производятся первоначальные следственные действия, направленные на задержание субъекта, совершившего преступление.

В связи с этим целесообразно рассмотреть несколько вариантов решения указанной проблемы.

Во-первых, допустимо обратиться к институту неотложных следственных действий. Изначально их производство являлось формой дознания (по УПК РСФСР). В тот период неотложные следственные действия относились к правовому институту, предназначенному для определения пределов полномочий органов дознания по делам, которые в принципе им были не подследственны. Как правило, это были обязательные, незаменимые, не терпящие отлагательства следственные действия, промедление с производством которых могло затруднить либо вообще исключить возможность обнаружения и закрепления следов при проведении расследования преступления.

В настоящее время (в соответствии с УПК РФ) в качестве неотложных понимаются действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно (за исключением производства судебных экспертиз). Кроме того, институт производства неотложных следственных действий связан с формами предварительного расследования, его субъектами и функционирует в зависимости от норм, заложенных в действующем законодательстве. Их производство является одним из условий квалифицированного выполнения стоящих перед органами расследования задач и возможности эффективного использования преимуществ дифференциации форм досудебного производства. Производство неотложных следственных действий на стадии досудебного производства является специфической особенностью качественного судебного разбирательства.

Обратим внимание на то, что их целью является обнаружение и фиксация следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования. Необходимость производства неотложных следственных действий вызвана временной невозможностью участия следователя в производстве расследования, а также опасностью утраты доказательственной базы. Однако было бы ошибочно сопоставлять процессуальную и криминалистические категории, приравнивая неотложные следственные действия к первоначальному этапу расследования. Кроме того, это не решит проблемы, т. к. используя понятие неотложных следственных действий, законодатель не дает их перечня и не рассматривает неотложность как качество, внутренне присущее конкретным из них.

Спорным остается вопрос, касающийся места неотложных следственных действий в структуре расследования. Их производство рядом авторов именуется неотложным этапом и определяется как самостоятельный этап расследования, в этом случае он длится до передачи уголовного дела по подследственности [2, 15; 3, 5; 5, 7]. Считаем, что есть все основания признать производство неотложных следственных действий самостоятельным этапом расследования. Такая позиция основывается на следующих моментах:

- 1) производство неотложных следственных действий имеет четкие и определенные границы: начинается с момента возбуждения уголовного дела органом дознания и завершается передачей собранных материалов руководителю следственного органа;
- 2) согласно уголовно-процессуальному законодательству, этап неотложных следственных действий структурно отграничен от остальных элементов предварительного расследования как по содержанию, так и по субъективному составу;
- 3) производство неотложных следственных действий имеет специфическую цель, которая, прежде всего, опосредуется необходимостью скорейшего закрепления информации, характеризующейся доказательственным значением.

Однако наши данные убеждают, что неотложные следственные действия при этом являются именно исключительным этапом предварительного расследования. Это обусловлено тем, что их производство возможно только применительно к предварительному следствию и только в ситуациях отсутствия следователя. При этом мы полагаем, что производство неотложных следственных действий заменяет собой первоначальный этап расследования при установлении лица, причастного к содеянному.

Анализ результатов проведенных исследований позволил установить, что неотложными целесообразно признать следственные действия, необходимые в данный момент в неотлагательном порядке для исключения возможности утраты, порчи или фальсификации доказательств. Однако такие действия будут относиться к уголовно-процессуальному институту, предусмотренному ст. 157 УПК РФ.

Практика показывает, что условиями производства неотложных следственных действий должны выступать такие действия следователя, как внезапность их проведения, дефицит времени для реализации принятого решений, недостаток информации, активное противодействие расследованию со стороны заинтересованных лиц. Кроме того, на первоначальном этапе и в особенности при расследовании «по горячим следам» в большинстве случаев

имеют неотложный характер такие действия, как осмотр (места происшествия, трупа, предметов и документов), задержание, освидетельствование, допросы потерпевших, свидетелей, подозреваемых, очные ставки, обыск, предъявление для опознания, проверка показаний на месте, назначение судебных экспертиз.

Сказанного, с нашей точки зрения, достаточно, чтобы убедиться в необходимости решения вопроса о проведении первоначальных следственных действий в тот период, когда информации о совершенном преступлении крайне не достаточно для возбуждения уголовного преследования. При этом неоспоримо важную роль играет первоначальный этап, в период которого появляется возможность обнаружить не только достоверную оперативную информацию, но и провести процессуальные действия с целью получения и фиксации доказательств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голунский, С. А. Материалы учебной конференции следователей в прокуратуре СССР / С. А. Голунский. – М. : Прокуратура СССР, 1937. – С. 37.
2. Кузьменко, Н. К. Систематизация неотложных следственных действий при раскрытии и расследовании преступлений / Н. К. Кузьменко. – Киев, 1981. – С. 15.
3. Кузьменко, Н. К. Систематизация неотложных следственных действий при расследовании краж, грабежей и разбойных нападений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Кузьменко Н. К. – М., 1978. – С. 5.
4. Мудьюгин, Г. Н. Планирование расследования преступлений / Г. Н. Мудьюгин. – М. : Госюриздат, 1957. – С. 155.
5. Пудаков, Е. Р. Неотложные следственные действия в структуре предварительного расследования / Е. Р. Пудаков // Российский следователь. – 2007. – № 21. – С. 7.
6. Шурухнов, Н. Г. Розыскная деятельность следователя / Н. Г. Шурухнов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : 2008. – С. 521-535.

Докучаев И. И.
I. I. Dokuchaev

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ПРАВА КАК ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

AXIOLOGICAL AND EPISTEMOLOGICAL COMPONENTS OF LAW AS A FORM OF SOCIAL CULTURE

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, проректор по образовательной деятельности и общим вопросам Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681010, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 56-33; 89141731440. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Mr. Ilya I. Dokutchaev – Dr.habil. of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Provost for Education and General Issues, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681010, Komsomolsk-on-Amur, 56 Lenin Av., ap. 33; +7-914-1731440. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается соотношение аксиологических и гносеологических компонентов содержания правовых норм как форм культуры. Показано, что ни одно законодательство не может быть основано только на логических предпосылках, но включает в свое содержание многочисленные культурные традиции, то есть ценности.

Summary. The paper considers the relation between axiological and epistemological components in the content of legal provisions viewed as a form of culture. I demonstrate that no legislation can be based only on logical premises: it also includes numerous cultural traditions i.e. axiological values.

Ключевые слова: ценность, логика, право, культура, социальная норма, закон.

Key words: value, logic, right, culture, social norm, law.

УДК 17.7

Культура понимается нами как совокупный способ и продукт человеческой деятельности. Культура – одна из форм бытия наряду с природой, обществом и человеком; каждая из форм бытия обладает духовной и материальной стороной. Человеческая деятельность направлена на все эти формы двояко: она отражает их и преобразует, создавая культуру. Отражение бытия существует в трех основных формах: ценностной, художественной и когнитивной (см. об этом работу М.С. Кагана «Философия культуры» [4]). Когнитивное отражение стремится к тому, чтобы исключить субъективный и, следовательно, ценностный фактор из сферы своих результатов – то есть сферы истины. Остальные формы отражения и преобразования бытия от этого аксиологического фактора не избавляются и не стремятся к этому. В одном случае ценность и объективный мир находят своего рода компромисс, в основе которого – объективный учет субъективных потребностей. Этот компромисс порождает мир материальной культуры, включая сюда весь комплекс вещей и телесных практик, формирующих психофизический тип человека. В другом случае ценность доминирует над миром объектов, что порождает две субъективные формы отражения бытия – религиозно-идеологическую и художественную, четко выражающую господствующий тип ценностей и ставящую этот тип под сомнение, провоцирующую ценностный поиск со стороны отдельного человека и общества в целом. Наконец, в третьем случае субъективная и объективная стороны уравниваются, и оказывается крайне сложно определить, какая из них доминирует. Это и есть интересующий нас мир социальной культуры, мир формализованных (фикси-

рованных) императивов (то есть легитимизированных законов и нелегитимизированной морали) и неформальных (устных) обычаев (то есть легитимизированных канонов и нелегитимизированной нравственности).

Анализ юридической практики и текстов законов разных стран и эпох убедительно показывает, что логические основания никогда не являются единственным источником их содержания. Логика всегда дополняется ценностным содержанием. Закон не существует как абстрагированная от общественной жизни категория культуры, он – часть культуры определенного времени и определенной социальной общности. Закон обслуживает интересы части общества и защищает одних его членов от других, он опирается на его традиции и представления о том, что является смыслом жизни человека, какова структура общества, каковы основные ценностные модели, определяющие отношение к природе, познанию, бытию в целом. Закон закрепляет формы социальной коммуникации, регламентирует телесные и духовные практики, запрещает и разрешает целые сферы культуры, причем не только в виде деятельности, но и в виде ее результатов (продуктов), порождая тот или иной тип поведения. Закон оказывается сложным синтезом рационального и традиционного, он включает в себя социальную норму, ценность, истину и пользу, понимаемую как в отношении к отдельному человеку, его телесному и духовному бытию, так и в отношении к целому обществу.

Исследование отдельных текстов законов, истории их содержания может открыть причины той или иной кажущейся сегодня казуистической нормативной модели, определяющей поведение человека, но зачастую эти причины с течением времени теряют актуальность, о них мало кто знает. Сам закон, если он не модернизируется, застывает как осколок прошлого, утративший с ним связь и, следовательно, рациональный смысл. Однако принятие новых законов или модернизация старых вновь и вновь восстанавливают утраченную рациональность. Таким образом, история законов – это двоякий процесс. С одной стороны, прослеживается их рационализация, постепенное выхолащивание всех ценностных оснований, наращивание логической составляющей, обуславливающей ту или иную социальную норму. Закон стремится опираться на науку, защищать только те интересы общества, которые рационально оправданы, но, конечно, такая тенденция не может иметь окончательного завершения и триумфа. Ценность не устранима из человеческого бытия, и ее невозможно нивелировать. Это обстоятельство отражается и на законодательной сфере жизни общества. Новые законы утверждают новые ценности или возвращаются к старым. С другой стороны, прослеживается выхолащивание логической составляющей закона, он приобретает характер своего рода предрассудка, утрачивая связь с целостной системой норм и ценностей прошлого. Модернизация мира социальной культуры может сильно опережать законодательное творчество, а в ряде стран, консервативно настроенных по отношению к любым инновациям, такое опережение оказывается особенно заметным.

Сегодня в Интернете существует целый список сайтов, на которых коллекционеры публикуют тексты нелепых законов. Совершенно очевидно, что когда-то, во времена их принятия, они казались совершенно очевидными с точки зрения здравого смысла или даже науки, однако постепенно этот смысл утратился и его можно восстановить только в результате специального исследования. Приведем несколько примеров с сайта «Смешные законы» [5]. В штате Огайо в одном доме нельзя проживать более чем пяти незамужним женщинам. В Калифорнии закон воспрещает целовать жаб. Первый закон вводился когда-то для того, чтобы бороться с проституцией, а второй – для того, чтобы бороться с наркоманией, поскольку жабы приобрели в соответствующем штате огромную популярность из-за своих мифических выделений, имевших якобы наркотические свойства. Сегодня подобные законы без соответствующих комментариев кажутся безумными, и они вряд ли применяются в юридической практике, однако консерватизм американской юридической системы, видимо, унаследованный от британской прародины (что иногда играет и весьма положительную роль), препятствует их упразднению. Однако некоторые законы объяснить не удастся. Вот, например, эти. В штате Айдахо мужчинам запрещено дарить своим возлюбленным коробки конфет массой

меньше 50 фунтов (около 15 килограммов); нельзя заниматься рыбалкой, сидя в это время верхом на верблюде; по воскресеньям нельзя кататься на каруселях. *Dura lex, sed lex* – закон суров, но это закон, и его следует соблюдать, а не обсуждать, как говорили древние римляне.

С другой стороны, новые законы тоже зачастую апеллируют к прошлому, опираются на древние ценности и традиции. Так, например, в нашей стране началась недавно дискуссия о том, чтобы отказаться в процессуальном законодательстве от принципа гражданской состязательности и вернуться к принципу объективной истины, то есть по сути дела упразднить различия между прокурорской и судебной деятельностью. Вот характерная цитата о том, что новый УПК РФ, основанный на принципе судебной состязательности и исключая суд как активную сторону из процесса доказывания по делу, должен быть изменен: «Вместе с тем в стороне от внимания разработчиков остались некоторые традиционные институты уголовного судопроизводства, доказавшие свою ценность и эффективность на протяжении многих лет. В первую очередь, это относится к объективной истине, выступавшей в качестве цели уголовно-процессуального доказывания» [1]. Этот вопрос относится к самому существу законоприменительной практики – концепции доказательства. Так что не только отдельные законы, но и сами принципы их функционирования зависят от ценностей и социальной моды на те или иные традиции.

М. Фуко в работе «Надзирать и наказывать» убедительно демонстрирует историко-культурный, то есть аксиологический характер как законодательных норм, так и складывавшихся на их основе практик социального контроля и насилия в Западной Европе, претендовавшей всегда – и небезосновательно – на то, что именно в рамках ее политических институтов вырабатывался закон, утверждающий ценности свободы, разума и человека. Однако западноевропейские ценности – это не универсальные логические категории, а локальные конструкции, возникшие в определенное время и в определенном месте [6]. Их простое транспонирование в иные культурные условия невозможно и приводит к самым непредсказуемым последствиям. В самой концепции наказания, характерной для западноевропейской правовой системы заложено противоречие, с которым пока не удается справиться. Тюрьма как основная форма наказания сменила пытки и казни прошлого, и она, конечно, демонстрирует гуманизацию европейского общества, поскольку отношение к преступнику – один из ключевых индикаторов гуманизации. Однако тюрьма все еще остается формой не только наказания, но и продуцирования преступлений и в этом своем качестве никак не может соответствовать каким-либо гуманизационным проектам. Тюрьма вносит значительный вклад в рождение рецидивистов, организованной преступности, социальных рисков непосредственного окружения преступника.

Постмодернистские концепции науки ставят под сомнение саму возможность рационализации какой-либо когнитивной практики человека, и с этим релятивизмом вряд ли можно согласиться, по крайней мере, в наиболее радикальном его варианте. Конечно, элиминировать ценности из научного дискурса, особенно когда он касается проблем человека, общества и культуры, невозможно, и необходимо учитывать их влияние, но это не отменяет и тот факт, что рациональное объяснение соответствующих проблем в принципе возможно. Практические когнитивные дискурсы, к каковым принадлежат медицина, право, педагогика и т.п., находятся в еще более сложном положении, чем наука в ее классическом теоретическом изводе. Тем не менее и здесь различение аксиологического и гносеологического компонентов возможно и необходимо для того, чтобы понять, в какой мере тот или иной дискурс или практика могут претендовать на рациональное или традиционное (культурное) обоснование.

Юридический дискурс – особая проблема гносеологического и аксиологического анализа. Как материальное, так и процессуальное право обладают логическими и ценностными компонентами, которые трудно отделить друг от друга. Исчерпывающее исследование такого рода на материале какой-либо системы права или вообще – сложная научная задача, однако ее можно решить, поскольку сформулирована она правильно. Цель подобного исследования в том, чтобы соотнести конкретные нормы права и ценностные установки культуры, взятые в

диахроническом и синхроническом срезам. Совершенно очевидно, что конструкция этих установок будет условной, и ее достоверность будет принята для подобного анализа права как аксиома, не требующая проверки, либо доказываемая в каком-то ином исследовании, выходящем за пределы ревизии системы права. Зная о том, какова ключевая ценность эпохи – экзистенциальный смысл жизни человека, какую модель человека, общества и природы формирует этот смысл, можно предпринять соотнесение различных слоев смысла текстов законодательства с этой моделью (подробный анализ структуры ценностной модели вообще и современной российской культуры в частности я предпринял в ряде своих работ – [2; 3]).

Ключевая категория любой системы права – категория доказательства. Принципы доказательства, типы доказательств, процесс доказывания – все это важнейшие юридические орудия, которые применяются в правовом процессе на всех его этапах. По сути дела, категория доказательства – это правила соотнесения закона и реальности социальных действий, своего рода мост между теоретическими и практическими сторонами юриспруденции. На первый взгляд кажется, что эта категория должна исключать ценностный аспект из своего содержания, даже название этой категории имеет не аксиологический, а сугубо когнитивный смысл. Однако, как и любая другая социальная категория, правовая категория доказательства не может быть лишена и в действительности обладает аксиологическим содержанием, которое можно выявить в ходе соответствующего исследования.

Для того чтобы это содержание стало отчетливо видимым, необходимо предпринять не просто анализ разделов законодательных кодексов российского права современного периода, посвященных категории доказательства, но провести предварительную работу по выявлению аналогичных аксиологических структур в истории российского права и в современном зарубежном законодательстве, в частности, в процессуальных кодексах уголовного и гражданского характера. Только в сравнении можно понять условный характер тех или иных правовых норм, кажущихся на первый взгляд незыблемыми и обоснованными всей мощью универсальной логики. На поверку многое оказывается результатом социально-культурной традиции, то есть ценностных систем.

Анализ аксиологического содержания законов – это не просто праздный научный опыт, он позволяет понять связь системы права с целым культуры, которая порождает законы и изменяет их. Он позволяет выявить перспективы развития права, его устаревшие и лишившиеся смысла нормы, он позволяет лучше понять саму природу права, его эффективность и границы применения, его связь или – наоборот – противоречие со складывающимся социальным и культурным бытием. Ни для кого не секрет, что одно только наличие закона и даже подзаконных актов, подробно регламентирующих характер его применения, не гарантирует предотвращение преступлений и начало правопорядка. Необходимо, чтобы закон уважали, чтобы он из безразличной и даже неведомой нормы стал ценностью, идеалом, к которому стремится каждый человек. Аксиологическое исследование законов позволяет вскрыть интервал между ценностью и социальной нормой и преодолеть этот интервал, включив ценность в гносеологическое пространство права, создав условия для того, чтобы логическое и ценностное в законе не противоречили друг другу, а дополняли друг друга и усиливали.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бастрыкин, А. И. О возможности введения в УПК РФ института установления объективной истины [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sledcom.ru/blog/detail.php?ID=90815>.
2. Докучаев, И. И. Глобальный перформанс: контуры культуры XXI века / И. И. Докучаев // Вопросы культурологии. – 2011. – № 12. – С. 4-10.
3. Докучаев, И. И. Ценность и экзистенция / И. И. Докучаев. – СПб.: Наука, 2009. – 595 с.
4. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1996. – 416 с.
5. Смешные законы [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakonu.net.ru/>
6. Фуко, М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / М. Фуко; пер. В. Наумов, под ред. И. Боровой. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.

Калугин В. А., Погарская О. С.
V. A. Kalugin, O. S. Pogarskaya

**ПРИНЦИП НЕОБХОДИМОСТИ И ДОСТАТОЧНОСТИ ЗНАНИЯ
ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ВУЗОВСКИХ ИННОВАЦИЙ**

**PRINCIPLE NECESSARY AND SUFFICIENT KNOWLEDGE
FOR REALIZATION OF UNIVERSITIES' INNOVATIONS**

Калугин Владимир Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления на предприятии (в городском хозяйстве) Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия, Белгород); 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85. E-mail: kalugin@bsu.edu.ru

Mr. Vladimir A. Kalugin – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Enterprise Management, Belgorod State National Research University (Russia, Belgorod); 85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: kalugin@bsu.edu.ru

Погарская Ольга Сергеевна – аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия, Белгород); 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85. E-mail: o.s.pogarskaya@gmail.com

Mrs Olga S. Pogarskaya - PhD Candidate, Belgorod State National Research University (Russia, Belgorod); 85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: o.s.pogarskaya@gmail.com

Аннотация. Обобщен зарубежный и отечественный опыт неудач инноваций в различных сферах экономической деятельности: машиностроение, автомобилестроение, фармацевция, IT-технологии. Выявлены два вида неопределенностей при получении экономической выгоды от результата научно-технической деятельности вуза: техническая и рыночная. На основании этого сформулирован и обоснован принцип необходимости и достаточности знания для его трансформации в радикальную инновацию (принципиально новые устройства, вещества, биотехнологическая продукция, программные средства; новая система управления; новая технология производства новой продукции или услуг и т.п.).

Summary. A foreign and domestic unsuccessful experience of innovations in various fields of economic activity: mechanical engineering, pharmacy, IT- technology are generalized. Two types of uncertainties of the economic benefits from the results of scientific and technical activities of the university: technical and market are identified. On that basis, it is formulated and proved the principle of necessity and sufficiency of knowledge for its transformation to radical innovations (completely new device or technology into new product (service), a new substance, biotechnological product, a new control system, a new software, etc.).

Ключевые слова: управление знаниями, потенциал коммерциализации, результат научно-технической деятельности, трансфер знаний и технологий, диффузия инноваций, ранняя стадия развития технологий.

Key words: knowledge management, the potential commercialization of scientific and technological activities, transfer of knowledge and technology, diffusion of innovations, the early stage of technology development.

УДК 336.14:352

В настоящее время в России активно проводятся масштабные инициативы по поддержке национальных исследовательских центров и университетов, кооперации вузов и предприятий реального сектора экономики, развитию инновационной инфраструктуры вузов. Популярная за рубежом модель инновационного развития (модель Тройной спирали), основанная на исследовании сложного взаимодействия трех основных составляющих: университеты – бизнес – власть (university – business – government), получила признание и в России [2]. Ключевым элементом этой модели являются именно университеты – не только в качестве звеньев системы высшего образования, но и как центры науки, призванные для решения целого комплекса новых, нетрадиционных для вузов задач, в том числе – формирование когнитивной знаниевой среды в университете, позволяющей последнему играть роль системного центра трансфера знаний, технологий и ценностей инновационной культуры, а также генератора интеллектуального капитала общества в целом.

Первичным выходом любых исследований и разработок являются произведенные новые фундаментальные и прикладные знания, оформленные в виде результата научно-технической деятельности (РНТД), важность и необходимость которого определяется его потенциалом коммерциализации. В практике системы поддержки исследований и разработок университетов наметилось постепенное смещение акцентов от «лучших из имеющихся» к «лучшим из нужных», что предполагает поддержку тех исследований и разработок, которые генерируют знания, нужные реальному сектору экономики. Ввиду этого прекращение коммерчески бесперспективных исследований и разработок позволит сэкономить значительные финансовые, интеллектуальные и другие виды трудновосполняемых ресурсов.

Как заметил М. Вейцман, важно не просто производить новые идеи, необходимо уметь превращать их в продукцию, пользующуюся спросом [4]. Однако большая часть инновационных проектов терпит неудачу, разработчики зачастую предлагают невостребованные рынком проекты либо не могут обеспечить выполнение запланированных результатов. Вместо прорывных инновационных проектов образуется огромное множество сырых и нереалистичных идей, из множества которых до получения патента доходят единицы, и, по статистике, лишь 3 из 100 патентов приносят доход [5, 6]. Так, не получив полный необходимый набор знаний на ранней стадии жизненного цикла инновации, весьма трудно, если вообще возможно, получить точные и достоверные результаты внешней экспертизы РНТД. Это подтверждают примеры из истории инноваций [3]:

Пример 1. В 1992 году компания Michelin заявила о грандиозной инновации, способной совершить переворот в мировой шинной индустрии: системе PAX, основанной на технологии run-flat («езда на спущенной шине»). В случае, когда такая шина могла спуститься, на ней можно было без проблем продолжать движение еще 200 км со скоростью 90 км/ч. Эти уникальные шины не добавляли автомобилю веса и не ухудшали его ходовых качеств. Чтобы воплотиться в жизнь, эта радикально новая технология требовала таких же радикальных перестановок в структуре компании Michelin. Разработка системы проверки давления в шинах, дизайна поддерживающего кольца колес и креплений была сложной задачей из области материаловедения, с которой компания Michelin справилась. В 1998 году система PAX была продемонстрирована миру, затем к процессу присоединились Honda и Nissan. Но в 2007 году компанией Michelin было официально объявлено о прекращении выпуска PAX. Обреченная на успех инновация обернулась огромными потерями усилий, времени и денег.

Причиной краха системы PAX стало то, что ее разработчик не придавал должного внимания проблемам, связанным с сервисной сетью (хотя они были предсказуемы). К моменту выпуска автомобилей с новыми шинами автосервисные предприятия еще не были оснащены необходимым оборудованием для ремонта или замены PAX. Таким образом, разработчики даже при внедренной инновации еще не обладали полными знаниями о готовности автосервисов закупать новое оборудование для обслуживания инновационных шин.

Пример 2. К 1999 году специалисты Nokia, как и все эксперты в этой отрасли (Ericsson, NEC, Samsung и Motorola), решили поставить на технологии мобильной связи 3G – третье поколение мобильных устройств, которое способно было передавать не только голосовые, но и потоковые данные.

Для этого компания Nokia должна была разработать новые алгоритмы обработки сигнала, новую схемотехнику для контроля потребляемой мощности, новый дизайн интерфейса и т.д. Все это она могла сделать самостоятельно. Но и от поставщиков Nokia требовалось создать новый набор микросхем, более емкую батарею, память и т.д. В 2002 году компания выпустила модель 6650, способную работать как в европейских, так и в азиатских сетях [4]. Им удалось превзойти Ericsson и опередить всех, выпустив этот новый продукт. Но оказалось, что компания совершила ошибку, недооценив риски, которые были связаны с инновацией. Nokia не учла, что успех их новейшего телефона нового поколения зависит в том числе от внедрения сопутствующих инноваций, которые еще только предстояло создать многочисленным партнерам. Ведь для адресной рассылки видеозаписей нужен не только смартфон, необходим также видеоконвертер для преобразования телевизионного формата в формат, приспособленный к размеру экранов телефона; нужны усовершенствованные базы данных и маршрутизаторы; необходимы технологии защиты авторских прав и т.д. Nokia это не учла.

Производитель 3G-телефонов должен был обладать знаниями не только о возможности выпуска аппарата третьего поколения, но и о способности сторонних производителей своевременно разработать для этого телефона сопутствующие продукты и дополнительные инновации.

Пример 3. На рубеже XX-XXI веков ведущие игроки фармацевтической отрасли занимались легочным инсулином для диабетиков. Благодаря ему пациент, больной сахарным диабетом, мог получать дозу лекарства не посредством укола, а с помощью ингалятора (похожего на те, какими пользуются астматики). Благодаря этой инновации прием инсулина мог стать менее болезненным и более удобным для больных диабетом.

К 2006 году после прохождения клинических испытаний и проведения исследования рынка, препарат Exubera компании Pfizer был одобрен Европейским агентством по лекарственным средствам (EMA) и Управлением по контролю за качеством пищевых продуктов и лекарственных препаратов США (FDA).

Правда, в своей резолюции FDA указало, что до начала лечения каждый пациент должен пройти тест легочных функций для проверки, что их легкие способны усваивать инсулин. Через шесть месяцев необходимо было сдать повторный тест, а в дальнейшем – сдавать его ежегодно. Эти ограничения не казались принципиально сложными, т.к. эти тесты проводились с помощью спирометра, а для врачей общей практики это не составляло проблемы.

Но план Pfizer основывался на том, чтобы первыми новый продукт опробовали специалисты-эндокринологи. Для врача общей практики спирометры – обычное оборудование, с помощью которого они проверяют пациентов на астму, но в эндокринологии эти аппараты не применяются. Поэтому специалист-эндокринолог должен был либо проходить дополнительное обучение, либо перенаправлять пациента к другому врачу, а затем назначать повторный визит, прежде чем начать лечение.

Очевидно, что совершенствовать нужно было способ внедрения [3]. Как и в примере 1 (с шинами gun-flat), была упущена из виду значимость сети автосервисов, так и здесь – компания, не обладая полными знаниями о способе внедрения препарата, не учла отсутствие возможности проведения теста легочных функций узкими специалистами. Однако между наличием у врачей общей практики и доступностью для эндокринологов оказалась огромная разница.

Пример 4. В последние годы в цементной промышленности наметилась тенденция к внедрению нового, высокоэффективного оборудования, позволяющего обеспечивать повышение длительности безремонтного периода цементных печей, тем самым значительно снижая затраты, связанные с простоем технологической линии при проведении профилактических работ. По результатам исследований российских ученых разработан и внедрён специ-

альный встраиваемый станок для восстановительной обработки бандажей и роликов цементных печей без остановки цементной печи. Такое оборудование с самого начала являлось значительной технологической новацией. Однако, как показали наблюдения, эксплуатация приравненных и встраиваемых станочных модулей сопряжена с рядом проблем, разрешение которых невозможно без комплексного изучения нестационарных процессов, сопровождающих обработку. После внедрения в производство этой инновации, потеря устойчивости и возникновение автоколебаний привели не просто к снижению качества обработки, но и к аварии (вследствие выхода из строя всего режущего инструмента и самого станка), парализовавшей работу всего производства на длительный срок.

Проведение натурных исследований в лабораторных условиях и в процессе обработки бандажа связано с трудностями, которые обусловлены особенностями работы печи и графиками их ремонта. Необходимо было проводить исследования на предыдущих этапах жизненного цикла этой инновации. Одним из эффективных методов исследования динамики встраиваемого станка могло быть использование математического моделирования на базе ЭВМ, которое позволяет сократить или даже совсем устранить дорогостоящие лабораторные и натурные испытания и аварии на производстве.

Причиной всех рассмотренных неудач инноваций, которые первоначально были обречены на успех, является отсутствие полноты знаний для каждой стратегии внедрения новой технологии на рынок. Всю совокупность перечисленных примеров, на наш взгляд, можно сконцентрировать в виде двух видов неопределенностей: технической и рыночной.

Инновационный цикл разработок не дает детального представления о том, что нужно делать с РНТД для того, чтобы наращивать его коммерческий потенциал. С целью решения этой проблемы, с нашей точки зрения, необходимо управление знаниями посредством комплементарного взаимодействия между различными «игроками», как в пределах цепочки создания стоимости, так и вне ее. Для согласования позиций различных игроков относительно единой для всех цели в условиях неопределенности внешних и внутренних условий и разнонаправленности векторов интересов, наиболее эффективными являются методы использования экспертного знания, позволяющие существенно повысить точность как оценочных, так и прогнозных моделей за счёт расширения круга рассматриваемых параметров, как количественных, так и качественных, что значительно позволяет приблизить модели к реальности.

На наш взгляд, принцип необходимости и достаточности знания позволяет повысить эффективность процедуры экспертизы проекта коммерциализации РНТД и снять техническую и рыночную неопределенности получения экономической выгоды. При этом оценка необходимости знания для конкретной инновационной стратегии вуза призвана снять техническую неопределенность получения экономической выгоды от РНТД, а принцип достаточности – рыночную.

В этой связи критическое значение приобретает обеспечение координации деятельности каждого университета и управление всем спектром их связей – внутренними (между различными R&D-службами) и внешними (с другими научными организациями, отдельными учёными) – с целью выявления и привлечения комплементарных знаний и компетенций извне, то есть тех знаний, которые способны дополнить собственную базу знаний университета, структурированную в соответствии с реализуемыми инновационными стратегиями.

Радикальные инновации могут быть в форме продукта или технологии, причём для создания нового продукта, как правило, достаточно одного РНТД, а для создания технологии – несколько, что предусматривает проведение дополнительных НИОКР. На наш взгляд, для того чтобы определить степень коммерческой привлекательности знания при реализации радикальной стратегии вуза, необходимо, прежде всего, произвести его экспертизу, оценив необходимость и достаточность имеющегося знания, его коммерческий потенциал уже на ранней стадии, провести анализ и корректировки с целью повышения шансов проекта по привлечению инвестиций и, наконец, реализовать комплекс корректирующих действий по повышению потенциала коммерциализации РНТД.

Оценка необходимости и достаточности знания для каждой из них представляет собой научную проблему. Для ее решения отечественному вузу необходимо:

- проводить экспертизу необходимости и достаточности знания (по соответствующим критериям) для его трансформации в радикальную инновацию посредством анкет, разработанных с увязкой к приоритетным направлениям конкретного вуза;
- определить по принципу комплементарности круг внутренних и внешних экспертов;
- организовать внутренние кластеры, относящиеся к предметным областям приоритетных направлений развития.

С целью преодоления барьеров для выхода вузовского знания на рынок необходимо применять эффективные метрики, по которым можно было бы упорядочить и сравнить разнородные проекты. Так, большую роль должен сыграть модельный инструментарий, который позволит учесть множество качественных факторов, влияющих на коммерческую значимость разрабатываемых в вузах инновационных технологий.

Таким образом, применение принципа необходимости и достаточности знания для его трансформации в радикальную инновацию и перечисленные критерии оценки потенциала коммерциализации РНТД на ранних стадиях объединяет одно – определение необходимости знания для конкретной инновационной стратегии вуза призвано снять техническую неопределенность получения экономической выгоды от РНТД, а принцип достаточности – рыночную. Проведения отдельного научного исследования требует развитие методологии и инструментария для проведения эффективной экспертизы проектов коммерциализации вузовских инноваций по принципу его необходимости и достаточности, а также становления системы трансфера знаний и новых технологий в ведущих университетах страны, с привлечением интеллектуальной собственности в оборот в реальном секторе экономики.

Многое зависит от того, насколько эффективно и последовательно удастся управлять разными частями инновационной системы, структура которых определяется следующим образом: идея → лабораторный макет → коммерческий образец → пробная серия → малая серия → серийное производство с модификацией продукта [1]. При том, что корректировка коммерциализации проекта должна происходить на каждом этапе, тогда инновации на ранних этапах смогут получить прибыль и создавать устойчивое конкурентное преимущество предприятию в процессе реализации проекта коммерциализации результатов научно-технической деятельности в вузах.

Выводы. Вопросы оценки проектов коммерциализации инновационных технологий являются сложными и требуют дополнительных исследований с целью формирования их надежной методологической и методической базы. Повышение требований к качеству и конкурентоспособности отечественной наукоемкой продукции также обуславливает необходимость разработки эффективных методов и инструментов, применяемых в процессе коммерциализации вузовских инноваций и активного их внедрения в экономический оборот на основе принципа необходимости и достаточности. Источником высоких доходов должно быть производство новых идей, технологий и социальных инноваций, обладающих достаточным потенциалом коммерциализации и реализуемых на инновационных предприятиях при вузах.

Дополнительного исследования требует разработка модельного инструментария, позволяющего оценить необходимость и достаточность знания для реализации стратегии радикальной инновации в вузе, удовлетворяющего важнейшим требованиям экспертиз РНТД, который позволяет оперировать как количественными, так и качественными критериями, влияющими на уровень научно-практической значимости инновации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калугин, В. А. Интегральная оценка коммерческого потенциала результатов научно-технической деятельности на основе методологии анализа иерархических структур / В. А. Калугин // Научные Ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2009. – Выпуск № 9 (64). – С. 31.
2. Погарская, О. С. Университетский трансфер технологий как ключевой фактор развития российской экономики знаний / О. С. Погарская // Международный научно-теоретический журнал «Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права». – 2013. – Выпуск 4 (48). – С. 504.
3. Adner, R. The Wide Lens: A New Strategy for Innovation / R. Adner. – Portfolio Hardcover (USA). – 2012.
4. Weitzman, M. Recombinant Growth / M. Weitzman. – Quarterly Journal of Economics. – 1998, May. – Vol. 113. – No 2.
5. Андрусов, А. Как наполнить звездами портфель инноваций / А. Андрусов, А. Ряпосов // Журнал National Business. – 2011. – № 03. – Режим доступа: <http://www.branan.ru/media/pubs/202/>
6. Ли Лиминь. Создание предпринимательских университетов как стратегия повышения конкурентоспособности услуг высшего образования (на примере КНР) / Ли Лиминь, М. М. Третьяков // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре гос. техн. ун-та. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2013. – № III-2(15). – С. 98-104. – Режим доступа: <http://www.uzknastu.ru/files/pdf/2013-15-2/98-104.pdf>

Лин О. В.
O. V. Lin

РАЗВИТИЕ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ФИНАНСОВОЙ РЕФОРМЫ КИТАЯ

THE DEVELOPMENT OF BANKING SECTOR THROUGH THE IMPLEMENTATION OF FINANCIAL REFORM IN CHINA

Лин Олег Винсинович – аспирант Института Дальнего Востока РАН (Центр социально-экономических исследований Китая) (Россия, Москва). E-mail: ferro_ignique@mail.ru

Lin Oleg Vinsinovich – PhD Candidate, Center for Social and Economic Development of China and East Asia, Institute of Far Eastern Studies under Russian Academy of Science (Russia, Moscow). E-mail: ferro_ignique@mail.ru

Аннотация. Современное состояние банковского сектора Китая переживает значительные перемены. Реализация финансовой реформы изменяет условия функционирования банковских структур. Либерализация процентных ставок и создание частных банков оказывает воздействие на состояние финансового сектора, который, в свою очередь, как показал последний мировой финансовый кризис, напрямую влияет на устойчивое развитие экономики в целом.

Summary. The current state of banking sector in China undergoes drastic changes. The implementation of financial reform alters the operational conditions of banks. Interest rate liberalization and the establishment of private banks affect the state of financial sector that in turn has a direct impact on sustainable economic growth in general as the latest global financial crisis revealed.

Ключевые слова: банковский сектор, финансовая реформа, устойчивое развитие, частные банки, либерализация процентных ставок

Key words: banking sector, financial reform, sustainable growth, private banks, interest rate liberalization

УДК 336.713

Экономические условия современного мира имеют обширную исследовательскую интерпретацию. Это относится к событиям в начале XXI в.: по причине негативного влияния на экономики стран мировой финансовый кризис выступает объектом научного исследования. Его частный аспект обнаруживает высокую степень взаимодействия стабильности финансовой системы и устойчивого развития страны в целом. Это позволяет утверждать, что не только экономический кризис может породить финансовый (см. прим. 1), но и финансовый кризис в состоянии выступить катализатором общеэкономических кризисных явлений. В этом контексте определяется актуальность и необходимость устойчивого функционирования финансовой сферы и ее ведущего звена – банковской системы.

В КНР сформировалась структура с доминирующим участием банковского сектора в области предоставления финансовых ресурсов для кратко-, средне- и долгосрочной реализации государственных и частных инициатив в реальном секторе [1, 39]. Финансовая реформа, поступательно реализуемая в Китае, способна частично обеспечить необходимые условия для роста экономики и вместе с этим несет в себе специфичные риски, развитие которых в состоянии повлечь за собой ее полную стагнацию.

Экономический рост Китая в последние годы стабилизируется и от сверхбыстрых темпов переходит к быстрым темпам развития. В 2013 г. ВВП Китая достиг 56,9 трлн юаней, его прирост составил 7,7 % по сравнению с показателем 2012 г. Индекс потребительских цен в 2012-2013 гг. сохранялся на уровне 2,6 % (см. прим. 2), что на 1,08 процентных пунктов

меньше общемирового показателя в 2012 г. Таким образом, в Китае была достигнута поставленная на 2013 г. задача по росту экономики (7,5 %), при этом сохранена покупательная способность юаня внутри страны. Объемы инвестиций, потребления и внешней торговли выросли за год на 20,3 %, 13,0 % и 7,6 % соответственно (см. прим. 3). Академией общественных наук был опубликован доклад, в котором прирост ВВП Китая в 2014 г. прогнозируется на уровне 7,85 %, индекс потребительских цен – 2,8 % (см. прим. 4). Эти данные о текущем и перспективном состоянии экономики Китая не подтверждают ранее высказанные опасения различных экспертных сообществ о «жесткой посадке» китайской экономики, которая сейчас постепенно снижает темпы экономического развития.

Банковский сектор в Китае, как показывает рост объема пассивов, стабильно растет: итоговая величина пассивов на балансах банков в IV квартале 2013 г. составила 151,35 трлн юаней (см. рис. 1) или 266 % ВВП. Темпы прироста данного показателя снижаются: в IV квартале 2013 г. прирост составил 13,27 % по сравнению с аналогичным периодом 2012 г., в IV квартале 2012 г. – 8,59 %. Замедляющийся рост банковских пассивов закономерно отражает общую экономическую ситуацию. Стоит отметить, что параллельное снижение показателей роста экономики и роста банковских активов непропорционально: экономика развивается медленнее, чем растет банковский сектор. Это обуславливает перераспределение денежных ресурсов из реального сектора в финансовый, в результате растет доля последнего и изменяется экономическая конъюнктура в стране. На данном этапе подобная тенденция в целом благоприятная и соответствует ориентации Китая на постиндустриальное (информационное) общество.

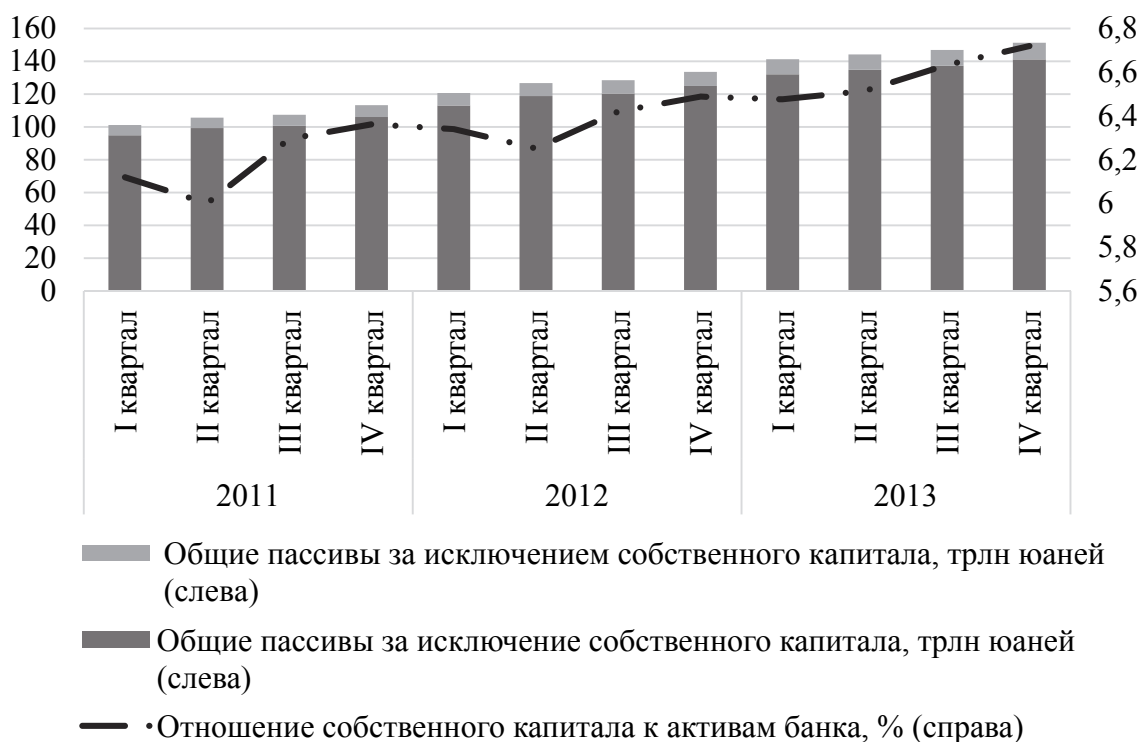

Рис. 1. Состояние банковского капитала в Китае

По ряду показателей – доле собственных средств в общем объеме банковского капитала, объему и соотношению кредитования и депонирования денежных средств, доле плохих долгов – банковский сектор Китая в целом стабилен с небольшими отклонениями от общемировых показателей, разница с которыми в определенной степени нивелируется специфичностью китайской экономики в положительную сторону.

Доля собственных средств в общем объеме банковского капитала в IV квартале 2013 г. составила 6,72 %, рост по сравнению с 2011 г. – на 0,36 процентных пунктов (см. рис. 1). Показатель ниже общемирового, последний составляет 10,1 % (см. прим. 5), однако при оценке стабильности стоит учитывать доминирующее положение государственного капитала в банковском секторе (только доля активов коммерческих банков под государственным управлением составила 44,05 % в III квартале 2013 г., которая не учитывает косвенную подконтрольность государству других банковских структур): в кризисных условиях будет обеспечиваться государственная поддержка системообразующих учреждений данного сектора [2, 107].

Наряду с общей достаточностью капитала другими показателями, характеризующими устойчивость банковского сектора страны, являются объем и соотношение кредитования и депонирования денежных средств. Объем привлеченных финансовыми учреждениями (банками, страховыми организациями, лизинговыми компаниями и другими) депозитов и выданных кредитов в 2013 г. увеличился более чем в 2 раза по сравнению с 2008 г. (см. рис. 2). Величина кредитов, предоставленных финансовыми организациями в 2013 г., составила 71,9 трлн юаней или 126,36 % ВВП. Таким образом, за пятилетний период (конец 2008 – конец 2013 гг.) рост показателя, характеризующего величину кредитных средств при расчете на 1 денежную единицу депонированных средств, составил 0,04 денежных единиц: с 0,65 до 0,69. Это свидетельствует о некотором снижении устойчивости банковского сектора с точки зрения достаточности привлеченных ресурсов для кредитования.

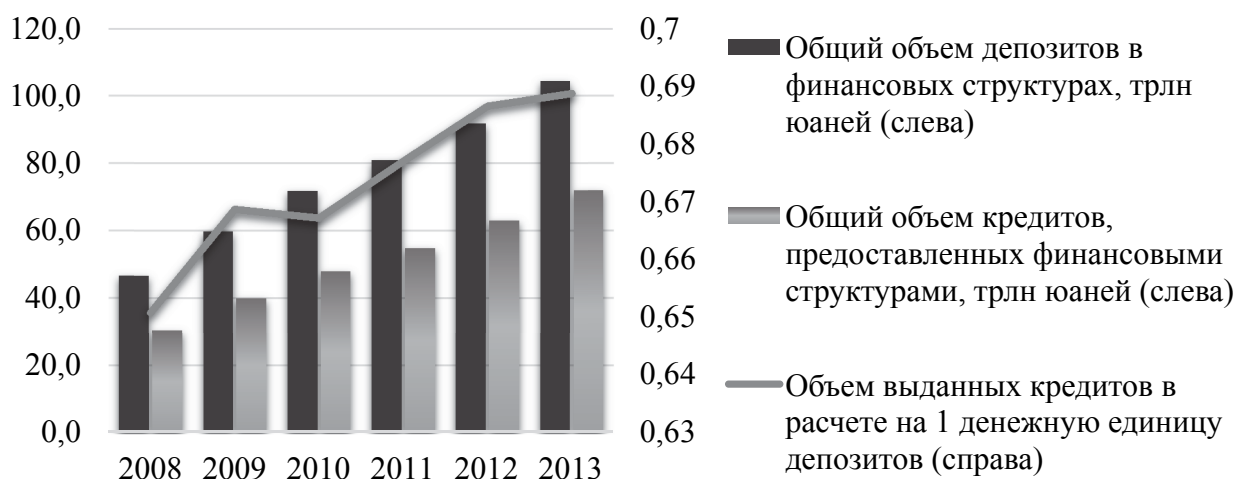

Рис. 2. Депозитные и кредитные операции финансовых структур в Китае

До 2011 г. в финансовой системе страны роль банковского кредитования была доминирующей. Несмотря на растущую роль китайского рынка ценных бумаг как источника привлечения ресурсов, финансовый рынок в Китае преимущественно остается долговым и основную роль в финансировании экономики по-прежнему играют банковские структуры. В 2011-2013 гг. среднегодовые темпы прироста вновь выданных банковских кредитов в юанях составляли 10,28 %. Их общий объем в 2013 г. достиг 9,5 трлн юаней или 16,7 % ВВП. Параллельно с ростом объема кредитов изменилась структура кредиторов: если в 2012 г. 63 % от общего объема новых кредитов в юанях были выданы местными китайскими банками, то в 2013 г. основными кредиторами были крупные (43 %) и малые (29 %) китайские банки, осуществляющие операции по всей территории Китая.

Объем сделок на межбанковском рынке кредитования со сроком на 7 дней увеличился за аналогичный период на 3,83 % до 4,4 трлн юаней, что составляет 7,74 % ВВП (см. рис. 3). Однако коэффициент корреляции между объемом сделок и процентной ставкой на данном сегменте рынка низкий (10,57 %) и не отражает взаимосвязь «дешевые деньги – большие

объемы кредита», что свидетельствует о слабом взаимодействии цены денег с соотношением спрос-предложение. Объем сделок на межбанковском рынке кредитования со сроком на 1 день (овернайт) за период 2011-2013 гг. увеличился на 6 % до 29 трлн юаней (62,42 % ВВП), при этом коэффициент корреляции (-50 %) позволяет проследить более сильную взаимосвязь. В целом по межбанковскому рынку кредитования в 2013 г. отмечается рост на 6,21 % до 35,5 трлн юаней (62,4 % ВВП) по сравнению с 2011 г. Данный показатель сопоставим с общим развитием экономики, что позволяет говорить о пропорциональном и относительно устойчивом росте операций на рынке межбанковского кредитования. Однако с учетом того, что характер волатильности процентных ставок свидетельствует о воздействии ряда нерыночных факторов на рынок, подобная тенденция в значительной степени зависит от денежно-кредитной политики Народного банка Китая, в том числе эффективности и интенсивности валютных интервенций.

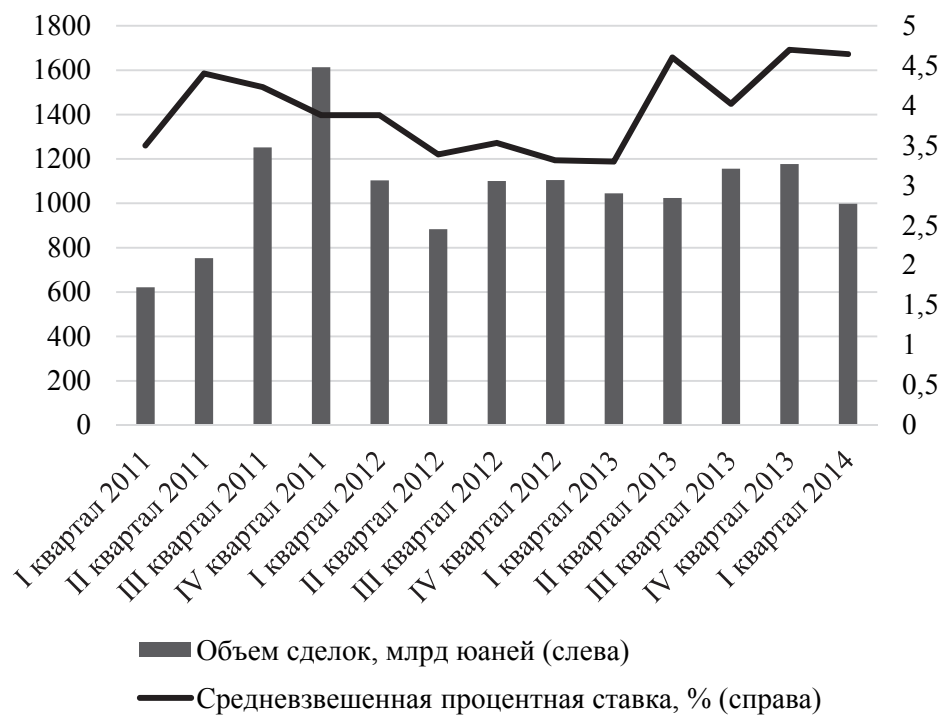

Рис. 3. Динамика объема сделок на межбанковском рынке по 7-дневным кредитам в Китае

Состояние кредитного рынка улучшилось после проведения реформы. Реорганизация банков «Большой пятерки» (Промышленно-торговый банк Китая, Строительный банк Китая, Банк Китая, Сельскохозяйственный банк Китая, Банк путей сообщения) выступила предпосылкой для уменьшения «плохих» долгов [2, 108-109], доля которых за 2003-2009 гг. снизилась более чем в 8 раз до 2 % от общего объема кредитного портфеля этих банков [3, 6]. В 2009 г. доля невозвратных долгов в общем объеме кредитов в целом по коммерческим банкам Китая составила 1,8 % (2003 г. – 17,4 %), в иностранных банках – 1 %. Плохие долги «Большой пятерки», главным акционером которых в настоящее время является государство, в 2013 г. составили 46,83 млрд юаней (7,6 млрд долларов США), по сравнению с 2012 г. их объем вырос более чем в 4 раза. Чистая прибыль данных банков в 2013 г. достигла 870 млрд юаней (140 млрд долларов США), превысив 60%-й долевой вклад в объем прибыли банковского сектора Китая. Параллельно с этим удельный вес невозвратных кредитов в общем объеме банковских кредитов достиг своего двухлетнего максимума – 1 % (см. прим. 6). Высокий удельный вес прибыли, сконцентрированный государственными банками, а также доля их «плохих» долгов не отвечают требованию по устойчивому рыночно-

ориентированному развитию банковского сектора. В случае с частными банками ответственность за их деятельность несут акционеры банка (частные лица или коммерческие организации), а с государственными – преимущественно население страны.

Растущая потребность банковского сектора в распределении ответственности между частными и государственными банками прослеживается в исследованиях зарубежных ученых и экспертов. Исследователями из Индианского университета Саут-бэнд (США) и университета Джорджа Вашингтона (США) выполнен эмпирический обзор показателей банковского сектора Китая за первое десятилетие XXI в. [4], в том числе ими подчеркивается, что после вступления Китая в ВТО в данном секторе сложилась положительная тенденция. В исследовании критерием оценки эффективности банковской деятельности выступает способность банка преобразовать определенный объем исходных параметров (основные средства, депозиты, акционерный капитал) в максимально возможные значения конечных параметров (прибыль, кредиты) или достигнуть определенного объема конечных параметров при использовании минимального объема исходных параметров. В результате исследования было установлено, что китайские банки в целом (за исключением «Большой пятерки») эффективнее выдают кредиты, чем генерируют прибыль (в силу ориентации на инвестиционное развитие экономики и поддержание внутреннего спроса). На основе сбалансированного использования двух параметров (кредитов и прибыли) при оценке эффективности лидирующие позиции «Большой пятерки» переходят к акционерным банкам [4, 161].

Таким образом, переход на рыночные способы функционирования в ходе реформирования банковского сектора, в том числе создание системы страхования вкладов, либерализация процентных ставок, учреждение частных банков, оценивается автором положительно. В основе этого утверждения лежит как оценка текущей эффективности исходя из объема прибыли и предоставленных кредитов, так и потенциальное изменение структуры банковского капитала и активов, включая долю собственного (государственного и частного) капитала, соотношение объемов кредитных и депозитных операций, удельный вес «плохих» долгов. Основным ориентиром в ходе поступательной реализации основных этапов реформ банковского сектора остается соблюдение универсальных условий кредитных отношений – срочности, платности и возвратности кредита. В этом контексте происходит переоценка роли частного банкинга, осознание необходимости его постепенного развития.

В Китае будут созданы 5 новых банков, учредителями которых выступят частные инвесторы. Они будут функционировать в рамках пилотной программы в пределах Шанхая и Тяньцзиня, а также Гуандуна и Чжэцзяна. У каждого банка будет не менее двух учредителей. В качестве основных учредителей выступают крупнейшие китайские компании, такие как «Тенсент» и «Алибаба»; вторая собирается провести процедуру IPO на фондовой бирже в США. Участие также примут небольшая частная авиакомпания «Чжунь Яо», конгломерат «Фосун», осуществляющий разные виды деятельности (от недвижимости до фармацевтики), производитель электрооборудования «Чинт Электрикс Ко» (см. прим. 7). Надзорные требования к этим банкам не будут отличаться от предъявляемых к крупнейшим государственным банкам, однако их деятельность будет акцентирована на финансировании малых и средних частных предприятий. Параллельно с этим в рамках финансовой реформы через один-два года будут отменены максимальные процентные ставки по депозитам в банковских структурах. Ожидается создание системы страхования вкладов уже в 2014 г.

Частные инвестиции насчитывают менее 12 % от общего объема капитала в банковском секторе Китая, остальная часть контролируется государством. Китайский банк «Миньшэн» на 41 % сформирован за счет средств частных инвесторов, что позволяет отнести его к разряду частных банков. Однако по отношению к нему проводится жесткая политика в области банковского надзора, а высшие звенья управленческого персонала назначаются или утверждаются Коммунистической партией Китая.

В последние годы положительные тенденции по либерализации банковского сектора приобретают более четкие очертания. Особенно важным становится не скорость ее проведе-

ния, а надлежащее обеспечение условий, в которых будут соблюдены не только задачи по развитию экономики страны, но и защищены интересы частного бизнеса, а также вкладчиков и налогоплательщиков. Одна из подзадач в этом направлении – создание системы страхования вкладов.

Переход на рыночные механизмы регулирования носит конструктивный характер при совместном государственном участии в экономическом развитии различных секторов страны, параллельно с этим необходимо соблюдение соразмерности роста экономики и банковского сектора, особенно если сектор представлен в основном подконтрольными государству банками. Появление частных банков создаст предпосылку для осмотрительного инвестирования, при осуществлении которого сохраняется ответственность частных учредителей и исключается государственный элемент как защита от кредитных и рыночных рисков. Наряду с этим создание частных банков позволит снизить долю теневого банкинга, в том числе объем доверительных корпоративных кредитов. Возрастет роль банковского надзора в области предусмотрительной кредитной политики, так как вновь созданные частные банки в состоянии отдать предпочтение более агрессивным стратегиям по привлечению вкладчиков совместно с агрессивной кредитной политикой в условиях либерализованных процентных ставок. Поступательность реализации отмеченных направлений в рамках финансовой реформы страны позволит заложить рыночные условия функционирования кредитного рынка и выступит залогом устойчивости экономики в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахрушин, И. В. Фондовый рынок КНР / И. В. Вахрушин. – М.: ИДВ РАН, 2013. – 336 с.
2. Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России / отв. ред. Л. В. Новоселова. – М.: Учреждение Российской академии наук Институт Дальнего Востока РАН, 2008. – 256 с.
3. Herd, R.; Hill, S.; Pigott, C. China's Financial Sector Reforms. OECD Economics Department Working Papers No. 747. – 46 p.
4. Yin, Haiyan; Yang, Jiawen; Mehran, Jamshid. An Empirical Study of Bank Efficiency in China after WTO Accession. *Global Finance Journal*, 2013, 24. – Pp. 153-170.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Под экономическим, в первую очередь, имеется в виду кризис, затрагивающий воспроизводственную сферу.
2. Отчет об исполнении денежно-кредитной политики Китая за 4 квартал 2013 г. (Чжунго хуоби чжэнцэ чжисин баогао). Режим доступа: <http://www.pbc.gov.cn>.
3. Информационный сервер «China.org.cn». Режим доступа: <http://russian.china.org.cn>.
4. Полная информация содержится в статье: «В отчете Академии общественных наук рост экономики Китая в следующем году прогнозируется на уровне 7,8 %» («Шэхуэйюань баогао юцзи миннянь чжунго цзинци цэнсу вэй 7,8 %»). Режим доступа: <http://finance.people.com.cn>.
5. Данные Всемирного банка по коэффициентам, характеризующим отношение банковского капитала к активам (Bank capital to assets ratio). Режим доступа: <http://data.worldbank.org>.
6. Where Are the Big Five Headed? *Beijing Review*, 17 April, 2014, № 16. Режим доступа: <http://www.bjreview.com>.
7. China Opens Door to Private Banks. *Financial Times*. Режим доступа: <http://www.ft.com>.

Плоткина А. Р.
A. R. Plotkina

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПЛАНИРОВАНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ
ПРЕДПРИЯТИЙ**

**METHODOLOGICAL BASES OF PLANNING DEVELOPMENT EFFECTIVENESS
OF RUSSIAN INDUSTRIAL ENTERPRISES**

Плоткина Анна Рафаиловна – кандидат экономических наук, профессор, заведующая кафедрой антикризисного управления и оценки собственности ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права» (Россия, Хабаровск); 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 134; 8 (4212) 56 58 63, 8 914 770 95 08. E-mail: auos@mail.ru, annarpl@mail.ru.

Ms. Anna R. Plotkina – PhD in Economics, Professor, Head of the Department of Risk Management and Property Evaluation, Khabarovsk State Academy of Economics and Law (Russia, Khabarovsk); 680042, Khabarovsk, 134 Tikhookeanskaya Str.; + 7 (4212) 565863, +7-914-7709508. E-mail: auos@mail.ru, annarpl@mail.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены методы и технологии стратегического планирования, которые представляют собой методологические основы системы планирования эффективности развития промышленных предприятий в России.

Summary. The paper describes the methods and techniques of strategic planning that form a methodological framework for performance management systems at industrial enterprises in Russia.

Ключевые слова: промышленное предприятие, стратегическое планирование, цель, задачи, методы и технологии принятия решений.

Key words: industrial enterprise, strategic planning, goal, objectives, decision-making methods and techniques.

УДК 338.45

Стратегическое планирование в общем виде представляется в качестве динамической совокупности следующих последовательных этапов:

- стратегический анализ;
- постановка целей;
- выбор и обоснование преимуществ над конкурентами;
- формирование стратегии;
- составление планов и программ на будущее;
- оценка и контроль выполнения планов промышленного предприятия.

Таким образом, перед началом планирования необходимо проведение комплексного системного стратегического анализа в тех сферах деятельности промышленного предприятия, которые являются ключевыми для его развития. В связи с этим следует определить методологию выбора стратегических направлений развития предприятия, что отражено на рис. 1.

Как подчеркивают зарубежные специалисты, первым и самым важным шагом на пути к корпоративному планированию, предопределяющим всю дальнейшую работу по систематической разработке планов компании, является четкое определение миссии и постановка стратегических целей предприятия [2]. Влияние взаимодействия стратегического и оперативного планирования деятельности предприятия на выбор стратегии управления развитием является комплексным, поэтому и планы, разрабатываемые промышленным предприятием в системе внутреннего планирования, являются взаимосвязанными.

По нашему мнению, целью разработки взаимосвязанной и полностью сбалансированной системы перспективных, текущих и оперативных планов деятельности любого промышленного предприятия является решение *триединой ключевой задачи* – *оптимизации работы предприятия, достижения его финансовой устойчивости и формирования затрат на производство, обеспечивающих бездефицитный бюджет и самофинансирование его развития*. Управление и, следовательно, разработка сбалансированной системы перспективных, текущих и оперативных планов деятельности предприятия рассматриваются нами как стремление к оптимизации состояния, а не только к максимизации интегрального показателя (стоимости) компании. Следовательно, осуществление этой более чем сложной целевой установки в свою очередь требует выполнения как минимум двух не менее сложных задач.

Рис. 1. Выбор стратегического направления развития предприятия

Первая задача – это прохождение дополнительных этапов планирования, таких как разработка планов, реализация планов, а также оценка и контроль над новой и принимающей в условиях рынка особое значение стадией, предшествующей процессу разработки планов, – анализом внешней среды. Анализ внешней среды, или рынка, основан на изучении рынков сбыта, конкурентов, себестоимости аналогов производимой продукции, рыночных цен на данную продукцию, обеспечения сырьем, сильных и слабых сторон предприятия применительно к изменениям рынка и т.д.

Вторая задача – обеспечение комплексной автоматизации и компьютеризации процесса внутрикорпоративного планирования, что в условиях масштабности промышленного предприятия представляет особую значимость, т.к. в век компьютеризации эффективность планирования на предприятии обеспечивается использованием вычислительной техники.

Важна роль планово-аналитического отдела предприятия, который главной задачей ставит перед собой создание наиболее продуманного и рентабельного комплексного плана деятельности предприятия. Для выполнения этой задачи необходима четкая взаимоувязка трех основных составляющих комплексного плана: производственной программы, плановых заданий по объему продаж и плана расходов денежных средств [2]. Обеспечение этой увязки достигается за счет применения методологии функционально-стоимостного анализа при осуществлении комплексного планирования.

Среди методик функционально-стоимостного анализа выделяют следующие:

- развитие технологической базы предприятия с целью создания конкурентного преимущества (амортизационные отчисления на приобретение инновационного оборудования, что обеспечивает модернизацию производства);

- технологические и научные разработки, позволяющие оптимизировать производственные процессы;
- проработка новых сегментов рынка, поиск новых клиентов, расширение производственной линейки;
- снижение издержек на топливо, электроэнергию, газ за счет энергосберегающих технологий, достижение особых договоренностей по логистическим тарифам благодаря особым менеджерским решениям;
- проведение тендеров на приобретение необходимого для производства сырья для достижения наиболее выгодных предложений;
- оптимизация использования сырья, достижение безотходного производства;
- проработка системы концентрированного расположения однотипных производств, что позволяет оптимизировать себестоимость производства;
- формирование кадрового состава предпочтительно полинаправленными специалистами, выполняющими разные функции, что позволяет оптимизировать затраты на персонал;
- разработка мотивационной программы персонала, аккумулирующей способности и знания сотрудников, что в итоге приводит к большей производительности.

При работе производственного предприятия в условиях рыночной экономики основным направлением его хозяйственной деятельности становится система постоянного контроля, призванного оперативно отслеживать на этапах производства возникающие потери и позволяющего корректировать действия управляющих органов, чтобы сгладить эти издержки и добиться выполнения плана.

Широко используется при составлении плана развития промышленного предприятия анализ осуществляемых менеджерами стратегических действий. Стратегическими признают такие действия, как:

- имеющие направленность на какую-либо цель;
- волевые, связанные с движением к цели, даже если на пути этого движения встречаются препятствия;
- приводящие к существенным изменениям, призванные преобразовывать ресурсы в результаты.

Анализ деятельности менеджеров призван показать, насколько эффективны их действия по достижению целей заинтересованных лиц (акционеров с одной стороны и потребителей – с другой). Для достижения этих целей (т.е. для совершения стратегических действий) управленцам необходимо осваивать новые виды продукции, методы контроля ее качества, подбора персонала, вырабатывать системы мотивации и т.д.

Стратегия предприятия формируется за счет интересов стейкхолдеров. Способствуют такой ориентированности оптимизация бизнес-процессов внутри организации, которые обеспечивают наилучшее воплощение в жизнь предложения желаемого качества; выявление преимуществ перед конкурентами; инновационная деятельность по внедрению новых технологий; пиар-деятельность, повышающая лояльность клиентов; поддержание климата внутри предприятия, способствующего повышению производительности труда и высокому качеству выполнения работ.

В целом, стратегическое планирование направлено на приведение в соответствие целей предприятия, его потенциальных возможностей и места, которое оно занимает на рынке.

При стратегическом планировании на предприятии используются несколько математических методов принятия решений. Среди основных можно выделить метод выборочных моментов, метод анализа иерархий и метод идеальной точки. Самым популярным методом выбора предпринимательской системы является метод анализа иерархий.

Данный метод подразумевает вычленение элементов, описывающих суть проблемы выбора, и представление их в виде иерархии, т.к. решение проблемы есть процесс поэтапного установления приоритетов [3]. Проблема разбивается на простые составляющие, а далее лицо, принимающее решение, производит парные сравнения этих элементов либо используются

количественные показатели. Таким образом, выражается степень влияния одной части проблемы на другую, впоследствии данные взаимосвязи выражаются количественно.

Построение иерархии начинается с целей развития предприятия, продолжается промежуточной ступенью критериев, в зависимости от которых выстраивается следующий (последний) уровень – перечень альтернатив. В конечном итоге мы имеем обобщенные показатели предпочтительных рассматриваемых альтернатив при принятии управленческих решений на этапе стратегического планирования на промышленном предприятии.

Наиболее распространенный в сфере управленческих решений логический метод – это метод, называемый «дерево решений». Он заключается в представлении управленческой проблемы в виде схемы, в которой представлены цепочки взаимосвязей между решениями и последствиями этих решений. Этот метод чрезвычайно удобен при принятии последовательных решений, в рамках которых одно решение влияет на несколько других.

Что касается эвристических качественных методов, то среди них выделяют методы сбора вербальной информации, письменной информации и промышленный шпионаж. Последний метод, по понятным причинам, применяется редко, а сбор вербальной информации происходит постоянно и даже непроизвольно, т.к. она легкодоступна и связана с изменениями внешней среды. Такая информация поступает из непечатных СМИ, совещаний, конференций, от потребителей и консультантов рынка, но она нередко может оказаться неточной и изменчивой. Письменная информация, хотя она и закреплена в отчетах предприятия, а также аналитических статьях профильных газет и журналов, также обладает этими недостатками.

Экспертные качественные методы решения задач управления заключаются в обращении к экспертам отрасли за их квалифицированным мнением. Первый из этих методов называется «метод жюри» – это аккумуляция мнений экспертов смежных сфер, известная разновидность такого метода – «мозговой штурм». Часто менеджеры промышленных предприятий обращаются к мнению работников сферы сбыта продукции, т.к. именно они осведомлены в полной мере о потребностях клиентов предприятия.

Также можно получить усредненное мнение потребителей через построение модели ожиданий клиентов. Специалистами по социологии проводится специализированный опрос среди потребителей предприятия.

Но не всегда руководители и топ-менеджмент промышленного предприятия принимают решения, опираясь на логику, математические методы или мнения экспертов. Выделяют также психологический вид качественных методов принятия решения. Зачастую такие решения обладают спонтанностью, поэтому они варьируются от интуитивных решений до решений, основанных на суждениях. Интуитивные решения принимаются руководителями промышленных предприятий на основании их собственных ощущений и представлений о правильности и неправильности, они не принимают во внимание вероятностные варианты развития событий, не оценивают их, не разбираются в ситуации.

Более прозрачна логика решений, которые принимает ответственное лицо, опираясь на собственные знания и опыт (т.е. решений, основанных на суждениях). Менеджер промышленного предприятия, суммируя свои знания о том, к каким результатам приводили те или иные решения, пытается спрогнозировать, как будут развиваться события в данной ситуации, и далее исходя из этого принимает решение. Положительной стороной данного метода является то, что многие ситуации действительно похожи, и можно даже построить некоторые закономерности их возникновения и развития, а значит метод позволит сократить временные затраты на принятие решения, т.к. руководитель промышленного предприятия чаще всего не нуждается в погружении в детали ситуации. Негативная сторона метода заключается в том, что базовая информация может быть субъективной и искаженной; также данный метод не применим в абсолютно новых ситуациях.

Если сравнивать стратегическое планирование в России с планированием в западноевропейских странах, то можно сделать вывод, что пока в нашей стране не накоплено достаточно опыта управления промышленными предприятиями в условиях рыночных отношений.

Это касается не только государственных промышленных предприятий, но и частных. К тому же, правовая база постоянно меняется, принимаются новые законы относительно налогообложения, что препятствует долговременному планированию, каким является стратегическое планирование развития промышленного предприятия.

Что же касается менеджеров и руководителей промышленных предприятий, обладающих большим опытом управления, то здесь тоже необходимо отметить некоторые проблемы. Хотя директора промышленных предприятий России и имеют большой опыт, все же у них отсутствует научная база управления в условиях рыночных отношений. Большую часть времени они работали по командно-административной системе с государственным регулированием, потому они не привыкли к самостоятельному планированию, самостоятельному принятию стратегических решений. Топ-менеджмент предприятия зачастую не владеет научными методами стратегического планирования.

На основании проведенного исследования можно суммировать сведения о самых востребованных методах и технологиях и представить в наглядном графическом виде методологию стратегического планирования развития предприятий в России (см. рис. 2).

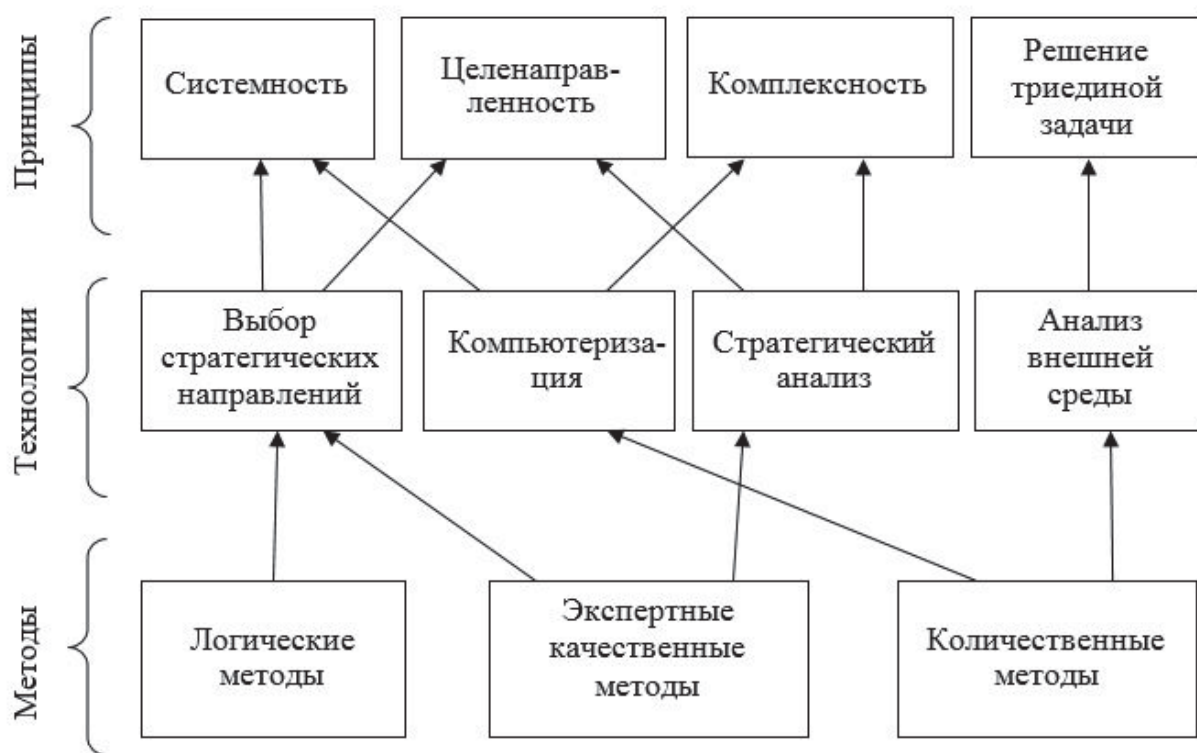

Рис. 2. Методологические основы системы планирования эффективности развития промышленных предприятий в России

Таким образом, раскрыв методы и технологии стратегического планирования развития промышленных предприятий, автором представлены методологические основы системы планирования эффективности развития промышленных предприятий в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтухов, П. Л. Методические положения по выбору стратегии управления развитием предприятия // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2008. – Т. 1. – № 4. – С. 124-132.
2. Мескон, М. Основы менеджмента / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури; пер. с англ. – М.: Дело, 2002. – 704 с.
3. Стратегическое планирование развития промышленности: теория и инструментарий / под ред. А. В. Бабкина. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2013. – 432 с.
4. Яковлева, Т. А. Макроэкономическое планирование и прогнозирование : учеб. пособие / Т. А. Яковлева, О. С. Джулай. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2013. – 79 с.

Разумовская М. И.
M. I. Razumovskaya

ОЦЕНКА ПОТРЕБНОСТИ ЭКОНОМИКИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ В ТРУДОВЫХ РЕСУРСАХ

ESTIMATE OF KHABAROVSK KRAI ECONOMY NEEDS IN HUMAN LABOURES

Разумовская Марина Ивановна – доктор экономических наук, профессор, Хабаровская государственная академия экономики и права (Россия, Хабаровск); 680042, г. Хабаровск, 134. E-mail: razumno@ael.ru.

M. I. Razumovskaya – Doctor of Economics, Professor, Khabarovsk State Academy of Economics and Law (Russia, Khabarovsk); 680042, Khabarovsk, 134 Tikhookeanskaya Str. E-mail: razumno@ael.ru.

Аннотация. В работе представлены результаты оценки потребности экономики Хабаровского края в трудовых ресурсах. Расчёты осуществлены по данным статистики и панельных опросов руководителей организаций. В работе показано как в среднесрочной перспективе изменились суждения руководителей организаций о текущей и перспективной потребности в трудовых ресурсах.

Summary. The paper presents the results of the estimates of Khabarovsk Krai economy needs in the human laboures. Current estimates are based on the statistics data and panel survey data of heads of organizations. The paper introduces the mid-term changes in perception of organizations' heads about the current and future demand for human laboures.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, экономика Хабаровского края, оценка потребности в трудовых ресурсах, численность работников.

Key words: human laboures, Khabarovsk Krai economy, estimate of the need in human laboures, number of employees.

УДК 331.5

Потребность в трудовых ресурсах предстает как нужда субъектов системы отношений «индивид – работодатель» в том, чтобы иметь все необходимое для жизнедеятельности. Поскольку проявляется она как объективное соотношение между необходимым и тем, что имеется в наличии, то можно говорить об удовлетворенной потребности и неудовлетворенной потребности.

Как известно, удовлетворенная потребность работодателей в трудовых ресурсах оценивается на основе статистического индикатора «среднесписочная численность работников». На массиве данных 2004 – 2012 гг. динамика темпов ее роста для России и Хабаровского края представлена на рис. 1 (см. прим. 1). В целом по стране среднесписочная численность работников снизилась почти на 7 %: с 49,1 до 45,9 млн чел. В экономике Хабаровского края ее падение было с 563,8 до 540,3 тыс. чел., то есть немного более 4 %. Распределение трудовых ресурсов России и Хабаровского края по видам экономической деятельности в 2004 – 2012 гг. представлено в табл. 1 (см. прим. 1). Наблюдаемые изменения объемных и структурных характеристик трудовых ресурсов сформированы, как известно, в ходе совместного и продуктивного использования факторов производства.

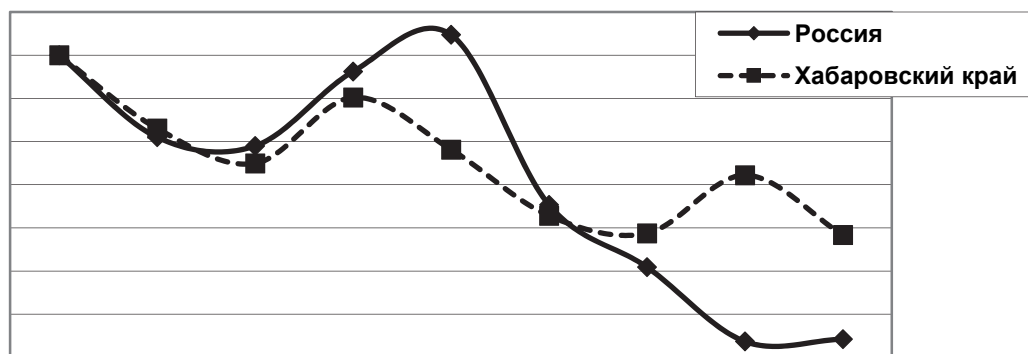

Рис. 1. Темпы роста численности трудовых ресурсов (среднегодовая численность работников) в России и Хабаровском крае в 2004 – 2012 гг., в % к 2004 г.

Таблица 1

Распределение трудовых ресурсов России и Хабаровского края по видам экономической деятельности в 2004 – 2012 гг.

Показатель	Среднегодовая численность работников					
	Россия			Хабаровский край		
	2004	2008	2012	2004	2008	2012
Всего, тыс. чел.	49130,0	49362,9	45898,4	563,8	551,5	540,3
Всего, %	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, %	7,0	4,6	4,0	5,9	3,9	2,7
Рыболовство, рыбоводство, %	0,2	0,2	0,1	0,7	0,5	0,7
Добыча полезных ископаемых, %	2,1	2,0	2,0	2,8	2,2	1,8
Обрабатывающие производства, %	20,2	18,5	16,6	15,3	12,9	11,8
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды, %	3,8	3,7	4,0	4,9	3,9	4,1
Строительство, %	5,8	6,7	6,2	6,7	7,3	7,8
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, %	9,2	11,5	11,7	9,7	12,9	11
Гостиницы и рестораны, %	1,6	1,6	1,8	1,8	1,2	1,5
Транспорт и связь, %	8,5	8,4	8,4	12,4	11,9	10,8
Финансовая деятельность, %	1,6	2,1	2,4	1,3	2	2,3
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг, %	8,7	9,0	10,3	7,7	8,1	10,4
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, обязательное социальное обеспечение, %	6,9	7,4	7,7	8,8	10,4	11,5
Образование, %	12,1	11,6	11,5	11,2	10,8	10,7
Здравоохранение и предоставление социальных услуг, %	8,8	9,0	9,7	8,3	8,4	8,8
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг, %	3,5	3,7	3,7	2,7	3,5	4,2

Основываясь на неоинституциональной теории и математических моделях статистического оценивания, многие исследователи предпринимали и продолжают предпринимать попытки оценить неудовлетворенные потребности в трудовых ресурсах со стороны экономики государства и административных территорий в его составе, отдельных работодателей. И хотя разрабатываемый инструментарий оценивания умножился, немногим из них удалось получить удовлетворительное объяснение полученных результатов. По этой причине для оценки будущей потребности в трудовых ресурсах была предпринята попытка опереться на политическую экономию австрийской школы К. Менгера, О. Бем-Баверка, Ф. Визера. Ее характерные особенности отметил В. С. Автономов [1, 186-188]:

- последовательный и бескомпромиссный субъективизм;
- строгий методологический индивидуализм;
- дискретность анализа;
- критическое отношение к возможностям математической экономики;
- рассмотрение экономики как процесса, происходящего в реальном времени.

Напомним, что названная выше эволюционная школа экономической мысли начала свою историю в XVI в., когда в Испании представители Саламанской школы формировали концепцию спонтанного порядка человеческого сотрудничества [2]. В соответствии с ней и в отличие от неоклассической теории, теоремы не проверяются эмпирическими данными. Дедуктивным путем такие теоремы выводятся из априорных положений человеческой деятельности, лежащих в основе наблюдаемых явлений.

Настоящее исследование началось со следующей предпосылки: способы адаптации работодателей к окружению и изменения своего окружения имеют характер как осознаваемых, так и неосознаваемых действий в вопросах формирования и использования трудовых ресурсов. Выразить такие процессы в измеримых показателях, по нашему мнению, можно исключительно путем обследования хозяйствующих субъектов, предоставляющих работу на определенной административной территории

С целью выявления и оценки потребности экономики Хабаровского края в рабочих и служащих руководителям организаций или их кадровых служб было предложено заполнить анкету, где процедура «вопрос-ответ» регламентирована. Первая часть анкеты содержала вопросы об организационно-правовой форме собственности хозяйствующего субъекта, сферах его основной и дополнительной деятельности, административной территории функционирования, а также о текущем обеспечении работниками. Вторая часть анкеты позволила получить информацию о причинах дефицита или избытка работников в связи с реализацией запланированных работодателем мероприятий оперативного и стратегического характера, а также об изменении в будущем объема потребности в наемном труде в разрезе видов экономической деятельности. Далее рассмотрим содержание анкеты и сравним результаты опросов, состоявшихся в 2008 г. и 2013 г.

В 2008 г. выборку составили 261 респондент, а в 2013 г. – 237. На рис. 2 участники опроса распределены на восемь групп по критерию «вид экономической деятельности». Более 90 % из них хозяйствовали в крупнейших городах Хабаровского края (Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре). Среди участников опроса преобладали субъекты частной формы собственности (2008 г. – 66,7 % и 2013 г. – 79,3 %). Государственных организаций в опросе 2013 г. оказалось 12,7 %, что в два раза меньше по сравнению с данными 2008 г. Число хозяйствующих субъектов со смешанной формой собственности, с участием иностранного капитала в каждом периоде исследования не превысило 9 %. Общая численность занятых среди участников опроса 2008 г. оказалась 98 980 чел., а 2013 г. – 111 360 чел. Наибольшую долю в структуре занятых представляли специалисты, а также квалифицированные рабочие. В структуре занятых меньшие, но примерно равные доли имели руководители и неквалифицированные рабочие.

Несмотря на то, что среди участников опроса разброс числа занятых оказался достаточно высоким, все они были разделены по критерию «размер организации» на следующие группы:

- крупные, где число занятых превысило 500 чел.;
- средние, в которых число работников изменялось от 101 до 500 чел.;
- малые с численностью занятых от 21 до 100 чел.;
- очень малые, где численность занятых не превысила 20 чел.

На долю крупных организаций в 2008 г. пришлось 14,2 %, в 2013 г. – 20,3 %. В 2008 г. в выборке больше, чем других, было участников из сферы финансов, недвижимости, информационных технологий (13,6 %), транспорта и связи (13,4 %) , тогда как в 2013 г. – торговли (27,1 %), промышленности (23,0 %), сферы коммунальных, социальных и персональных услуг (16,7 %). Доля средних организаций в 2008 г. составила 25,7 %. В этом опросе большинство организаций представляли сферу промышленности (25,4 %) и сферу финансов, недвижимости, информационных технологий (15,0 %). В 2013 г. в выборке было 21,6 % средних организаций. Более других в их числе оказалось представителей торговли (36,9 %) и сферы коммунальных, социальных и персональных услуг (36,9 %).

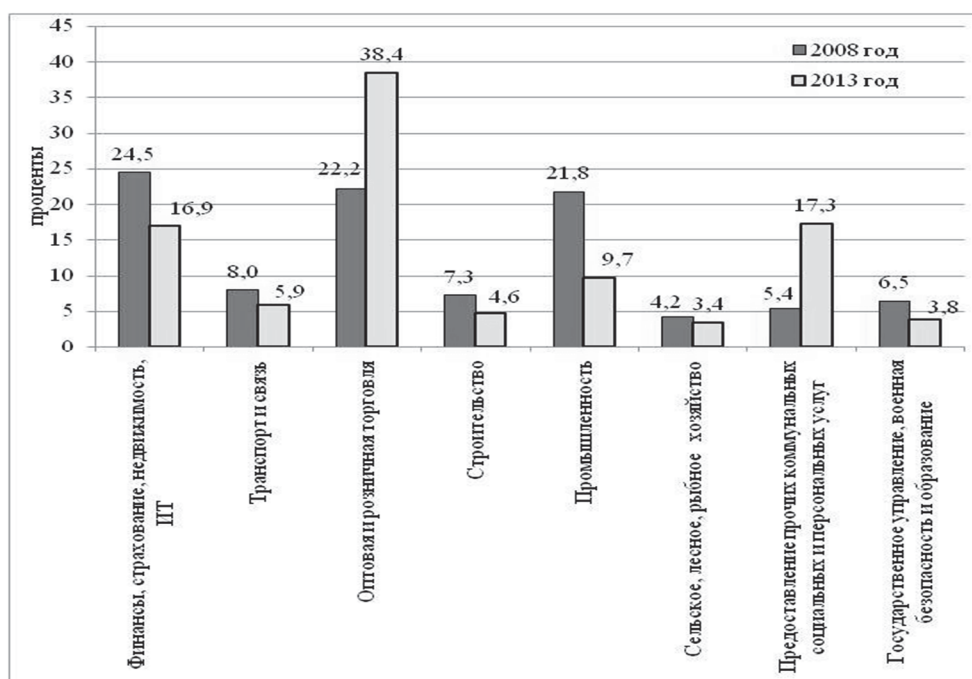

Рис. 2. Распределение в Хабаровском крае организаций по группам видов экономической деятельности (опрос 2008 г. и 2013 г.)

В выборе 2008 г. доля малых организаций составила 31,4 %, а в 2013 г. – 41,4 %. Оба периода преимущество в общей выборке было за организациями сферы торговли (2008 г. – 22,0 % и 2013 г. – 33,7 %), финансов, недвижимости, информационных технологий (2008 г. – 25,6 % и 2013 г. – 17,4 %). В 2008 г. в числе таковых оказались еще и организации промышленности (20,8 %), а в 2013 г. – организации сферы коммунальных, социальных и персональных услуг (24,5 %). Среди очень малых преобладали организации сферы торговли (2008 г. – 41,4 % и 2013 г. – 60,0 %), финансов, недвижимости, информационных технологий (2008 г. – 36,6 % и 2013 г. – 15,0 %). Всего доля малых организаций в общем объеме выборки в 2008 г. составила 28,7 %, в 2013 г. – 16,9 %.

Распределение организаций-респондентов по видам решаемых ими текущих задач представлено на рис. 3. Как видно, в каждом периоде исследования малая часть участников опроса акцентировала внимание на первоочередных задачах хозяйствования (2008 г. – 3,1 %

и 2013 г. – 3,4 %), а также на сокращении деятельности или ее реорганизации (2008 г. – 2,6 % и 2013 г. – 1,2 %). В 2008 г. в выбранной сфере деятельности стабильно функционировали 57,9 % хозяйствующих субъектов, а в 2013 г. – 66,7 %. Оба периода исследования среди них были представители государственного управления, военной безопасности и образования (2008 г. – 76,5 % и 2013 г. – 88,9 %); коммунальных, персональных и социальных услуг (2008 г. – 71,4 % и 2013 г. – 97,6 %); строительства (2008 г. – 57,9 % и 2013 г. – 81,8 %); финансов, страхования, недвижимости, информационных технологий (2008 г. – 57,8 %, 2013 г. – 62,5 %); промышленности (2008 г. – 56,1 % и 2013 г. – 34,8 %); сельского, лесного, рыбного хозяйства (2008 г. – 54,5 % и 2013 г. – 87,5 %); транспорта, связи (2008 г. – 52,4 % и 2013 г. – 71,4 %).

На решении основных и второстепенных задач своего текущего развития в 2008 г. свои усилия сосредоточили 34 % респондентов, в 2013 г. – 28,7 %. Это были представители сфер промышленности (2008 г. – 42,1 % и 2013 г. – 39,1 %); оптовой и розничной торговли (2008 г. – 41,4 % и 2013 г. – 44,0 %); транспорта и связи (2008 г. – 38,1 % и 2013 г. – 28,6 %); строительства (2008 г. – 36,9 % и 2013 г. – 9,1 %); финансов, страхования, недвижимости, информационных технологий (2008 г. – 35,9 % и 2013 г. – 28,9 %); предоставления коммунальных, социальных и персональных услуг (2008 г. – 28,5 % и 2013 г. – 28,7 %); сельского, лесного, рыбного хозяйства (2008 г. – 27,3 % и 2013 г. – 12,5 %).

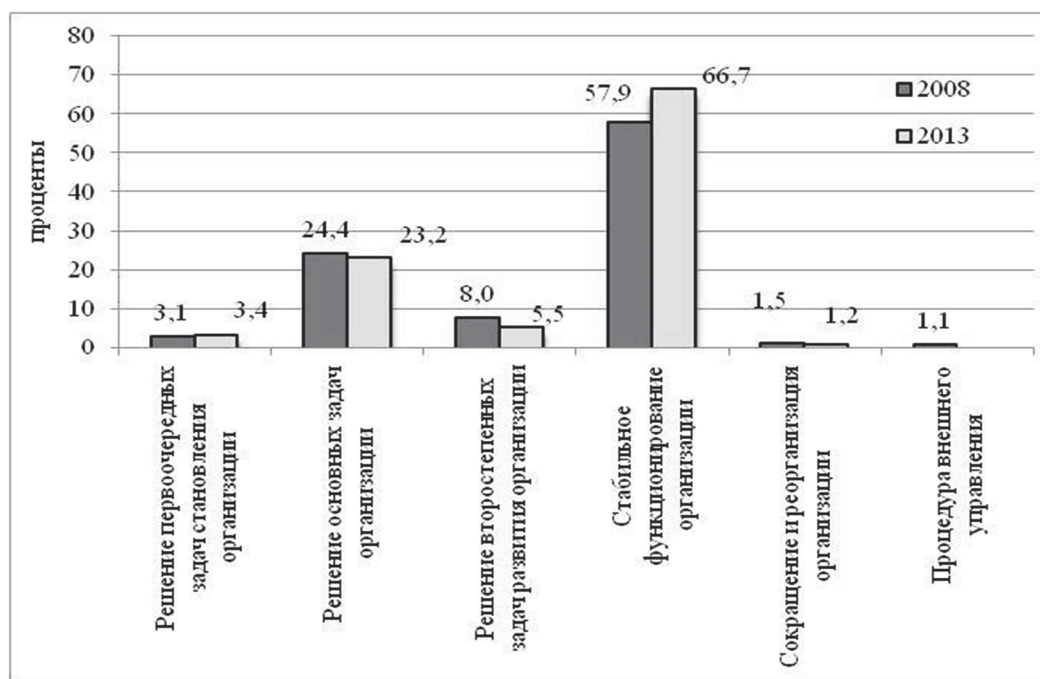

Рис. 3. Распределение организаций в Хабаровском крае по видам решаемых ими текущих задач (опрос 2008 г. и 2013 г.)

Каждая вторая организация-респондент испытывала дефицит работников, каждая пятая – отметила избыток трудовых ресурсов, причины тому указаны в табл. 2. В 2013 г., по сравнению с 2008 г., выросла актуальность дефицита работников по следующим причинам:

- отсутствие на местном рынке труда работников нужных специальностей (промышленность, строительство, транспорт и связь, финансы, страхование, недвижимость, информационные технологии; государственное управление, военная безопасность и образование);
- тяжелые (вредные) условия (промышленность, строительство);
- низкий уровень заработной платы относительно других организаций (промышленность, строительство, торговля, предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг).

Избыток работников в исследуемый период преимущественно связан со следующими обстоятельствами:

- высокий уровень социальной ответственности руководства организаций (промышленность, строительство, торговля, транспорт и связь, финансы, страхование, недвижимость, информационные технологии);
- ожидание роста спроса на выпускаемую продукцию (строительство, торговля, транспорт и связь);
- высокие издержки увольнения работников (государственное управление, военная безопасность и образование);
- другие причины (промышленность, торговля, транспорт и связь, финансы, страхование, недвижимость, информационные технологии).

Таблица 2

Причины дефицита и избытка трудовых ресурсов в организациях Хабаровского края

Причина дефицита	Организации-респонденты, %		Причина избытка	Организации-респонденты, %	
	2008 г.	2013 г.		2008 г.	2013 г.
Высокие издержки, связанные с наймом работников	15,3	9,1	Высокие издержки увольнения работников	3,4	3,8
Отсутствие на местном рынке труда работников нужных специальностей	27,6	30,6	Сопrotивление профсоюзов	1,1	0,0
Высокая конкуренция за работников на местном рынке	11,9	2,0	Ограничения со стороны местных (региональных) властей	0,0	0,0
Ожидание сокращения спроса на выпускаемую продукцию	2,3	2,0	Опасения, что возникнут конфликты с трудовым коллективом	3,1	0,0
Высокая текучесть и (или) старение кадров	21,1	2,0	Ожидание роста спроса на выпускаемую продукцию	8,4	9,6
Тяжелые (вредные) условия	10,7	35,0	Социальная ответственность руководства предприятия	10,7	30,8
Низкий уровень заработной платы относительно других предприятий	17,6	19,0	Другие причины	4,2	40,4
Другие причины	11,5	0,3			

Оценка потребности в рабочих и служащих осуществлялась как интерполяция с использованием аппроксимирующих функций согласно методике, представленной в работе [3]. Ее информационной основой стали ответы, полученные от организаций-респондентов для базисного года (года опроса), двух последующих промежуточных периодов (1 – 3 года и 4 – 6 лет), конечного периода (7 лет и более). Трендовые модели были получены на базе стандартного программного обеспечения MS Excel. По данным панельных опросов 2008 г. и 2013 г., в ходе моделирования оценена общая потребность организаций Хабаровского края в рабочих и служащих, потребность по каждой группе видов экономической деятельности в разрезе отдельных категорий работников.

Подтверждением тому, что между двумя исследовательскими периодами руководство организаций существенно пересмотрело планы хозяйственной деятельности на территории Хабаровского края, служит рис. 4. Как видно, в обоих случаях общая потребность имеет тенденцию к росту, но скорость изменения различается значительно. По данным опроса 2008 г. к 2021 – 2023 гг. ожидалось более чем десятикратное увеличение общей потребности в работниках. По данным опроса 2013 г., увеличение общей потребности в работниках к 2023 – 2025 гг. должно составить 41,3 %.

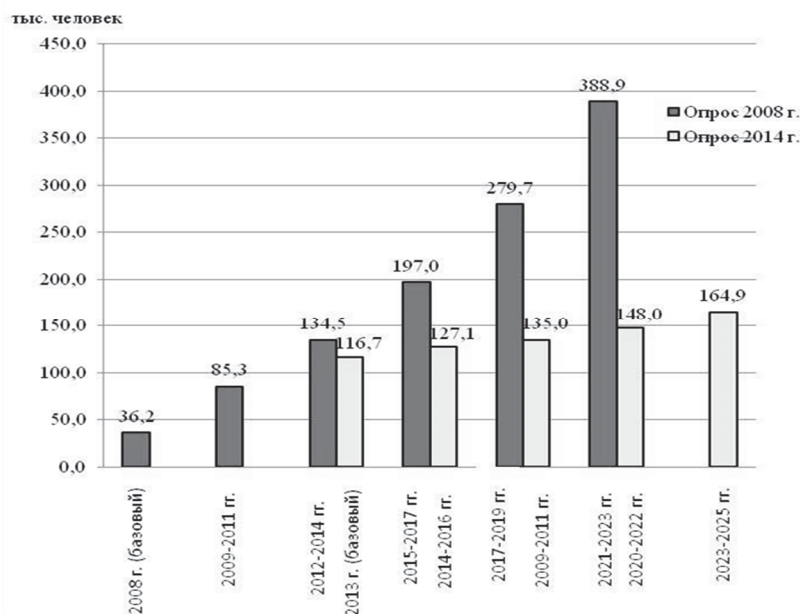

Рис. 4. Оценка общей потребности организаций Хабаровского края в трудовых ресурсах на основе трендовых моделей, полученных по данным панельных опросов

В сельском, лесном и рыбном хозяйстве общая потребность в рабочих и служащих к 2025 г., по сравнению с текущей потребностью 2013 г., увеличится в 1,35 раза, при этом в основном прослеживается высокая потребность в служащих, что в среднем равно 41 % от ее общей величины. Потребность в специалистах меньше (в среднем 18 %) и она увеличивается на 2,2 % (от 16,4 до 18,6 %). Среди рабочих кадров в большей степени будут востребованы квалифицированные рабочие, на долю которых в среднем приходится 18,7 % от общей потребности. Потребность в неквалифицированных рабочих и руководителях отличается незначительно, а их доля составляет в среднем 9,2 % и 13,1 % соответственно.

В промышленности прогнозируется значительный рост общей потребности в трудовых ресурсах. В последний прогнозный период она увеличится в 2,2 раза в сравнении с базовым годом. По своей структуре потребность сконцентрирована на такой категории, как «рабочие», и еще более конкретно – на категории «квалифицированные рабочие», чья доля в среднем составляет около 45,7 %, а доля потребности в неквалифицированных рабочих в промышленности в ее структуре уменьшается с 2,4 % в 2013 г. до 1,2 % к 2023 – 2025 гг. За тот же период потребность в служащих растет от 4,0 до 4,5 %, в руководителях – от 8,3 до 15,4 %, в специалистах – от 18,3 до 25,6 %.

В строительной сфере ситуация по составу и структуре кадровой потребности будет оставаться достаточно стабильной. В общей потребности преобладают служащие. Их доля в среднем составляет 59,4 % от общего ее объема. На руководителей и специалистов приходится в среднем 15,3 % и 6,2 % соответственно от общей потребности, при этом потребность в руководителях растет медленно и к 2023 – 2025 гг. ее доля в общей структуре снизится до 14,8 %. Потребность в специалистах и неквалифицированных рабочих невысока. К 2023 – 2025 гг.

доля специалистов вырастет на 0,8 % по сравнению с потребностью базовом году, а потребность в неквалифицированных рабочих не изменится. Потребность в квалифицированных рабочих вырастет от 14,6 до 15,1 %.

В структуре потребности в работниках торговли около трети составляет потребность в квалифицированных рабочих. В среднем потребность в руководителях может составить 7,1 %, в специалистах – 25,4 % и в служащих – 24,7 %. За исследуемый период изменения произойдут в каждой категории работников. По сравнению с базовым годом к 2023 – 2025 гг. уровень потребности в квалифицированных и неквалифицированных рабочих будет снижаться от 36,1 до 35,5 % и от 13,8 до 6,9 % соответственно. Он вырастет для руководителей (2,1 %), специалистов (2,0 %) и служащих (3,5 %).

На транспорте и в связи к 2025 г. общий объем потребности организаций Хабаровского края в наемном труде увеличится на 4,2 % по сравнению с 2013 г. Наибольший рост потребности наблюдается по трем категориям: руководители (на 7,1 %), служащие (на 12,1 %), неквалифицированные рабочие (на 13,8 %). По категориям работников «специалисты» и «квалифицированные рабочие» в структуре общей потребности наблюдается снижение на 0,8 % и 0,5 % соответственно, при этом практически не изменится доля руководителей и служащих.

По группе видов экономической деятельности «финансы, страхование, недвижимость, информационные технологии» общий объем потребности в работниках увеличится на 0,5 %. За 2013 – 2025 гг. в основном вырастет потребность в руководителях (на 0,4 %) и квалифицированных рабочих (на 0,6 %). В структуре общей потребности изменений не произойдет.

В группе «государственное управление, военная безопасность, образование» к 2025 г. увеличение общей потребности в работниках составит 54,7 %. В абсолютном выражении значительно вырастет потребность в специалистах: с 325 чел. в базовом периоде до 820 чел. в последнем периоде прогнозирования, а также в рабочих: с 60 чел. до 887 чел. К 2025 г. ожидается снижение доли руководителей, служащих и квалифицированных рабочих в структуре общей потребности.

Завершая статью, отметим следующее. В ходе проведенного исследования удалось соблюсти основные условия австрийской школы, а именно: последовательно применить субъективный способ анализа, не смешивать вербальный анализ с формальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономов, В. С. История экономических учений : учеб. пособие / В. С. Автономов, О. И. Ананьина, Н. А. Макашева. – М. : ИНФРА-М, 2004. – С. 186-188.
2. Grice-Hutchenson M. The School of Salamanca, Reading in Spanish monetary theory. Oxford: Clarendon Press. 1952.
3. Nigai E. A., Boiko T. S., Razumovskaya M. I. Review of Methodological Approaches to Prediction of Organizations' Needs in Human Resources. The journal «North-East Asia academic Forum» (Publication of scientific articles) – Kazakhstan: «Kainar» (Semey) University, 2012. – P. 96-98.
4. Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса / под ред. Я. И. Кузьмина. – М. : изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.
5. Литовченко, В. В. Организационный подход к сущности и управлению развитием муниципальных образований / В. В. Литовченко, Г. И. Бурдакова // *Фундаментальные исследования*. – 2013. – № 9. – С.1213-1222.
6. Яковлева, Т. А. Подходы к решению проблемы дефицита инженерных кадров / Т. А. Яковлева // *Образование и наука без границ : материалы Междунар. науч. конф., Мюнхен, 17-22 ноября 2013 г.* – The journal «International journal of applied and fundamental research» (ISSN 1996-3955). – 2013. – № 2.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рассчитал Домнич Е. Л. по следующему источнику: ЕМИСС; Труд и занятость в России. 2009 – 2013. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916801766 (дата обращения: 1.04.2014).

Чибисова О. В.
O. V. Chibisova

АХМЕТОВА А.В. ВЛАСТЬ И ЭТНОС: СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА (1925-1985 гг.): МОНОГРАФИЯ – ВЛАДИВОСТОК: ДАЛЬНАУКА, 2013. – 169 С.

AKHMETOVA A.V. POWER AND ETHNOS: THE SOCIAL POLICY OF THE SOVIET STATE IN RESPECT OF THE INDIGENOUS SMALLER PEOPLES OF THE FAR EAST (1925 TO 1985) – VLADIVOSTOK: DALNAUKA, 2013. – 169 P.

Чибисова Ольга Владимировна – доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27, КНАГТУ, корп. 4, ауд. 322; +7 (4217) 27-62-00. E-mail: olgachibisova@yandex.ru.

Ms. Olga V. Chibisova – Associate Professor of Linguistics and Intercultural Communication Department of Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin st., building 4, apt. 332; +7 (4217) 27-62-00. E-mail: olgachibisova@yandex.ru.

Традиционная народная культура исторически является важным фактором, обеспечивающим культурное многообразие локальных культур внутри единой мировой культуры. Вместе с тем стремительно возрастающее в эпоху глобализации количество культурных обменов ведет к размыванию границ между взаимодействующими культурами, особенно если они сосуществуют в рамках одной страны. Реальная угроза односторонней ассимиляции культуры меньшинства доминирующей культурой делает проблему сохранения самобытной культуры малочисленных народов и ее эффективного использования в развитии национальной культуры особым объектом деятельности органов управления всех уровней государственной и муниципальной власти. Не требует доказательства то, что проведение современных мероприятий по реализации социальной политики в отношении аборигенных народов невозможно без учета исторического опыта взаимодействия государства с ними.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на монографию А. В. Ахметовой «Власть и этнос: социальная политика советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока (1925 – 1985 гг.)», которая является результатом специального научного исследования ее автора, проведенного при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации. Следует также отметить то, что монография напечатана издательством «Дальнаука» Дальневосточного отделения Российской академии наук. Оба этих факта доказывают актуальность, важность и насущность проделанной А. В. Ахметовой работы.

Монография состоит из пяти глав, каждая из которых имеет по 2-3 параграфа. В первой главе «Социальное развитие коренного населения Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в.» речь идет об эволюции взаимоотношений Российского государства с коренным населением Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки, о социально-экономической политике царской власти в его отношении, о социальной организации и быте традиционных этносов в указанный период. Во второй главе «Социальная политика Советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока в 1920 – 1930 гг.» автор раскрывает основные направления советской национальной политики, направленной на социально-экономические преобразования в национальных районах Дальнего Востока, описывает происходящие в этой связи этнокультурные процессы. Третья глава «Государственная политика в социальной сфере жизни коренного населения Дальнего Востока в 1940 – первой половине 1950-х гг.» посвящена участию аборигенного населения Дальнего Востока

в Великой Отечественной войне и вкладу в победу, внесенному им на фронте и в тылу. Кроме того, в ней обстоятельно анализируются изменения в системе образования и воспитания, культурно-просветительной работе и медицинском обеспечении, произошедшие в национальных районах края. Материалом четвертой главы «Государственная политика в социальной сфере и аборигенное население во второй половине 1950 – первой половине 1980-х гг.» являются сведения о развитии санитарно-гигиенического и медицинского обслуживания автохтонного населения и реализации политики государства в области образования и культуры малочисленных народов. В пятой главе «Проблемы сохранения и выживания коренных малочисленных народов Дальнего Востока в условиях радикальных трансформаций в обществе» автор подробно рассматривает проблемы экономической и социальной интеграции этносов и сопутствующие им проблемы сохранения традиционной культуры и локальных языков.

На основании комплексного анализа основных направлений социальной политики Советского государства в отношении коренного населения Дальнего Востока автор приходит к выводу, что в целом эта политика характеризовалась излишней централизацией управления, ограничивающей реальные полномочия местных органов власти и препятствующей самоопределению малых народов. По своей сути она была патерналистской, узурпирующей многие общественные функции, что не могло не иметь отрицательных последствий, поскольку она выработала потребность малых народов в опеке со стороны органов государственной власти, в гарантиях получения от них социальной помощи и защиты. Отказ от позиции «отеческой заботы» по отношению к данной группе населения, которая оказалась в результате этой политики менее защищенной в социальном отношении, поставил коренное население Дальнего Востока на грань вымирания. Именно поэтому формирование стратегии выживания коренных народов и сохранения их уникальной культуры становится важнейшей задачей современной национальной политики, что представляется невозможным без извлечения уроков из прошлого.

Системный научный анализ унифицированного подхода Советского государства к разрешению социально-экономических проблем развития, проведенный А. В. Ахметовой, может найти свое применение в деятельности органов государственного управления при планировании политики в отношении коренных малочисленных народов на ближайшее будущее. И поскольку обеспечение возможности существования аборигенных народов в различных регионах мира в условиях привычной природной и культурной среды превратилось в одну из глобальных проблем современности, рецензируемая монография может стать хорошим подспорьем для политиков не только нашей страны, но и за рубежом.

Работа содержит сноски на большое количество библиографического материала (опубликованные документы, архивные материалы, научные источники), подтверждающего достоверность и значимость проведенного исследования и предоставляющего дополнительную информацию для заинтересованного в данной проблеме читателя.

Ахметова А. В.
A. V. Akhmetova

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ «РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ». М.: НАУКА, 2011. – 462 С.

COLLECTIVE MONOGRAPH "RUSSIAN NATION: THE RISE, ETHNIC AND CULTURAL DIVERSITY", NAUKA, MOSCOW, 2011. - 462 P.

Ахметова Анна Валинуровна – кандидат исторических наук, доцент, начальник научного центра социально-экономических и гуманитарных проектов Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Октябрьский, 36 – 55; 89622960095. E-mail: wyrds@rambler.ru

Ms. Akhmetova Anna Valinurovna – PhD in History, Associate professor, Head of the scientific centre on socioeconomic and humanitarian projects, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681035, Komsomolsk-on-Amur, pr. Oktyabrskiy, 36 – 55; 89622960095. E-mail: wyrds@rambler.ru.

В 2008 – 2010 гг. по заказу и при поддержке Минрегиона России осуществлен проект «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации». На материалах социологических опросов и на основе анализа этнокультурной ситуации в регионах РФ представлены результаты новейших исследований гражданской и этнической идентичности.

В 14 регионах был проведен опрос взрослого населения, охвативший более 5 тыс. чел. Программа исследования разработана Институтом этнологии и антропологии РАН. Программа опроса экспертов составлена В. А. Тишковым и В. В. Степановым. В. А. Тишков, В. В. Степанов, Н. И. Новикова разработали анкету социологического опроса. Опросы в регионах проводились при сотрудничестве ООО «Лима-Консалтинг» и ООО «Этноконсалтинг» с сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.

Научная книга состоит из трех разделов и приложений. Первый раздел посвящен общим результатам исследования. Первый параграф «Российская нация и российские национальности» характеризует особенности и многообразие категориального аппарата межнациональных отношений в России (автор – В. А. Тишков). Во втором параграфе «Кем себя считают россияне», написанном В. В. Степановым и В. А. Тишковым, представлена характеристика вопросов анкеты и предварительные итоги, далее подробно проанализированные в таблице Приложения. Третий параграф «Законодательный ресурс этнокультурного развития» (авторы В. А. Тишков, Н. И. Новикова) дает оценку конституционным основам и политике федеральной власти в сфере межнациональных отношений, а также характеризует особенности местного самоуправления в полиэтничном обществе. Четвертый параграф «О рейтинге этнокультурного потенциала регионов» затрагивает важнейший вопрос создания дифференцированного подхода в формулировании задач федеральной этнической политики в российских регионах. Автор Е. А. Пивнева рассматривает этнокультурные организации регионов, особенности взаимодействия органов власти с институтами гражданского общества, их широкие межкультурные и международные связи, а также проводимые региональные этнокультурные мероприятия. Особое значение она придает созданию эффективной системы этнокультурного образования, включая изучение языков и этнокультурного имиджа регионов.

Опираясь на данные проведенного исследования, региональные эксперты проекта сделали значимый вывод, что одна из важнейших задач государственной этнической политики в культурно-образовательно-информационной сферах – необходимость продолжать обновленными методами ориентировать население, прежде всего молодое поколение, на освоение установок толерантного поведения, отказ от экстремистской идеологии и деятельности, утверждение общегражданского патриотизма, освоение общероссийских ценностей при сохранении местной культурной специфики.

В разделе втором «Региональная картина» представлена подробная характеристика региональных вариантов межнациональных отношений. В первом параграфе «Центральный

федеральный округ» рассматривается этнокультурная ситуация в Москве и Тульской области. Помимо результатов социологического опроса, авторы В. В. Степанов и Е. П. Мартынов представили здесь глубокий анализ регионального (столичного и тульского) законодательства. Второй параграф «Северо-Западный ФО» (автор А. О. Подоплекин, Ю. П. Шабаев) посвящен рассмотрению межнациональной проблемы в Архангельске и Сыктывкаре. Так, результаты исследования в Архангельской области показали наличие четкой этнической самоидентификации населения и достаточно однородной позиции по ряду аспектов государственной национальной политики и межнациональных отношений. Третий параграф «Южный ФО» написан авторами М. А. Аствацатуровой, М. М. Юсуповым и рассматривает этнокультурную ситуацию в Пятигорске и Грозном. В целом, в этнополитических и этноконфессиональных отношениях в Ставропольском крае преобладают положительные явления и тенденции. В Чеченской республике, несмотря на различие ценностей и взглядов, в том числе на историческую перспективу республики, представители разных этнических групп проявляют солидарность и взаимоподдержку в вопросах физического и социального выживания в экстремальной ситуации.

В четвертом параграфе «Приволжский ФО» рассматривается этнокультурная ситуация в Оренбурге и Балаково (авторы В. В. Амелин, К. С. Молин). Социологические данные подтверждают истинное положение дел в развитии этнических общностей в Оренбуржье, где изучаются родные языки, издаются газеты на национальных языках и пр. Пятый параграф «Уральский ФО» рассматривает этнокультурную ситуацию в Екатеринбурге и Сургуте (авторы Е. М. Главацкая, В. А. Тен, Д. Н. Шкаревский). В целом, этнокультурный потенциал региона способствует упрочению идеи гражданского единства. Пропаганда на государственном уровне важности этнических традиций способствует формированию уверенности, что чувство принадлежности к России можно испытывать не в ущерб своим культурным и этническим ценностям. В шестом параграфе «Сибирский ФО» анализируется положение в межнациональных отношениях Омска и Горно-Алтайска. Авторы Т. Б. Смирнова и С. П. Тюхтенева делают обоснованный вывод о достаточно стабильной обстановке в межэтнических и межконфессиональных отношениях в регионе в целом. Седьмой параграф «Дальневосточный ФО» посвящен этнокультурной ситуации в Якутске и Хабаровске (авторы В. Б. Игнатьева, Е. Л. Мотрич, В. И. Куприянова). Несмотря на этнокультурное многообразие, Якутию отличает стабильное состояние межнациональных отношений. В результате социологического опроса хабаровчан выяснилось, что они считают, что пропаганда российской нации не мешает сохранению традиционных культур и языков народов России. При этом большинство из них выступают за развитие фольклора и считают правильным, что государство поддерживает различные культуры и языки, и видят необходимость в такой поддержке.

В третьем разделе коллективной монографии «Этнокультурный потенциал российских регионов» представлены рекомендации органам государственной власти и местного самоуправления в законодательной сфере, в социальной сфере и области демографии и миграции, в сфере образования и языковой политики, взаимодействия с общественными и религиозными организациями, в проектно-программной деятельности.

В приложении показаны анкета, разработанная для социологического опроса, и распределение (в процентах) ответов на вопросы анкеты (в виде таблиц и диаграмм), что наглядно характеризует результаты исследования (разработчик М. В. Романов).

В результате общероссийского исследования было ясно показано, что формирование гражданской нации не противоречит существованию этнических наций. Далее делается фундаментальный вывод: поддержка и укрепление региональных и этнических сообществ россиян является одним из важнейших условий формирования российского народа – исторической и социально-политической общности, которая представляет собой единство в многообразии.

В целом, данное исследование является, несомненно, важнейшим научным вкладом в разработку современной государственной этнической политики в РФ и представляет интерес как для ученых, преподавателей и студентов, так и для политиков и специалистов сферы государственного управления.

Костюрина Н. Ю.
N. Y. Kosturina

КНИГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

BOOKS THAT WE CHOOSE

Костюрина Надежда Юрьевна – доктор культурологии, доцент, заведующая кафедрой культурологии ФБГОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: kosturina@mail.ru.

Ms. Nadezda Yu. Kostyurina – Ph.D. of Cultural Studies, Professor, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: kosturina@mail.ru.

Юбилейный пятый год – это значит 20 выпусков «Ученых записок», почти в каждом из которых рецензии, рецензии... Сколько их было за эти пять лет?

Юбилейная дата – это всегда сентиментальное философствование, всегда размышление о пережитом, всегда подведение итогов. Юбилейная дата – это всегда подсчеты. Статистика – это иногда впечатляет, это наглядно. Подсчитаем и мы.

Больше сорока рецензий – это точно. Наверное, 42. Вполне себе символическое число.

А вот авторов тринадцать, шесть из них – «одноразовых», зато остальные постоянные, хотя, иных вот уже нет, а те далече... Много воды утекло... Четверть с небольшим от всех писавших – активные (см. рис. 1).

Доля индивидуального участия в коллективном творчестве

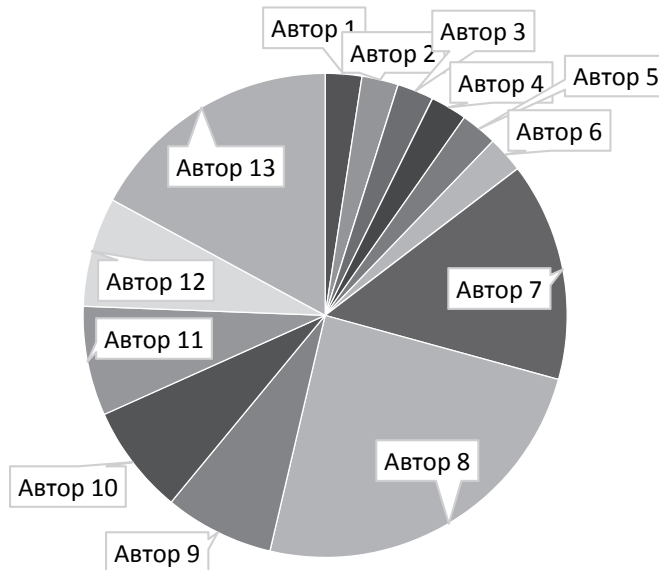

Рис. 1. Число авторов рецензий с указанием доли участия в работе

Что мы читали все это время? Какие книги выбирали мы, какие книги выбрали нас, каков собирательный портрет читателя-писателя рецензий, какой образ мира можно сложить из мозаики наших текстов?

Как же выглядит коллективный автор?

Во-первых, он гуманитарий широкого профиля – немного культуролог-социо-филолог, и, конечно, очень филолог... Он в меру женственен и достаточно мужественен, можно сказать, вполне себе гармоничная личность (см. рис. 2, 3); еще не стар, и уже скорее доцент, чем нет. Женская половина автора несколько более продуктивна, если исчислять продуктивность исключительно в количестве статей, хотя... если говорить о качестве... победила дружба.

Гендерная характеристика автора

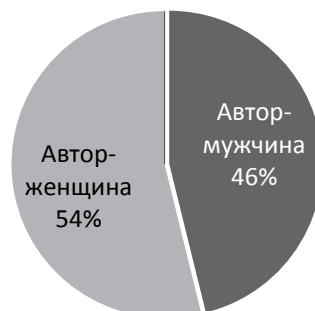

Рис. 2. Количество авторов-мужчин и авторов-женщин

Когда доцент перестает читать книги и начинает читать только лекции?

Наш жизненный ритм не дает нам сосредоточиться на чтении и успеть почувствовать вкус жизни, погружаясь в многостраничные страсти героев Эпохи Литературоцентризма.

Число статей

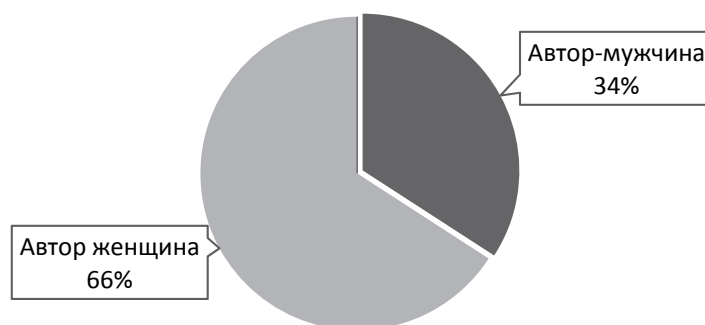

Рис. 3. Число статей (в процентах), написанных авторами-мужчинами и авторами-женщинами

Мы читаем то, что полезно, мы рациональны (см. рис. 4). Методика, методика. Как донести, объяснить, научить, закрепить, удержать. Об этом сверхкритично от познания к пониманию, о методах и оценках, честно и компетентно, талантливо (на грани гениальности), устно и письменно, по-английски и по-русски и в условиях изменения научной парадигмы. Впрочем, закономерно, все ж таки вуз, т.е. пока заведение учебное.

Но не только о земном, о вечном тоже. Что ценно, а что не очень, не для всех и не всегда, феноменальное и ноуменальное, знак и сущность, искусство и мир, зеркало и реальность, человеческое бытие, культура и цивилизация.

И, конечно, о России, о ее судьбе и национальном вопросе, о человеке просвещенном и советском дальневосточном, о грезящем в Биробиджане иудее и русском интеллигенте, не умеющем становиться интеллектуалом, – обо всем этом веселым словом меж розой и крестом.

И самое важное, без чего никак – проблема понимания, диалога, познания и принятия другого. О языке коммуникации, коммуникативных компетенциях, взаимодействии субкультур, образовании без границ, герменевтике доверия и международных отношениях, культур-

ных различиях, политических границах и экономическом сотрудничестве в эпоху глобальных миграций.

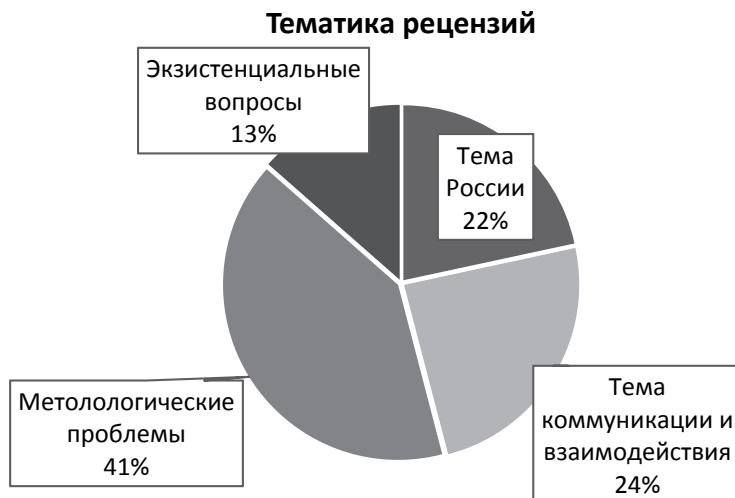

Рис. 4. Доля проблематики от общего числа рецензий

Писать и понимать, объяснять и информировать, проявлять структуру и придираться к частностям – такой была миссия нашего коллективного рецензента.

География рецензируемых книг свидетельствует о патриотизме нашего автора, о его трепетной привязанности к России и региону – абсолютное большинство рецензий написано на российские издания, чуть меньше половины из них опубликованы в Хабаровске, Владивостоке, Комсомольске-на-Амуре. Вне конкуренции столичные издания (Москва, Санкт-Петербург), редкие гости – издания Томска, Новосибирска, Иркутска, Казани (см. рис. 5).

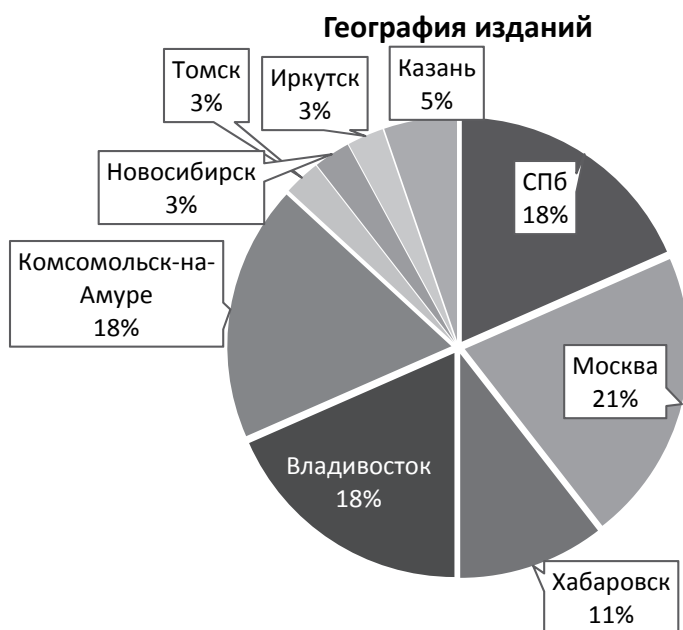

Рис. 5. География рецензируемых изданий

И, наконец, общее количество отрецензированных страниц составило почти одиннадцать тысяч.

И это не предел, ведь, как говорят знающие люди, «все еще только начинается».

Шунейко А. А.
A. A. Shuneyko

**КРАПИВНИК Е. В. ОСНОВЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ. – ХАБАРОВСК:
ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОГУ, 2014. – 82 С.**

**KRAPIVNIK E. V. AN INTRODUCTION TO THE STUDY OF LANGUAGE:
A HANDBOOK FOR OVERSEAS STUDENTS OF PHILOLOGY. – Khabarovsk:
TOGU PUBLISHERS, 2014. – 82 P.**

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – Dr. Habil. of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin Str.; +7 4217 529818. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Чтобы в первичном приближении представить себе многочисленные трудности, которые возникают при обучении китайского студента современной лингвистике русского языка, и всю сложность этой работы, необходимо в общем плане обратиться к мировой лингвистической традиции. Конец XIX, весь XX и начало XXI века в лингвистике постоянно в различных формах актуализируется идея языкового диктата. Она предполагает, что каждый конкретный национальный язык влияет на того, кто им пользуется (на своего носителя). Тип влияния тем более различен, чем существенно отличаются друг от друга языки. Это проявляется постоянно и во многом, находя воплощение в различных языковых картинах мира. В частности, диктат чётко прослеживается при описании языков. По сути, каждый тип языка диктует своим носителям особую форму своего описания. Китайский язык относится к типу корнеизолирующих, или аморфных, языков, а русский язык и европейские языки, на базе которых сформировалась общепринятая лингвистическая традиция, относятся к типу флективных, или фузионных, языков. Очевидно, что ученые по-разному описывали языки, где нет привычных для нас грамматических форм изменения слов (китайский, вьетнамский и другие), и языки, где они есть (славянские, балтийские и другие). Исторически сложились различные традиции: ученые при фиксации фактов использовали различный инструментарий.

Но в силу множества причин, ориентировочно в конце XIX века, происходит глобальное перераспределение знаний и унификация. Последняя, при всей её очевидной просветительской роли, часто приводит к тотальной неразберихе и непониманию, затрудняет адекватность восприятия. В результате существования разных типов языков и смешения лингвистических традиций возникло два круга проблем: несовпадение лингвистических традиций и несовпадение восприятия общепринятых понятий.

1. Несовпадение лингвистических традиций. В течение тысячелетий своего неспешного развития китайское языкознание ориентировалось преимущественно на фонетику, лексикологию и лексикографию, то есть описывало то, как единицы произносятся, что они значат и каким образом их фиксировать в словаре. Морфология и словоизменение были совершенно не актуальны, потому что единицы не изменяются в привычном для нас смысле – формы словоизменения отсутствуют. В то же время европейская традиция, не обходя вниманием фонетику и лексикологию, постоянно концентрировалась именно на грамматических категориях, классах слов и способах передачи грамматического (и словообразовательного) значения.

2. Несовпадение восприятия (другая интерпретация) общепринятых в лингвистике понятий. В конце XIX века китайское языкознание активно обратилось к европейской лингвистической традиции, а чуть позже и к американской. Следствием этого стало то, что при описании китайского языка ученые начали активно использовать тот инструментарий, которые тысячелетия с вариациями применяли в Европе. Но эта унификация на европейский манер породила едва ли ни больше сложностей и несообразностей. Наиболее отчетливо это прослеживается на примере проблемы частей речи в китайском языке. В восприятии европейского языкознания часть речи – это класс слов, характеризующийся единством семантического (общекатегориального) значения, морфологических (словоизменительных) характеристик и синтаксических функций. В восприятии же китайского языкознания часть речи – это класс слов, который характеризуется либо единством семантики, либо единством синтаксической функции, без какой-либо ясности в том, что первично. То есть в китайской грамматике часть речи – это либо лексико-семантическая группа в европейской грамматике, либо синтаксическая позиция там же. Сущностно различные единицы подводятся под единую терминологию. Это безмерно усложняет описание и в целом ставит вопрос о целесообразности использования ряда понятий. Но реальность именно такова: в ней одна и та же номинация прилагается к принципиально различным явлениям.

Поэтому ввести китайского студента в круг европейской лингвистической традиции – задача очень сложная. Ему приходится давать новые теоретические знания часто без возможности опоры на родной язык и в ситуации, когда ориентация на привычную для него лингвистическую традицию оказывается откровенно дезориентирующей.

Автор пособия предлагает логичное и красивое решение этой проблемы, ориентированное на взаимосвязанный комплекс теоретической информации и различных видов практических заданий.

В учебном пособии в доступной форме изложены основные темы, предусмотренные программой дисциплины: язык как объект языкознания, язык и мысль, язык и общество, происхождение и развитие языка, язык как системное образование, уровни и единицы языка, языковедческие дисциплины. Лингвистический материал, являющийся основой учебной и профессиональной деятельности, освещается автором с современных научных позиций и в доступной форме.

Пособие включает в себя 12 тем. Каждая из них содержит: определения основных понятий, адаптированные тексты по дисциплине, предтекстовые и послетекстовые задания, сопровождающиеся схемами, а также вопросы итогового контроля и тест по всем темам учебного курса для финального контроля знаний студентов. Уровень изложения материала в полной мере соответствует нормам русского литературного языка. Тексты пособия содержат графически выделенные ключевые термины лингвистики и их достаточно точные и лаконичные определения.

Необходимо отметить оригинальность и уместность избранного автором способа структурирования информации: совмещение в материале каждой темы традиционных для методики изучения русского языка как иностранного предтекстовых и послетекстовых заданий с упражнениями, разработанными в рамках инновационных технологий обучения (обучение в сотрудничестве, центрированное на ученике обучение, проектная технология обучения).

Выполнение заданий, предложенных в пособии, не только передает иностранным студентам готовые научные истины, но и вооружает их методами научного познания, вовлекает их в поисковую познавательную деятельность, вырабатывает умение наблюдать, сравнивать, классифицировать, обобщать, строить гипотезы, тем самым готовя студентов к научно-исследовательской работе по специальности.

В пособии широко представлены различные творческие задания на основе проблемных поисково-творческих заданий с элементами ролевой игры, для выполнения которых в том числе используются информационные ресурсы и службы Интернета. Творческие учебные задания пособия непосредственно связаны с интересами учащихся, в первую очередь,

профессиональными. Предполагается, что умения и навыки использования лингвистических сайтов, полученные на учебных занятиях по специальным дисциплинам, помогут студентам в учебной и профессиональной деятельности в качестве ученого-лингвиста, переводчика, преподавателя русского языка как иностранного.

Несомненными достоинствами учебного пособия являются: дифференцированный подход к подаче материала – адаптированные для студентов среднего и продвинутого этапа обучения лингвистические тексты, полностью соответствующие современному научному знанию, система упражнений, способных участвовать в успешном формировании языковой, профессиональной и методологической компетенций у иностранных студентов-филологов, использование инновационных технологий и доступность изложения.

Автору удалось реализовать целый комплекс задач, в котором проблемы просвещения, связанные с лингвистической теорией и страноведением, образования будущего специалиста и продвинутого обучения иностранца русскому языку выступают как единое целое.

Обучить китайского студента чужой лингвистической традиции гораздо сложнее, чем просто обучить его чужому языку. Здесь невозможно ограничиться простой зубрёжкой (буквальным усвоением) терминов. При усвоении студентом терминологии преподаватель непосредственно сталкивается со специфическими когнитивными механизмами, обусловленными диктатом языка, следовательно, ему приходится вводить в них вариативную коррекцию и предлагать, по сути, новые для студента аналитические модели. Уверен, что пособие даёт успешный и достойный вариант решения этой непростой задачи.

Киба Д. В.
D. V. Kiba

**ОТЧЕТ О ПРОВЕДЕНИИ ЗАОЧНОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ
РАЗВИТИЕ»**

**REPORT OF ABSENTEE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL
CONFERENCE "RUSSIAN FAR EAST: HISTORICAL AND CULTURAL
HERITAGE, SOCIAL AND CULTURAL DEVELOPMENT"**

Киба Дарья Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (г. Комсомольск-на-Амуре), Россия, г. Комсомольск-на-Амуре, 681021, ул. Комсомольская, 50 - 336, (84217)591640, E-mail: kibadv@komsomama.ru.

Ms. Darya V. Kiba - PhD in History, Associate Professor at the Department of History and Archival Science, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur), Russia, Komsomolsk-na-Amur, street: Komsomolskaya, build: 50, office: 336. Phone: (84217)591640. kibadv@komsomama.ru.

17 марта 2014 г. в Комсомольском-на-Амуре государственном техническом университете прошла заочная Международная научно-практическая конференция «Дальний Восток России: историко-культурное наследие и социально-культурное развитие», проходившая в рамках научных Чтений, посвященных памяти доктора исторических наук, профессора Льва Николаевича Долгова. В конференции приняли участие ученые из Комсомольска-на-Амуре и Владивостока. Среди участников были четыре доктора наук, девять кандидатов наук, два аспиранта и соискателя, шесть студентов и магистров.

Программа конференции включала в себя три секции:

1. «Исторические науки».
2. «Культурология».
3. «Лингвистика и межкультурная коммуникация».

Доклады участников были опубликованы в сборнике научных трудов.

Проблемное поле Международной научной конференции включало в себя следующие вопросы: освоение и заселение Дальнего Востока России: прошлое и настоящее, взаимодействие российского Дальнего Востока со странами АТР, диалог культур на Дальнем Востоке: традиции и современность, этнокультурное своеобразие Дальнего Востока как ресурс его развития.

На секции «Исторические науки» были представлены одиннадцать докладов участников Чтений. Жанна Валерьяновна Петрунина, доктор исторических наук, профессор кафедры «История и архивоведение» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, в своем докладе рассмотрела вопросы развития взаимодействия между Россией и КНДР в области железнодорожного строительства, проанализировала проблему трехсторонней экономической интеграции между Россией, КНДР и Республикой Корея. Автор указывает, что одним из способов активизации социально-экономического развития Дальнего Востока России является модернизация и расширение транспортно-коммуникационных возможностей региона. Дарья Валерьевна Киба, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и архивоведение» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, рассмотрела роль российских общественных и государственных организаций в развитии гуманитарного взаимодействия России и Китая. В докладе Ирины Владимировны Волковой, студентки 5-го курса факультета истории и юриспруденции Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, рассмотрено влияние провинции

Синьцзан на развитие советско-китайских отношений в период японо-китайской войны 1937 – 1945 гг. Анализ боевого пути броненосцев и крейсеров бывших 1-й и 2-й Тихоокеанских эскадр России в период Первой мировой войны представлен в докладе Валерия Владимировича Иванова, кандидата исторических наук, доцента кафедры истории и юриспруденции Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета. В докладе Ольги Владимировны Кашкаровой, студентки 5-го курса факультета истории и юриспруденции Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, прослежена деятельность японских ученых на Дальнем Востоке России в конце XVIII – начале XIX в.

Ряд докладов раскрывали проблемы общественно-политического и социально-экономического развития Дальневосточного региона. Ирина Львовна Кузина, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и архивоведение» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, в своем докладе выявила состояние коммунального хозяйства городов Дальнего Востока в 1930-е гг. Кроме того, Ирина Львовна Кузина в докладе, написанном в соавторстве с Иваном Константиновичем Андриановым, раскрыла особенности образовательной системы казачества Приамурья и Приморья в начале XX в. Роль дворянства в общественной жизни российского государства в начале XVIII в. выявила Мария Юрьевна Токишова, студентка 5-го курса факультета истории и юриспруденции Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета. Ирина Степановна Кочеткова, кандидат исторических наук, доцент кафедры сервисных технологий Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, рассмотрела процесс создания общественных организаций на юге Дальнего Востока России в период между событиями 1905 и 1917 гг. Вопрос социального происхождения первостроителей Комсомольска-на-Амуре исследовала Олеся Викторовна Блохнина, студентка 5-го курса факультета истории и юриспруденции Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета. Наталья Николаевна Абабкова, соискатель кафедры «История и архивоведение» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, затронула вопрос репертуарной политики классических театров юга Дальнего Востока в условиях кризиса 1990-х гг.

На секции «Культурология» были представлены шесть докладов. Татьяна Алексеевна Чебанюк, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, рассмотрела современные трактовки феномена интеллигенции. Исследователь подчеркивает, что проблемы сущности интеллигенции активно обсуждаются в социогуманитарных науках. Надежда Юрьевна Костюрина, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, проанализировала исторические основания межэтнической напряженности в Комсомольске-на-Амуре. Елена Сергеевна Смирнова, магистр кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, в своем докладе выявила роль игры в культуре коренных малочисленных народов Дальнего Востока России.

В докладе Валерии Юрьевны Балахниной, кандидата культурологии, доцента кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, раскрыто влияние процесса глобализации на поведение китайской молодежи в конце XX в. Чжан Вэнь Хуэй, магистр кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, рассмотрела культурно-исторические связи пограничных городов Благовещенска и Хэйхэ, показала формы их взаимодействия. В докладе Чжан Вэнь Хуэй и Яны Сергеевны Иващенко, доктора культурологии, рассмотрена семантика праздничных блюд Китая.

На секции «Лингвистика и межкультурная коммуникация» были представлены семь докладов. Проблемы отношения к порядку в русской и немецкой культурах затронула кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры иностранных языков Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета Ольга Владимировна Кохан. Символику счастья в культуре традиционного и современного Китая рассмотрела кандидат

культурологии, доцент кафедры иностранных языков Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета Марина Вячеславовна Сүй. Ряд работ были посвящены проблемам преподавания иностранных языков в технических вузах. Юлия Вячеславовна Ильина, ассистент кафедры иностранных языков Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, рассмотрела особенности процесса изучения иностранного языка в техническом вузе. Татьяна Александровна Арзамасцева представила практические рекомендации по совершенствованию методики преподавания английского языка в техническом вузе.

Ольга Владимировна Чибисова, кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, обосновала необходимость развития социокультурных компетенций студентов технического вуза в процессе изучения иностранного языка. Елена Юрьевна Першина, доцент кафедры иностранных языков Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, затронула проблему востребованности молодых специалистов со знанием иностранных языков на предприятиях Комсомольска-на-Амуре. Лариса Викторовна Воробец, кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, рассмотрела вопрос распространения глобального языка с позиций межкультурной коммуникации.

Содержание докладов показало актуальность заявленной тематики и перспективность проведения научных исследований в данном направлении, а также общий высокий научный уровень конференции.

Шунейко А. А.
A. A. Shuneyko

НУЛЕВАЯ СТРАНИЦА

PAGE ZERO

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 8(4217)52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru
Mr. Alexander A. Shuneyko – Dr. Habil. of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 8(4217)52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Аннотация. Базовые оценки текста связаны с характером восприятия типа координации зафиксированного в нём содержательного комплекса с реальностью. Таких типов взаимодействия три: текст отражает реальность, текст противопоставлен реальности, текст никак не соотносится с реальностью. Каждый из этих типов фиксируется в пресуппозиции текста и должен учитываться интерпретатором в качестве исходной точки для всех остальных выводов.

Summary. Basic linguistic evaluations of a text are linked to the type of perception of how the meaning of a text relates to the reality: a text may reflect the reality, be opposed to the reality, or have nothing to do with it. Each of these relation types is ingrained in the text's presupposition and has to be taken into account by the narratee as the reference point for all his/her further inferences.

Ключевые слова: художественный текст, пресуппозиция, языковая оценка.

Key words: literary text, presupposition, linguistic evaluation.

Поэтический текст в протяженности своих сознания, трансляции и воспроизведения существует одновременно во множестве разнородных контекстов. Один из контекстов организуется полем оценок – открытой совокупностью всех реальных и потенциальных оценок данного художественного целого. Вне этого поля поэзии не существует. Оно кардинальным образом влияет на все аспекты её существования. Оно является той средой, которая обеспечивает функциональность поэзии. Поле организуется совокупностью оценочных шкал, которые группируют оценки, продуцируемые на сходных основаниях. Основания, организующие оценки, могут быть предельно абстрактными и субъективными (нравится – не нравится, цепляет – не цепляет и т. д.), и более или менее конкретными и по своей видимости объективированными (насколько последовательно включен в традицию, какой жанр реализует и т. д.).

Сейчас пока сложно даже в общем плане установить всю совокупность многообразных оценочных шкал, в средоточии которых находится поэзия в восприятии её создателей, трансляторов и читателей. Ограничимся одной, устанавливающей координацию между поэзией и материальным планом реальности. Здесь отчетливо обозначаются три базовые оценки: поэзия никак не связана с материальным планом реальности (оценка противопоставления), поэзия тесно и непосредственно связана с материальным планом реальности (оценка объединения), вопрос о связи поэзии с материальным планом реальности ставиться не может (оценка неопределенности). Кратко охарактеризуем каждую из этих базовых оценок.

Базовая оценка противопоставления предполагает, что поэзия никак не связана (и не может быть связана) с материальным планом реальности. Поэзия и реальность жёстко противопоставлены как фиктивное и действительное, ложное и истинное, произвольно выдуманное и закономерно существующее. Эта базовая оценка предполагает, что поэзия воспринимается как продукт чистого воображения. Оценка фиксируется множеством разнообразных высказываний и текстов. Например, в предельно обнажающей суть саркастически

(пародийно) заостренной форме и в то же время содержательно максимально верно она представлена в реплике Незнайки из повести Н. Носова «Незнайка и его друзья». На замечание Знайки о том, что Незнайка сочиняет в своих стихах всякую неправду, тот вполне логично отвечает: «Зачем же мне сочинять правду? Правду и сочинять нечего, она и так есть». В высокой поэтической форме эта оценка представлена, например, в стихотворении В. Набокова «Люби лишь то, что редкостно и мнимо»: «О, поклянись, что веришь в небылицу, / что будешь только вымыслу верна <...>» (у В. Набокова присутствует и иное восприятие). Эта базовая оценка воплощается во множестве текстов, целые литературные направления поднимают её как своё знамя, например, вся фетовская традиция в поэзии, символизм, поэзия абсурда. Здесь и далее, когда речь идёт о литературном направлении или виде литературы, подразумевается, что оценка доминирует в них, но вовсе не предполагается, что она является единственной и представленной во всех текстах; в любом полноценном направлении или творчестве какого-либо автора представлено более одной базовой оценки. Оценка противопоставления продуцирует такое восприятие конкретного поэтического текста, при котором он существует вне (помимо) сферы действия категорий истинного и ложного и всегда прочитывается без учёта того, насколько последовательно передан в нём реальный план и отражён ли в нём последний вообще.

Базовая оценка объединения предполагает, что поэзия тесно и непосредственно связана с материальным планом реальности, является его продуктом. Поэзия и реальность тесно и неразрывно слиты как результат и причина, реакция и стимул, описание и предмет. Поэзия – более или менее последовательное переложение (отражение) реальности в иной форме. Оценка фиксируется множеством разнообразных высказываний и текстов. Например, в саркастически (пародийно) заостренной форме и в то же время содержательно максимально верно она представлена в известной установке: «утром в газете – вечером в куплете». В высокой поэтической форме эта оценка представлена, например, в стихотворении Н. Некрасова «Поэт и гражданин»: «Проснись: громи пороки смело...». Эта базовая оценка воплощается во множестве текстов, целые литературные направления поднимают её как своё знамя, например, вся реалистическая поэзия, гражданская лирика, акмеизм. Оценка объединения продуцирует такое восприятие конкретного поэтического текста, при котором он существует (чётко вписан) в сфере действия категорий истинного и ложного и всегда прочитывается как более или менее последовательно передающий реальный план существования материальных форм.

Любопытно, что вопрос о том, способна ли поэзия в принципе влиять на материальный план реальности, изменять его в той ли иной мере, находится вне пределов дихотомии оценок противопоставления и объединения, не связан с ней непосредственно. И в традиции текстов, созданных в формате первой оценки, и в традиции текстов, созданных в формате второй оценки, в произвольном соотношении существуют взгляды, утверждающие и отрицающие разные формы и степень воздействия текста на окружающий мир.

Базовая оценка неопределенности предполагает, что вопрос о связи поэзии с материальным планом реальности ставиться не может (отсутствует в принципе), поскольку природа поэзии не ясна, она по своей внутренней сути самодостаточна. Соответственно, вопрос о выявлении типов координации, как в первых двух случаях, подниматься в принципе не может. В формате этой оценки поэзия – инобытийная категория, подчиненная с своим саморазвитием только собственным, никем не выявленным законам. Оценка фиксируется множеством разнообразных высказываний и текстов. Например, она представлена в стихотворении И. Анненского «Поэзия»: «Над высью пламенной Синая / Любить туман Ее лучей, / Молиться Ей, Ее не зная, / Тем безнадежно горячей <...>». Отметим, что в различных текстах И. Анненского присутствуют все три базовые оценки, что вполне согласуется с высокой неопределенностью восприятия им поэзии. Сложно назвать литературное направление, которое бы более или менее последовательно воплощало эту базовую оценку; ближе всего к ней находятся дадаизм и заумная поэзия, ставящие своей задачей выработку самодостаточных поэтических форм и декларирующие отрыв в равной мере как от материального плана реально-

сти, так и от поэтической традиции. Для экспликации особенностей этой базовой оценки на конкретном примере важно подчеркнуть принципиальное различие между символизмом, который находится в рамках первой базовой оценки и, хотя и противопоставляет поэзию реальности, но самим фактом противопоставления указывает (или утверждает) присутствие противопоставленной связи, и дадаизмом, который восприятие природы поэзии вообще освобождает от связей. Основная особенность этой базовой оценки не в факте отрицания или утверждения того или иного типа связи, а в факте снятия вопроса о наличии или отсутствии этой связи, в помещении поэзии в поле полной неопределенности, вывод её за грань общепринятых дихотомий. Оценка продуцирует такое восприятие конкретного поэтического текста, при котором он существует самодостаточно, вне сфер действия каких-либо категорий и оценен вообще быть не может, может быть только воспринят в соответствии исключительно со своей целостностью.

Есть основания предполагать, что именно три перечисленные базовые оценки являются исходными при восприятии текста, то есть могут существенно (определяющим образом) влиять на все иные оценки и в какой-то мере предопределять восприятие текста в целом. Изначально текст оценивается не сам по себе, а через призму принятия или непринятия воспринимающим его субъектом той базовой оценки, которую текст реализует. Например, читатель по своим эстетическим и иным установкам считает верной первую базовую оценку (отдает ей безусловное предпочтение); если он воспринимает текст, реализующий эту же оценку, это становится базой для позитивного восприятия текста в целом, если же он сталкивается с текстами, созданными в форматах второй и третьей оценки, это становится базой для негативного восприятия и т. д.

Сами же оценки находятся в пресуппозиции текстов, помещаются на их нулевых страницах. Пресуппозицией текста, как и пресуппозицией предложения является та часть его семантики, которая воспринимается в качестве заранее известной, очевидно предполагаемой, изначально данной и не могущей быть подвергнутой формальному отрицанию. Различие между двумя этими типами пресуппозиций в том, что применительно к предложению речь идет о локальной (конкретной) фактической информации, а применительно к тексту – об абстрактной установочной (или оценочной) информации. Пресуппозиция текста – это предположенные ему сведения, содержащие ключ к его адекватному восприятию.

Нулевая страница, содержащая код верного (соответствующего целостности произведения) восприятия текста, вовсе не обязательно прочитывается воспринимающим субъектом в процессе его знакомства с текстом, хотя она всегда в тексте так или иначе представлена. Она может быть задана в его сознании заранее фактом того или иного знакомства с традицией, в рамках которой текст возник.

Нулевая страница является исходным (не оформленным самостоятельно) информационным блоком, который включает в себя совокупность сведений о том, в рамках какой базовой оценки (или модели) создан данный текст. Учет того, что каждый читатель в момент знакомства с текстом невольно обращается к нулевой странице и проецирует на неё собственные ценностные установки, обнаруживает соответствия или несоответствия своим личностным ориентирам, позволяет дифференцировать степени произвольности при восприятии текста и разграничивать типы восприятия текста, которые предполагаются его внутренней организацией, и типы восприятия, которые с внутренней организацией никак не связаны, а являются следствием читательского произвола.

Именно поэтому логичным и продуктивным представляется начинать любой анализ текста с выяснения (обоснованного выявления) информации, зафиксированной (неявно расположенной) на нулевой странице. Вне (помимо) экспликации этой информации адекватное восприятие текста мало вероятно. Нулевая страница не сводит прочтение текста к единственной интерпретации, но задает спектр допустимых самим текстом (возможных) прочтений. В этом смысле информация, находящаяся на нулевой странице, является для текста концептуально определяющей.